ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА № 5 ЯНВАРЬ 1987

СТУДЕНЧЕСКИЙ ЭКСПРЕСС

О ЧАПАЕВЕ

ВСТРЕЧИ С ЮРИЕМ КАЗАКОВЫМ

АВТОПОРТРЕТЫ ПУШКИНА

МОЛОДЫЕ ХУДОЖНИКИ: ВЗГЛЯД НА ЖИЗНЬ?

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 5 (3106)

31 ЯНВАРЯ — 7 ФЕВРАЛЯ

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

На выставке молодых художников Москвы можно было познакомиться с картинами Алексея Сундукова «Когда в очереди» и «Бесконечный поезд». (См. материалы «Мы с Кузнецкого... и дух наш молод!» и «На пути к правде жизни».)

Фото Льва МЕЛИХОВА

Оформление А. А. КОВАЛЕВА при участии Н. И. БУДКИНОЙ

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Публицистики — 212-21-88; Коммунистического воспитания — 250-38-17; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-39; Писем и массовой работы — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 12.01.87. Подписано к печати 28.01.87. А 00312. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 363. Заказ № 4290.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

ИНФОРМАЦИО

О Пленуме Це Коммунистической

27 января 1987 года начал работу очередной Пленум Центрального Комитета КПСС. На рассмотрение Пленума внесен вопрос «О перестройке и кадровой политике партии». С докладом по этому вопросу выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев.

Участникам Пленума была предоставлена возможность предварительно ознакомиться с тезисами доклада тов. Горбачева М. С., а также с проектом Закона СССР о государственном предприятии (объединении) и обзором писем трудящихся по вопросам перестройки и кадровой политики.

На заседании в прениях по докладу выступили: тт. И. К. Полозков — первый секретарь Краснодарского крайкома КПСС, Н. Н. Слюньков — первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии, Г. И. Марчук — президент Академии наук СССР, В. И. Воротников — Председатель Совета Министров РСФСР, В. Н. Голубева — директор Ивановской ткацкой фабрики имени С. М. Кирова, Н. И. Рыжков — Председатель Совета Министров СССР, В. В. Щербицкий — первый секретарь ЦК Компартии Украины, Б. Н. Ельцин — первый секретарь Московского горкома КПСС, Г. А. Арбатов — директор Института США и Канады Академии наук СССР, Ю. Ф. Соловьев — первый секретарь Ленинградского обкома КПСС, Ю. В. Петров — первый секретарь Свердловского обкома КПСС, Н. Д. Терещенко — председатель колхоза «Путь к коммунизму» Степновского района Ставропольского края.

28 января 1987 года на Пленуме ЦК КПСС продолжалось обсуждение доклада Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева «О перестройке и кадровой политике партии».

В прениях выступили: тт. А. А. Громыко — Председатель Президиума Верховного Совета СССР, В. С. Костин — бригадир комплексной бригады шахты «Зиминка» Прокопьевского производственного объединения по добыче угля, Кемеровская область, Г. В. Колбин — первый секретарь ЦК Компартии Казахстана, С. И. Манякин — первый секретарь Омского обкома КПСС, Г. А. Ягодин — министр высшего и среднего специального образования СССР, Ф. В. Попов — первый секретарь Алтайского крайкома КПСС, М. С. Соломенцев — председатель Комитета Партийного Контроля при ЦК КПСС, В. П. Тихомиров — токарь Московского электромеханического завода имени Владимира Ильича, А. Ф. Пономарев — первый секретарь Белгородского обкома КПСС, В. М. Величко — министр энергетического машиностроения СССР, Д. И. Патиашвили — первый секретарь ЦК Компартии Грузии, М. А. Ульянов — председатель правления Союза театральных деятелей РСФСР, Д. К. Моторный — председатель колхоза имени Кирова Белозер-

ННОЕ СООБЩЕНИЕ

нтрального Комитета

партии Советского Союза

ского района Херсонской области Украинской ССР, С. Л. Соколов — министр обороны СССР, Ю. А. Квицинский — Чрезвычайный и Полномочный посол СССР в Федеративной Республике Германии, Ф. Т. Моргун — первый секретарь Полтавского обкома Компартии Украины, П. П. Гришкявичус — первый секретарь ЦК Компартии Литвы, В. К. Месяц — первый секретарь Московского обкома КПСС, И. Б. Усманходжаев — первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана, В. И. Долгих — секретарь ЦК КПСС, А. М. Масалиев — первый секретарь ЦК Компартии Киргизии, В. И. Ситников — первый секретарь Иркутского обкома КПСС.

С заключительным словом выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Горбачев М. С.

Пленум принял по обсуждавшемуся вопросу развернутое постановление, которое публикуется в печати.

Пленум признал целесообразным одобрить в качестве основы проект Закона СССР о государственном предприятии (объединении), имея в виду в дальнейшем вынести его на всенародное обсуждение.

На Пленуме ЦК КПСС рассмотрены организационные вопросы.

Пленум избрал кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС тов. Слюнькова Н. Н. секретарем ЦК КПСС.

Перестройка – это опора на живое творчество масс, это всестороннее развитие демократии, социалистического самоуправления, поощрение инициативы, самодеятельности, укрепление дисциплины и порядка, расширение гласности, критики и самокритики во всех сферах жизни общества; это высоко поднятое уважение к ценности и достоинству личности.

М. С. ГОРБАЧЕВ

Пленум избрал секретаря ЦК КПСС тов. Яковлева А. Н. кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС.

Пленум избрал секретарем ЦК КПСС тов. Лукьянова А. И.

Принято решение об освобождении тов. Кунаева Д. А. от обязанностей члена Политбюро ЦК КПСС в связи с его уходом на пенсию.

Пленум освободил тов. Зимянина М. В. от обязанностей секретаря ЦК КПСС в связи с уходом на пенсию по состоянию здоровья.

На этом Пленум ЦК КПСС закончил свою работу.

ПРОШУ СЛОВА!

ПРОБЛЕМА ЛИЧНОГО И ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ СЕГОДНЯ ДЛЯ НАС ВАЖНА КАК НИКОГДА РАНЬШЕ. КАЖДОЕ ЛИЧНОЕ МНЕНИЕ, НЕСУЩЕЕ КОНСТРУКТИВНУЮ МЫСЛЬ,— ЭТО ВКЛАД В ОБЩЕСТВЕННОЕ БОГАТСТВО

Александр **НИКИТИН**

ЛИЧНОЕ МНЕНИЕ

Что высветили в нашем житье-бытье первые уроки перестройки? Прежде всего, на мой взгляд, завидную устойчивость привитого десятилетиями стереотипа поведения личности, когда было принято говорить не совсем то, что на самом деле думаешь. А ведь личное мнение, личная инициатива —ни с чем не сравнимое общественное богатство.

Вот пример. Совмещать одни рабочие профессии с другими давно разрешено. Можно совмещать и некоторые инженерные должности. Но инженерные с рабочими — боже упаси! Запрещено — и точка. А почему, собственно? Еще Маркс говорил о пользе сочетания умственного и физического труда. Конечно, на добровольных началах. Об этом я написал статью и опубликовал в одной из центральных газет.

Так вот откликнулись на нее делом уральцы. Недавно побывал у них в гостях. На Копейском машиностроительном заводе в Челябинской области очень выручает конструкторов подобное совместительство. Представьте такую ситуацию: надо срочно собрать два новых образца шахтных погрузочных машин. А как? Рабочие едва успевают плановые заказы выполнять. И тогда по собственной инициативе конструкторы и технологи создали свою подрядную бригаду, заключили договоры и по вечерам собирали две опытные машины.

На рабочем месте в цеху сразу стало виднее, что можно еще изменить и как. Десятки поправок внесли затем инженеры в чертежи, улучшив конструкцию. «Разминка» понравилась. И теперь опытные образцы конструкторы собирают и доводят собственными руками. От такой перестройки польза, как видим, заметная, ибо она деловая, конкретная. А начало ей положило открытое личное мнение, ставшее ныне общественным.

Энергия знаний у людей сегодня велика. Она требует лишь одного — подлинного раскрепощения от многочисленных запретов и инструкций, мелочной опеки и недоверия тех, кто в сотворении все новых и новых инструкций видит чуть ли не цель своего существования.

Что означает сейчас формально изданное постановление или впустую проведенное собрание? Что несет с собой ничего по сути не меняющая аттестация или лекция, на которой повторяются давно известные всем истины? Что дает совещание под председательством руководителя, не способного впитывать мнения других и принимать самому нужное решение? Если бы ущерб ограничивался только потерей времени. Гораздо хуже, что формализм подрывает надежду людей, пробужденную новым временем. Нельзя допустить, чтобы «галочные» мероприятия подрывали наш нравственный фундамент, основа которого — единство слова и дела.

Слово, не прибавляющее знаний, не двигающее дело вперед,— это лишь вредная имитация деятельности. Настала пора объявить войну пустословию и благим пожеланиям — всем «сверхправильным» словам, которые остаются только фразой. Говорят их те, кто не может отличить желаемое от реального, кто говорит без личного убеждения в необходимости и возможности того, к чему призывает. Нельзя забывать ни на минуту завет Владимира Ильича Ленина о связи с массой — жить в гуще, знать настроения, знать все, понимать массу, уметь подойти, завоевать ее абсолютное доверие...

Каково сейчас настроение массы? Мы богаты новыми людьми, которые многое умеют и уже делают. Но не о них речь. Фактом остается выжидательность, лейтмотив которой «поживем — увидим». Он захватил многих. В чем причины?

Чтобы общественное мнение коллектива-хозяина состояло из личных мнений людей, неравнодушных к бюрократии и бесхозяйственности, нужно, думается, смелее брать на вооружение рекомендацию партийного съезда о создании Советов предприятий. И первый из них уже есть в подмосковном тресте, которым руководит Николай Травкин. (Об этом «Огонек» рассказывал в № 49 за 1986 г.)

На всех ступенях нужны такие советы, которые стали бы практическими проводниками в жизнь тех принципов и норм, что закреплены в Законе СССР о трудовых коллективах. Советы должны хорошо знать личные мнения, чтобы быть выразителями мнения общественного. И если интересы ускорения социально-экономического развития страны требуют укрепления руководства через его демократизацию, то собрание как высший орган коллектива должно быть вправе принимать любые важные решения.

Партия взяла курс на совет с народом, на откровенный разговор с каждым из нас. Набирает силу принцип гласности. Печать, широко предоставляя страницы для нестандартных личных мнений, помогает формировать новое общественное мнение, созвучное идеям съезда.

Но все ли новые дельные мысли, достойные внимания общественности, становятся достоянием широкой аудитории? Все ли ценные изобретения получают действенную поддержку? Достаточно ли совершенна наша «технология» изучения личных мнений?

Ответ на эти вопросы очевиден: нет и нет. Одним из шагов в преодолении этого недостатка все же было бы, на мой взгляд, создание Всесоюзного центра изучения общественного мнения, а равно и местных центров. Подобные центры, созданные ранее при ЦК Компартий Грузии и Азербайджана, накопили интересный опыт. Надо ли ограничивать функции таких центров социологическими исследованиями в основном проблем партийной жизни? Изучение отношения людей к новым идеям в управлении экономикой, массовой культурой, думается, не менее важно.

Нужны, видимо, и независимые от ведомственных симпатий и антипатий центры поддержки предложений новаторов. Они могли бы опираться на временные межотраслевые группы специалистов, способных глубоко оценивать значимость любой новой идеи, какой бы «сумасшедшей» она ни казалась сначала. Аналогом тут может послужить практика ВНИИ государственной патентной экспертизы, широко использующего услуги внештатных специалистов. Мировой опыт создания временных экспертных групп тоже подтверждает полезность этого направления.

И тут уместно сказать, что в отличие от практики патентования технических изобретений организационные и экономические новинки не проходят через государственную экспертизу. А жаль. Научная общественность давно поддерживает мысль о распространении и на организационно-экономические идеи правила регистрации и вознаграждения — как за открытия, изобретения, рацпредложения. Скажем, в Чехословакии такая практика существует более десяти лет. Иное личное мнение многого стоит.

Или возьмем такую проблему. Законодательство о труде развивалось у нас лишь в одном направлении — защитить рабочего от притеснения сверху. От кого именно? В прошлом — нэпмана, буржуазного специалиста или грубого администратора. Но вот ситуация изменилась, и зарубежный «спец», которому в годы индустриализации зарплату платили золотом, давно исчез. А новый, советский специалист, как ему живется?

Сегодня, когда он должен принимать смелые решения, которых требует от него перестройка, он нередко оказывается беззащитным перед бюрократом. За инициативу, которая на первых порах вышестоящему начальству приносит одни беспокойства, он может быть им попросту уволен. Без всяких оснований.

Доказательств важности этой проблемы больше, чем надо. Скажем, директор Череповецкого объединения «Аммофос» В. Бабкин, недавно ставший во главе ВПО в Москве, уволил заместителя начальника производства инженера Е. Селина лишь за то, что тот написал письмо в свое же министерство о резервах мощностей, преднамеренно скрываемых дирекцией. Она требовала у государства все новых и новых миллионов рублей на расширение производства. Таким образом инженер открыто выразил свое мнение, не признаваемое в объединении, предложил проект экономической реконструкции.

Понадобилось вмешательство Прокуратуры СССР и лишь потом уже коллегии Минудобрения СССР, чтобы восстановить инженера на прежней работе. Суд не брал его дело на рассмотрение, и он долгое время оставался безработным. Оказываются в такой ситуации и другие руководители, специалисты, внесенные в перечень должностей, не подлежащих... судебной защите. Таким образом, они лишаются важнейшего гражданского права на самостоятельность и личное мнение. Не дает это уроков гонителям. Не придает и смелости новаторам. А для нынешней перестройки именно такие люди и нужны.

Проблема личного и общественного мнения сегодня для нас важна как никогда раньше. Проблема эта в русле призыва Михаила Сергеевича Горбачева драться за каждую строчку решений XXVII съезда партии. И начатый сегодня разговор важно продолжить. В фокусе внимания должны быть конкретные предложения. Каждое личное мнение, несущее конструктивную мысль,— это вклад в общественное богатство.

Давайте прямую речь превращать в прямые дела. Прямые в смысле самого верного и короткого пути практического овладения человеческим фактором ускорения.

беседа за «круглым столом» «огонька»

ГАРАНТИИ ВЫЖИВАНИЯ

Ч. Т. Айтматов, писатель.

Р. Г. Богданов, заместитель директора Института США и Канады АН СССР

Г. И. Герасимов, начальник Управления информации МИД СССР.

В. Ф. Петровский, заместитель министра иностранных дел СССР.

В. М. Фалин, председатель Правления Агентства печати «Новости».

В почте журнала немало сегодня писем, авторы которых серьезно обеспокоены тем, что в ответ на мирные инициативы СССР Вашингтон не проявил до сих пор реальной готовности предпринять конструктивные ответные шаги.

Что же дальше? — задаются вопросом читатели. Может быть, за океаном просто-напросто испытывают нашу выдержку?

Ответить на вопросы, волнующие читателей «Огонька», мы попросили писателя Ч. Т. Айтматова, заместителя директора Института США и Канады АН СССР Р. Г. Богданова, начальника управления информации МИД СССР Г. И. Герасимова, заместителя министра иностранных дел СССР В. Ф. Петровского и председателя Правления АПН В. М. Фалина.

Ч. Т. Айтматов: Современный человек, размышляя о судьбах мира, испытывает сложное чувство — некий синтез тревоги и надежды. Казалось бы, цивилизация достигает ныне небывалого уровня совершенства в технологическом плане. Казалось бы, наши успехи придают новый смысл жизни: человек, наконец-то, может освободить свой дух для невиданного прежде свободного творчества. И, однако, именно в эту пору, о которой наши предки даже и не мечтали, мир, расколотый на конфронтационные лагери, заходит в тупик.

Сейчас, когда мы судим о политическом лидере, то в первую очередь берем в расчет его способность приблизить нас к разрешению этого противоречия. И когда М. С. Горбачев и Р. Рейган отправились в Рейкьявик, сам этот факт обнадежил нас всех, независимо от того, кто мы, где мы, каких политических взглядов придерживаемся. И надежды наши были законны, потому как опирались на право человека жить, физически существовать. Итоги встречи общеизвестны.

Концентрированные предложения СССР продемонстрировали нам контуры возможного безъядерного будущего. Мы оказались в двух шагах от заветной мечты. Однако камнем преткновения на пути к ее воплощению стала позиция американской делегации. А что, если бы не СОИ? Какая великая светлая эра начала бы свой отсчет с октября прошлого года?! Увы, СОИ для Р. Рейгана оказалась важнее.

Р. Г. Богданов: Я бы сказал, не столько для Рейгана, сколько для тех, чьи интересы он представляет. У меня такое впечатление, что для них в определенной степени оказалось неожиданностью не только то, что произошло в Рейкьявике, но даже поведение их же президента. В самых разных сферах правящей элиты США сейчас продолжается ожесточенная дискуссия: а не допустил ли ошибку Рейган, пойдя в Рейкьявике на «чрезмерный» компромисс с Москвой. А если допустил, то насколько это наносит ущерб традиционной американской политике по отношению к СССР, интересам военно-промышленного комплекса, всем остальным антисоветским воителям. Среди ряда обозревателей, наблюдающих за внутренней жизнью Америки, есть даже точка зрения, очень, конечно же, сомнительная, что раскручивание «ирангейта» — своего рода месть Рейгану за Рейкьявик. К сожалению, мы в который уж раз наблюдаем ситуацию, когда советско-американские отношения становятся «заложниками» американской внутренней политики.

«Огонек»: В последнее время в американской пропаганде четко просматривается тенденция представить именно СОИ как олицетворение нового мышления в ядерный век.

В. М. Фалин: СОИ — это прекрасная иллюстрация к тому, что все новое — хорошо забытое старое. И в первую очередь стара философия, которую исповедуют сторонники СОИ. Она зиждется на слепой вере в силу как способ решения политических споров между государствами. По мнению вашингтонских стратегов, концентрированным выражением их силы является способность США конструировать такие совершенные системы вооружений, которые не способны создавать другие страны. Но ведь завтра появится новая, более совершенная военная технология, которой захотят заменить ту, что лежит сегодня в основе СОИ. И процесс этот, если не произойдет осечки, будет бесконечно повторяться, а человечество ковылять от одного кризиса к другому.

«Огонек»: Президент Рейган считает, что система космической обороны, способная ликвидировать наступательный потенциал ядерного оружия, освободила бы мир от опасности всеуничтожающего конфликта между сверхдержавами и сделала бы доктрину «сдерживания» более заслуживающей доверия и более гуманной, если принять во внимание ее традиционный упор на массированное возмездие.

Г. И. Герасимов: Концепция «сдерживания» означает, что стороны удерживают друг друга от нападения одной на другую гарантированным возмездием, непомерно высокой ценой за первый удар. Западные стратеги пишут об обеспечении нанесения нападающему «неприемлемого ущерба», наши военные предупреждают о неминуемости сокрушительного ответного удара. А в итоге получается так называемое «взаимное гарантированное уничтожение».

Сдерживание существует повсеместно. Родители или власти сдерживают угрозой наказания детей или граждан от плохих поступков. Как мы знаем, это не всегда получается. А что если с ядерным сдерживанием не получится? Мир погибнет, наказаны будут не только виновные, но и правые.

В этой несуразице и заключается опасность и аморальность ядерного сдерживания. Если, как выражаются кабинетные стратеги, «сдерживание не сработает», то погибнут миллионы ни в чем не повинных людей. Ядерное сдерживание аморально, поскольку держит в качестве заложников эти невинные миллионы людей.

Президент США Р. Рейган неоднократно указывал на аморальность такой ситуации. Но выход из нее он предлагал на путях осуществления стратегической оборонной инициативы, создания «щита», который бы защитил население страны от чужих ракет.

«Щита», однако, не получится: слишком силен ядерный меч и слишком легко его дополнительно заточить. Но устранить опасную ситуацию ядерного сдерживания можно и нужно, отказавшись вообще от ядерного оружия.

В. Ф. Петровский: Доктрина взаимного гарантированного уничтожения не может служить надежной основой безопасности в ядерный век. Вместо нее мы предлагаем концепцию взаимного гарантированного выживания, сформирования всеобъемлющей системы безопасного мира. Но этому противоречит СОИ, которая предполагает не ликвидацию, а переключение гонки вооружений с одного направления на другое, еще более опасное и дорогостоящее. Вашингтон видит в стратегической системе ПРО альтернативу «сдерживанию», основанному на наступательном оружии. Но нельзя забывать, что наступательное оружие почти наверняка будет сохранено и, весьма вероятно, будет усилено в ответ на скачок в развитии обороны. А ведь именно американские аналитики в области обороны среди первых оценили риск и опасность взаимообусловленной наступательно-оборонительной гонки вооружений, когда эскалация в развитии одного вида оружия стимулирует развитие другого.

Итак, «безопасность», которую сулит Рейган, выдвигая программу «звездных» войн, это не безопасность, обеспечиваемая политическими средствами и нацеленная на выживание, а безопасность, основанная на военно-технической базе, которая в ядерно-космических условиях может обернуться «нулевой безопасностью» для всего человечества, то есть его уничтожением.

Ч. Т. Айтматов: К сожалению, до сих пор Америке не удалось преодолеть самоубийственный, преступный порог национального эгоизма. Политика, не учитывающая в наше время общечеловеческие интересы, не может претендовать на звание прогрессивной. Но мир тем временем неумолимо меняется. Это касается и самой направленности нашего мышления, которое все больше обретает черты планетарности. Сегодня становится опасным отстаивать лишь свою монополию на знание «конечной истины», не беря в расчет противоположную точку зрения.

«Огонек»: В США сейчас всячески утверждается мнение — и по телевидению, и через газеты,— что «сговорчивость» Советского Союза на переговорах прямо пропорциональна росту военной мускулатуры США.

В. М. Фалин: Каждый уговаривает себя как может. Однако давайте посмотрим фактам в лицо: за стол переговоров в Рейкьявике нас привела не СОИ. Она, напротив, стала основным препятствием на пути к достижению широкомасштабного соглашения по разоружению. Хочу подчеркнуть, что стабильным и надежным может быть лишь договор равных. Не будет равенства, не будет и договора. Если США рассчитывают, что с помощью СОИ они заставят нас делать то, что противоречит нашим принципам, то это очередное глубокое заблуждение.

Ч. Т. Айтматов: В завершение нашей краткой беседы мне хочется подчеркнуть: перед человеком сегодня стоят цели более благородные, нежели реализация проектов СОИ. Вот, к примеру, дело, которому стоит посвятить жизнь. Разумеется, в мировом контексте можно рассматривать это как частность. И тем не менее...

Я знаю несколько молодых людей — и называю их альтернативщиками-энтузиастами,— которые заняты разработкой ультрапередовых и вместе с тем общеприемлемых концепций в развитии современной науки и культуры. Группа этих молодых энтузиастов увлечена сейчас разработкой неслыханного проекта: соответствующим приспособлением небесной сферы для использования ее в качестве... телевизионного экрана. Не улыбайтесь и не списывайте эту идею со счетов преждевременно: на высотных орбитах с помощью мощных лазерных установок можно будет, если удастся осуществить эту фантастическую мечту, проецировать в увеличенном масштабе великие зрелища в цвете и звуке, которые происходят где-нибудь на Земле. Не стоило бы променять этот великий проект на самоубийственную СОИ. Возможно, теория молодых ученых пока что фантазия. Но я в нее безгранично верю. Более того, я убежден, что нечто подобное необходимо человеку, который будет жить в XXI веке. Давайте же дадим ему шанс стать свидетелем будущего и великих творений грядущего столетия.

Беседу за «круглым столом» вели Артем БОРОВИК и Вероника ХИЛЬЧЕВСКАЯ.

МОМЕНТ ИСТИНЫ?

Перестройка — время обновления. Процесс этот захватил все сферы нашей жизни, самые разные коллективы. Не обошел он и МХАТ, самый, как недавно еще казалось, благополучный театр страны. Как же: великолепный ансамбль актеров, один из бесспорных лидеров советского театрального дела во главе труппы... И тем не менее, когда речь зашла об эксперименте, о работе по-новому, проблемы обнажились и во МХАТе.

Трудно предвидеть сегодня, чем все закончится, будет ли у театра две сцены, а если одна, то какая? Как сложатся творческие и человеческие судьбы сегодняшних мхатовцев? Но то, что «момент истины» высветил многие жизненные позиции, это бесспорно.

Мы встретились с О. Ефремовым 26 января после спектакля «Так победим!», который МХАТ показывал специально для приехавших в Москву лучших металлургов страны. Снова и снова раздвигался знаменитый занавес с чайкой, и взволнованные актеры стояли в центре сцены, встречаясь взглядом с восхищенными зрителями. Высочайший творческий уровень театра был подтвержден еще раз...

— Все будет хорошо,— сказал Олег Николаевич.— Важно, чтобы любые изменения шли на пользу делу. Завтрашний Пленум ЦК, конечно же, добавит нам сил в борьбе за правду жизни. Все меняется к лучшему. И в стране, и в театре...

«...Если есть театр, который мы должны из прошлого во что бы то ни стало спасти и сохранить,— это, конечно, Художественный театр».

В. И. ЛЕНИН

28 октября 1986 года начал свою работу XV съезд ВТО. Казалось, он пройдет гладко, без шероховатостей, как это всегда и бывало в прежние годы. Олег Николаевич Ефремов выступал четвертым. Мирное течение съезда было взорвано, на трибуну один за другим выходили люди театра, говорили принципиально и остро о самом наболевшем, самом важном...

Через пять дней, 2 ноября, на заседании парткома МХАТа Ефремов предложил подготовленную им совместно с Министерством культуры СССР модель перестройки творческой жизни Художественного театра. И разгорелся острейший конфликт, выявивший глубинные противоречия нынешнего периода перестройки.

Когда мы говорим о революционном характере перестройки, то предполагаем, что конфликты, подобные мхатовскому, неизбежны. А когда за словом следует дело, выясняется, что ни коллектив, ни органы культуры не готовы к решению таких конфликтов. Мы ратуем за перестройку, когда она проходит где-то, а не у нас в коллективе. Мы ждем перестройки, но чтобы ничего не менялось. Вот проблема, которую вскрыло предложение Ефремова.

ИЗ ПИСЬМА ГРУППЫ АКТЕРОВ МХАТа СССР ИМЕНИ М. ГОРЬКОГО:

«В нашем театре произошло то, что сегодня зачастую происходит во всей стране. Те, кто привык существовать в уже сложившихся условиях, заботясь в основном о сохранении привычного и во многом удобного для них порядка вещей...— эта группа заняла негативную позицию по отношению к перестройке внутри театра... В настоящее время в театре существуют два коллектива, почти что равных по количеству актеров и придерживающихся принципиально разных взглядов на перспективы дальнейшего существования МХАТа... В ходе голосований и обсуждений выявились столь серьезные и принципиальные различия в творческих и человеческих позициях разных групп, что делает невозможным наше дальнейшее сотрудничество в рамках единой труппы».

М. Прудкин, И. Смоктуновский, О. Борисов, Е. Евстигнеев, В. Невинный, О. Табаков, А. Калягин, А. Мягков, С. Любшин, И. Мирошниченко, А. Вертинская — всего 68 подписей.

Когда проект перестройки был отвергнут в коллективе МХАТа большинством голосов, стало ясно, что в создавшейся ситуации Ефремов должен уйти с поста художественного руководителя.

ЧТО ЖЕ СЛУЧИЛОСЬ?

Из протокола заседания Художественного совета МХАТа СССР 6 ноября 1986 года:

О. Ефремов. «...Сегодня мы рассматриваем те возможности, которые предлагает нам время, те преобразования, которые происходят в стране. Было бы неправильно не преобразовывать и жизнь Художественного театра. Вопрос о большом количестве артистов в труппе МХАТа возник не вчера. Его можно было бы решить по-разному — например, сократить труппу. Но, с моей точки зрения, это было бы несправедливо. Предполагаемое обновление — это создание двух сцен: одна сцена по проезду Художественного театра, другая — по улице Москвина или Тверскому бульвару».

А. СМЕЛЯНСКИЙ, ПОМОЩНИК ГЛАВНОГО РЕЖИССЕРА ПО ЛИТЕРАТУРНОЙ ЧАСТИ. Из интервью: «...Мы столкнулись с ситуацией, о которой пятьдесят четыре года назад говорил К. С. Станиславский: в какую сторону может развиваться искусство Художественного театра при наличии огромной труппы — «вширь» или «вглубь»? «За последние годы,— писал основатель МХАТа,— театр очень раздался вширь — в нем более 120 человек актерского состава, из которых многие претендуют на работу, которой мы не можем им дать... Я не вижу иного выхода, как разделение театра, чтобы основной МХАТ мог со всей последовательностью проводить принятую линию». Тогда было более 120 человек, сейчас их почти 150 (по штатному расписанию —160). Что же предложил Ефремов? Внутри единого театра попробовать два варианта эксперимента. В обновленном историческом здании в проезде Художественного театра создать принципиально новые условия творческой и административно-хозяйственной жизни. Министерство культуры заключает договор с главным режиссером, он, в свою очередь, с труппой. Ни одного лишнего человека, все направлено на творческий поиск. Ефремов возвращается к коренной идее русского театра — идее товарищества, художественного единомыслия. Так рождался когда-то МХАТ, так строился «Современник». Величайшая беда нашего театра в том, что он давно отбросил принцип товарищества. Сегодня «правят бал» уравниловка, администрирование, застой. У режиссуры нет обязанностей перед труппой, у актеров — перед зрителями. Дело не только в количестве актеров, но и в том, что давным-давно нет никакого единомыслия, элементарного уважения друг к другу, многие актеры даже не знают своих коллег по имени и отчеству. Разрубая узел, завязанный десятилетиями мхатовской истории, Ефремов предложил: давайте создадим две труппы, давайте будем работать все, но в иных, гораздо более строгих условиях, не за счет друг друга...»

М. Прудкин. Из выступления на Художественном совете МХАТа 6 ноября: «Я считаю, что разделение улучшит творческое дело... Все должно быть единое, выделяются только две самостоятельные группы, может быть, с некоторым элементом конкурентности. Я в этом никакого криминала не вижу, здесь нет престижности одной группы перед другой. Это Художественный театр, но разделенный на две группы для выявления творческих возможностей, чтобы не было безработных актеров».

Казалось бы, что же спорить: разделение театра справедливо уравновесит актерскую занятость, все получат достойную их таланта работу.

Но вышло так, что актеры, которые меньше всех были заняты в репертуаре, оказались самыми недовольными.

ПОЧЕМУ?

Конфликт, происшедший в театре, рожден самой атмосферой сегодняшнего дня, теми преобразованиями, которые происходят в стране после XXVII съезда партии. Это закономерный конфликт, и столь же закономерно сопротивление, с которым было встречено предложение Ефремова.

М. ШАТРОВ, ЧЛЕН ХУДОЖЕСТВЕННОГО СОВЕТА МХАТа СССР. Из интервью: «В биографии МХАТа был один потрясающий момент, когда старики вдруг забыли о своих личных столкновениях и задумались об искусстве Художественного театра, о его будущем. Так во МХАТ пришел Ефремов. По сути дела, он спас театр от гибели. Мы как-то стесняемся об этом говорить, но ведь это было новое рождение Художественного и художественников.

Как же могло случиться то, что случилось сегодня? Между тем все, на мой взгляд, объясняется достаточно просто.

Когда МХАТ был выделен из всех других театров, у его работников появились определенные привилегии. Более высокая зарплата, два месяца отпуска, ряд других преимуществ, о которых их коллеги могут только мечтать. Я все время думаю: почему только Ефремов, один Ефремов ставит все эти годы организационные вопросы, почему актеры, мало занятые в репертуаре, до сих пор ни разу не восстали, требуя для себя все новую и новую работу? Да потому, что многих устраивает эта ситуация. В самом деле: у них масса свободного времени, они выступают с концертами, записываются на радио, снимаются в кино. И весь сезон живут в предвкушении лета, когда они с афишей «артисты МХАТа» отправляются на свои собственные гастроли в разные, преимущественно небольшие города страны, показывая иной раз такие спектакли, которых нет и быть не может в репертуаре театра.

У конфликта, который произошел, есть еще один аспект — мировоззренческий. И это, на мой взгляд, самое главное. Для Ефремова всегда было важно, что ставить, о чем вести разговор — лицо Художественного театра все последние годы определялось прежде всего общественно-политической линией его репертуара. Однако гражданская позиция Ефремова в самом театре разделяется не всеми. Многие актеры так и не стали единомышленниками Ефремова, и это иной раз достаточно остро, мягко говоря, дает себя знать...

Вот ситуация. Небольшая часть актеров тянет основной репертуар, остальные — только существуют. В самом деле, это факт. Думаю, некоторые актеры прочтут эти строки и возмутятся: ну как же так, мы тоже за перестройку, мы тоже хотим как лучше... Это ситуация, о которой говорил М. С. Горбачев: как бы улучшить дела, ничего не меняя. Фактически знаменитая уравниловка, от которой мы столько страдаем. Что же волнует противников Ефремова: проблема сохранения искусства Художественного театра, которая волновала когда-то стариков, на чей зов о помощи он откликнулся, или проблема сохранения своего положения в Художественном театре? Вот вопрос, который возникает невольно, сам собой, без всякой претензии на оригинальность».

По замыслу Ефремова, часть труппы, остающаяся в здании на Тверском бульваре, выберет свой Художественный совет, который должен самостоятельно решать все важнейшие вопросы жизни театра — какое количество спектаклей выпускать, какие пьесы ставить, кого из режиссеров приглашать на постановку (причем подразумевается, что это могут быть самые крупные мастера современного театра). Эта часть труппы сама, изнутри, должна выдвинуть режиссера-лидера. Ефремов оставляет за собой общее руководство и той, и другой сценой.

А. Калягин. Из интервью: «Не могу понять, как актер может отказываться от предложения Ефремова, от этой возможности не просто «значиться» в труппе, а работать. Ведь сохранение нынешних условий—это вечное недовольство и вечный конфликт. Я за разделение, хотя знаю, что ведущим актерам при этом будет гораздо труднее жить. Когда Ефремов спросил, есть ли у меня желание идти в экспериментальную труппу, я поначалу решил: останусь в другом театре. Поймите меня правильно: я люблю и безмерно уважаю Ефремова, это действительно **мой** режиссер, но мне уже 44 года, и я хотел бы попробовать работать и с Додиным, и с Товстоноговым. А Стуруа! Ведь никто не мешает пригласить их на постановку. Эти замечательные мастера могли бы ставить Шекспира, Островского, Булгакова — самый разнообразный репертуар. Но нет. Многие актеры не откликнулись. Не захотели...»

И. Мирошниченко. Из интервью: «...Самое главное — дожить до пенсии,— говорил мне после профсоюзного собрания один из ярых противников Ефремова.—В гробу я все это видел». Просто и ясно сказано. Вот такое было мнение...»

Действительно, просто и ясно.

«БЫТЬ ЛИ НАМ ДОБРЫМ К НЕМУ?»

Предложение Ефремова голосовали не только актеры, но и все работники творческого цеха — помрежи, суфлеры, администрация, оркестр. Противников оказалось больше, чем сторонников.

Из решения профсоюзного собрания творческого цеха МХАТа СССР от 22 ноября:

«Заслушав и обсудив сообщение О. Н. Ефремова, собрание постановило:

1. Предложение о разделении МХАТа СССР имени М. Горького на два театра... отклонить в настоящее время, как не имеющее четко разработанного проекта творческого, экономического и организационного обоснования, в которое были бы заложены гарантии стабильности... дальнейшего развития искусства МХАТа, исторически сложившегося творческого коллектива...»

Из выступлений на профсоюзном собрании:

— Всегда Ефремов делал, что хотел... Сейчас ничего не надо делить, и нет таких причин, чтобы делиться.

— МХАТ должен иметь одну печать...

— Выступление Ефремова явилось поводом и для разговора о развале театра. Я принципиально против разделения...

— Я против раздела театра, так как это не наша собственность. МХАТ — это деяние народа.

— Быть ли нам добрыми к нему или пусть юрист разбирается с ним, если он не справляется со 150 актерами как главный режиссер...

— Правильно. Виноват Ефремов.

Читаю протокол и не знаю, верить глазам или не верить...

О. ТАБАКОВ. Из интервью: «Я на стороне Ефремова в этом конфликте. После того, что произошло, после того, как стали известны методы ведения спора, к которым прибегала оппонирующая сторона, говорить уже не о чем — разговор на профсоюзном собрании завершил разделение театра, пока, к сожалению, неофициальное, и делать вид, что этого не произошло, было бы, наверное, просто безнравственно».

А. КАЛЯГИН. Из интервью: «Мы не думали, что такое возможно. Мы пропустили тот момент, когда недозволенное стало дозволенным. Мне с этими людьми в одном театре уже не жить. На нашей сцене несколько лет идет спектакль «Заседание парткома», его все хорошо знают. Мы никогда не думали, что у нас в театре будет страшнее, чем у Гельмана, драматизм его пьесы казался нам когда-то чуть преувеличенным, а здесь у нас и в самом деле страшнее, ибо у Гельмана в конце концов победила правда, а здесь еще неясно, чем кончится...»

И. СМОКТУНОВСКИЙ. Из интервью: «Сейчас, когда после XXVII съезда намечена конкретная программа перестройки, нет ничего страшнее, чем демагогия. Она нас тянет назад, к досъездовскому времени. В руках людей, которых вполне устраивает их лениво-застойная жизнь, демагогия становится самым настоящим оружием. Умело используя его, они иногда добиваются конкретных результатов. И самое поразительное, что мы ничего не можем сделать, потому что этих людей — большинство. Их очень часто оказывается большинство...»

О. БОРИСОВ. Из интервью: «Ефремов — один из выдающихся режиссеров, кто, как не он, и кто, как не Эфрос, которого уже нет, создавал после войны советский театр, кто? Я прожил уже практически жизнь, видел разное, но никогда не участвовал ни в группах, ни в оппозициях, ни в коалициях. Сейчас — другая ситуация. Я буду активно выступать на стороне Ефремова, я буду там, где будет он, потому что то, что он говорит и делает, справедливо».

Мы привыкли думать, что в жизни всегда побеждает здравый смысл, что правда всегда на стороне большинства. А в искусстве, оказывается, иной раз решающее слово говорит даже не алгебра — простая арифметика. Впрочем, на профсоюзном собрании, продолжавшемся в театре три дня, мог бы быть и другой подсчет голосов. Но молодежь театра, поддерживающая предложение Ефремова, отказалась голосовать. Молодые актеры покинули собрание. Все как один.

«А ЧТО БЫ СКАЗАЛА ВАША МАМА!»

Из протокола заседания Художественного совета МХАТа СССР 6 ноября.

О. Симонова, актриса, секретарь комитета ВЛКСМ МХАТа: «Я хочу сказать от лица комсомольской организации, что... молодежь согласна идти на любой риск».

Д. БРУСНИКИН, актер. Из интервью: «Мы уверены, что внутренний раздел в театре необходим. Без этого у молодежи нет будущего. Но что началось! Молодые актеры стали подвергаться соответствующей «обработке». Угрозы, открытые и тайные, письма без подписи — словом, происходило что-то чудовищное. А то, что произошло с Олей Симоновой на «дружеской беседе» с некоторыми влиятельными в театре людьми, членами парткома, было бы неплохо записать и напечатать как пособие для начинающих актеров. Пусть знают, что их может ожидать...»

Увы. На встрече с О. Симоновой никто никаких записей не вел.

О. СИМОНОВА. Из интервью: «Оля, — спросили меня, — как комсомольцы посмели идти вразрез с решением партбюро творческого цеха? Вы отстаиваете предложение Олега Николаевича? Это что, магия имени? Что он такого хорошего поставил, чем он вам так нравится? Мы вам, Оля, ничем помочь не можем, вы нарушили Устав ВЛКСМ, вы знаете, что за это бывает?» А я говорю: «Мы верим в Ефремова. Что хотите делайте — верим и будем верить». Тогда одна известная актриса, не так давно пришедшая в театр, сказала: «Знаете, Оля, я хорошо знала вашу покойную мать, она бы вас за такие слова...» И еще что-то говорила, но я уже не запоминала. Пыталась держаться спокойно, улыбалась этим людям. Они перестали меня пугать, начали уговаривать. Даже пообещали что-то...»

Смысл разговоров с Симоновой сводился к одному: шесть из двадцати четырех членов партийного комитета, которые выступали якобы от имени всего парткома, были против того, чтобы комсомольцы проводили намеченное по плану отчетно-выборное собрание. Накануне со стен в театре исчезли все объявления. Но ребята пришли сами. И собрание состоялось. Молодые актеры еще раз сказали, что разделение труппы — единственно возможный вариант дальнейшего творческого развития МХАТа. А когда собрание подходило к концу, в зале неожиданно появился режиссер Всеволод Шиловский, один из «шести».

Д. БРУСНИКИН, актер. Из интервью: «На профсоюзном собрании мы слышали в свой адрес такие слова: «Вы все занимаете в театре чужие места, из-за вас талантливые люди не попали в труппу, вы еще ничего не сделали, чтобы позволить себе что-то говорить...» Снести все это было трудно, потому мы и ушли в знак протеста. Здесь же Всеволод Николаевич просто сказал: «Смотрите, ребята, с вами еще разберутся, компетентные органы это так не оставят, они рассмотрят ситуацию и ваше поведение».

Эту историю подробно описала газета «Московский комсомолец». Статья будет долго обсуждаться в театре...

М. ПРУДКИН. Из интервью: «Я видел Станиславского в минуты гнева, я могу представить, что было бы с ним, если бы все это стало ему известно. Он бы плакал, наверное, узнав, как в парткоме разговаривали с молодежью. Мне впервые в жизни стыдно за актеров Художественного театра...»

«ИСПРАВЬТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, Я ВОЗДЕРЖАЛСЯ...»

С директором театра Виталием Семеновичем Ануровым мне встретиться так и не удалось. Он отказался сразу, еще по телефону, пояснив, что ему бы крайне не хотелось «фигурировать» в этом деле...

Мы несколько раз виделись в коридорах, здоровались. Но зайти к себе в кабинет Виталий Семенович так и не предложил. В конце концов я сам дал свои телефоны, надеясь, что пройдет время и директор найдет все-таки, что сказать, позвонит.

Звонка до сих пор не было.

А. КАЛЯГИН. Из интервью: «То, что директор оказался противником предложения Ефремова, для меня неудивительно. Слишком много хлопот свалилось бы на его голову. Зачем они ему? Он давно уже самоустранился от решения наших внутритеатральных проблем. Так мы и существуем: театр и его директор, живем вроде бы вместе, под одной крышей, а интересуемся друг другом редко и неохотно, не испытывая, очевидно, взаимной потребности».

М. ШАТРОВ. Из интервью: «Я поражен позицией Виталия Семеновича Анурова. Собственно говоря, никакой позиции у него на самом деле нет. Судите сами: на заседании Художественного совета директор голосует за предложение Ефремова, потом, на следующий день, приходит к секретарю и говорит: «Исправьте, пожалуйста, Ирина Григорьевна, в протоколе — лучше я воздержусь...»

В отличие от Виталия Семеновича его заместитель по творческим вопросам Евгений Александрович Новиков был гораздо общительнее.

Включаю диктофон.

Из бесед с Е. Новиковым:

«...МХАТ сегодня жив не одним Ефремовым. МХАТ жив прежде всего теми идеями, которые заложены в его основе Станиславским и Немировичем-Данченко,— идеями, которые принадлежат всему миру... И тут скорее будет наоборот, без театра не будет существовать Ефремов, а театр без Ефремова все равно будет существовать, как существует государство, как существует мировая культура...»

«...Каждая аналогия хромает, но возьмем для ясности аналогию с армией. Существуют разного рода воинские подразделения: отделение, взвод, рота, батальон и так далее. Художественный театр — это, наверное... полк или дивизия. Тогда как другой театр — это батальон, а третий — просто рота. В силу этого перед театрами стоят разные задачи, в этом их отличие. Разные функции. Одни театры однофункциональны, другие — двухфункциональны, а Художественный театр, очевидно, многофункционален. Перед ним стоит несколько задач, и в силу этого определяется численный состав».

«...Когда Олег Николаевич Ефремов пришел в театр... он пригласил большую группу молодежи... чтобы воспитать смену. Вот прошло 16 лет, и надо сказать, что из этой группы молодых артистов сегодня можно всерьез говорить буквально о двух-трех».

Опять включаю диктофон.

Из бесед с В. Шиловским:

«Ефремову надо было заниматься всей труппой, организовывая режиссуру... За 16 лет не выращен ни один режиссер, не воспитан ни один артист. Труппа настолько интеллигентна, что, поднимая самые животрепещущие вопросы... ни один человек на этих бурнейших собраниях не сказал ни об одном личном недостатке Олега Николаевича. Вот насколько интеллигентны люди в Художественном театре...

— Всеволод Николаевич, молодежь возмущена вашим выступлением на их собрании. Что вы думаете по этому поводу?

— Мне жалко молодежь... С того момента и по сегодняшний день ни одной акции к ним не было применено... К сожалению, они в идейном смысле очень плохо воспитаны, это от Школы-студии идет...

— Так уж и все?..

— Большинство, во всяком случае. А если бы вы прочитали их резолюцию, вы бы ахнули от ее аполитичности и просто непонимания задач комсомола...»

Я выключил было диктофон, чтобы сказать, что читал резолюцию комсомольского собрания и ничего предосудительного в ней, честно говоря, не нашел, как он вдруг снова попросил включить пленку, словно боялся забыть что-то важное. И сказал:

— Из пятнадцати человек молодежи — пять «блатных». Кашу сейчас варят, вот они и на волне...

Есть какие-то вещи, которые бессмысленно комментировать. Но я все время думал, пытался понять: что же стоит за этой абсолютной уверенностью в своей правоте, за этой властной интонацией, не терпящей возражений? Ведь еще вчера эти люди вели себя совсем по-другому, говорили иные речи. И никогда — я смотрел протоколы разных собраний за многие годы — никогда никто не обрушивался на Ефремова за то, что он не сумел воспитать ни одного актера. И никогда В. Шиловский не обвинял художественного руководителя и тем более молодежь театра в нарушении демократических норм, аполитичности и непонимании главных задач. Что же случилось?

Не менее уверенно говорил и А. Борзунов, председатель профкома театра.

Из беседы с А. Борзуновым:

— Алексей Алексеевич, сегодня общественное мнение считает, что МХАТ — один из лучших театров страны...

— Ему помогают так считать...

— Вы полагаете, это неверно?

— МХАТ — не лучший театр. Практика приглашения режиссеров со стороны оправдала себя только тем, что не прерывался производственный процесс.

— Как, вы полагаете, были во МХАТе удачные спектакли при Ефремове?

— Это смотря что считать удачным спектаклем...

— Какие же спектакли в современном театре представляют, на ваш взгляд, подлинное искусство?

(Пауза)

— Я не видел таких...

ВОПРОСЫ ОСТАЮТСЯ

А. СМЕЛЯНСКИЙ. Из интервью: «Я убежден, что понять этот конфликт можно только «из глубины». Он уходит в далекое прошлое, в нем отложилось множество человеческих драм, несостоявшихся судеб драматургов, актеров, режиссеров. Для меня нет никакой единой «оппозиции» Ефремову. Я различаю и отделяю подлинную озабоченность судьбой своего театра со стороны А. Степановой или М. Прудкина от защиты «особых актерских привилегий» со стороны актрисы, которая (она доказала это всей жизнью своей в разных театрах) преследует преимущественно эгоистические цели».

И. МИРОШНИЧЕНКО. Из интервью: «Самое страшное, если Ефремов не выдержит, уйдет из театра. В такой атмосфере работать нельзя. Произошел раскол, самый настоящий раскол, и произошел не по чьей-то личной вине, а потому, что пришло время задуматься о будущем и решить, как жить дальше. Если Ефремов положит на стол заявление об уходе, это будет трагедия для Художественного театра».

О. ТАБАКОВ. Из интервью: «Если Ефремов оставит МХАТ, я уйду вместе с ним, и так, я думаю, сделают десятки моих коллег. Это, наверное, не бог весть какой поступок, все мы успешно практикующие актеры, проблемы устроиться на работу для нас, наверное, не будет, но для меня этот уход принципиален».

О. БОРИСОВ. Из интервью: «Я надеюсь, что до катастрофы все-таки дело не дойдет, ну, а дойдет, мы уйдем вместе. Я приехал работать к Ефремову, сделал с ним роль доктора Астрова, и я надеюсь, что мы еще поработаем...»

Из беседы с О. Ефремовым:

— Олег Николаевич, в качестве главного аргумента противники вашего предложения утверждают, что никакой второй сцены не будет, что их просто обманывают.

— Я уже много раз говорил и скажу еще раз: не будет второй сцены — не будет и этого эксперимента. Но что-то делать с труппой надо, в этом состоянии театр больше жить не может. Не имеет права.

— Что же будет, Олег Николаевич?

— Посмотрим, я думаю, время сегодня работает на нас, а не против нас.

— Вы смогли бы уйти из МХАТа?

— Художественный театр — это ведь не просто моя работа или служба, если хотите, это мой долг. Впрочем, на эту тему мы с вами еще потолкуем. А сейчас извините, актеры ждут, мы репетируем «Перламутровую Зинаиду» — новую пьесу Рощина.

Еще и еще раз слушаю магнитофонную ленту...

Андрей КАРАУЛОВ

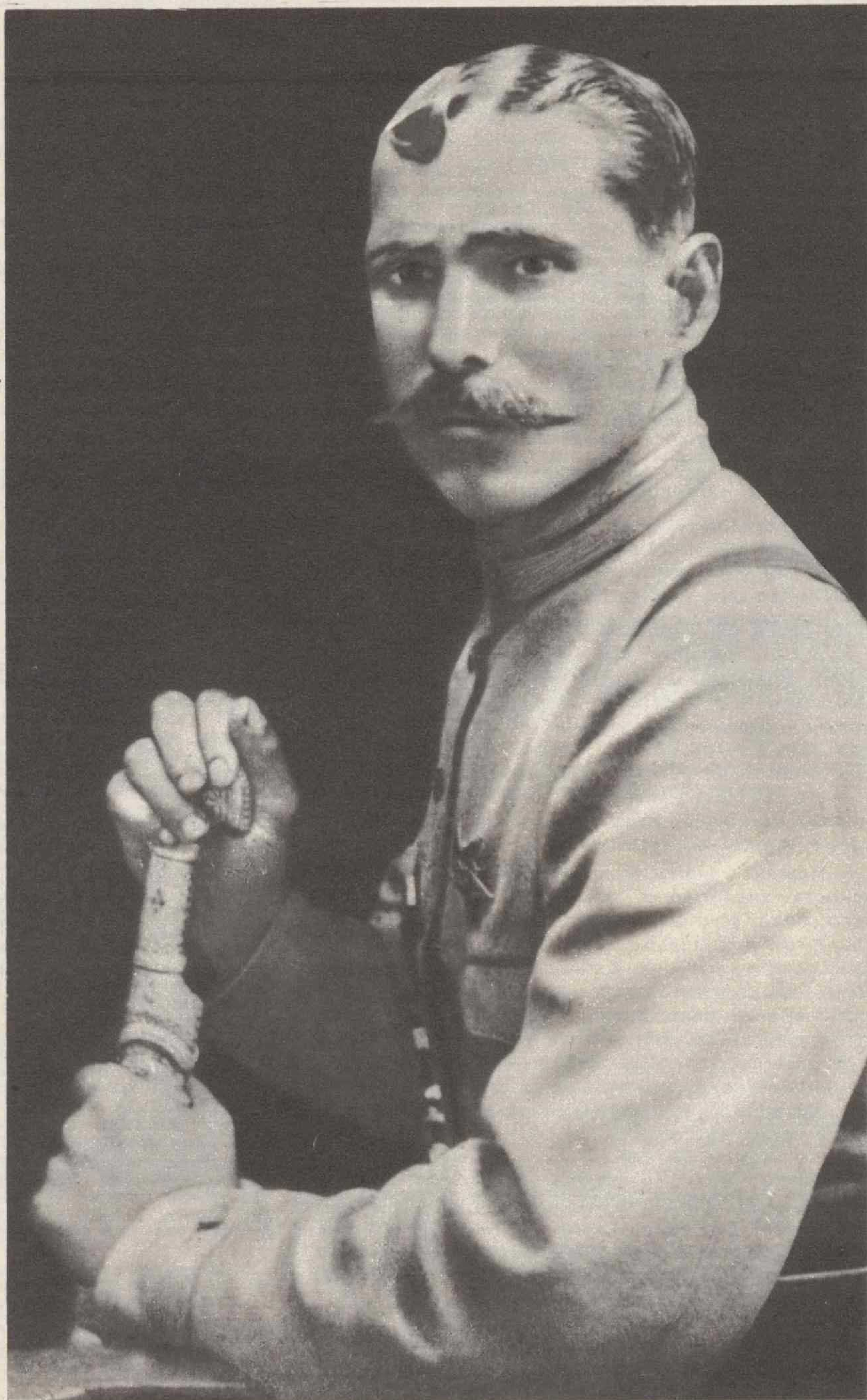
1917 • 1987

Столетие легендарного героя гражданской войны редакция решила отметить возвращением к очерку Дмитрия Фурманова, опубликованному в нашем журнале почти 64 года назад («Огонек» № 16, 1923 г.). Написанный по горячим следам событий, этот очерк зримо и многогранно раскрывает и образ талантливейшего полководца из народа.

ЧАПАЕВ

Дмитрий ФУРМАНОВ

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Ранней весной 1919 г. Колчак устремился к Волге.

По всей линии, от Перми до Оренбурга, на огромном пространстве отступали красные войска. Положение было грозное, поговаривали о том, что, пожалуй, придется уйти за Волгу.

В эти дни у нас, в Иваново-Вознесенске, Фрунзе спешно формировал добровольческий рабочий отряд, собранный почти сплошь из коммунистов. Будучи назначен командовать IV армией, сам он выехал раньше, а мы, отрядом, добрались до Самары только в половине февраля. Отряд наш вскоре был развернут в полк и включен своевременно в 25-ю Чапаевскую дивизию.

Еще в дороге, в случайных разговорах, мы не раз услышали про Чапаева — грозу уральских казаков, непобедимого, отважного командира красных войск. Про него рассказывали настоящие легенды, имя его произносилось не иначе, как связанное с какими-нибудь героическими, полусказочными подвигами.

И вдруг — такая радость: меня назначают комиссаром отдельной бригады в Александров-Гай, а командовать этой бригадою будет... Чапаев! Он приедет туда вслед за мной... Можно представить, с каким нетерпением ожидал я первую встречу!

Мартовским ранним утром, часов в 5—6, ко мне постучали. Выхожу:

— Я Чапаев, здравствуйте!

Передо мною стоял обыкновенный человек, сухощавый, среднего роста, видимо, небольшой силы, с тонкими, почти женскими руками. Жидкие, темно-русые волосы прилипли ко лбу; короткий, нервный, тонкий нос, тонкие брови в цепочку, тонкие губы, блестящие чистые зубы, бритый подбородок, пышные фельдфебельские усы. Глаза... Светло-синие, почти зеленые — быстрые, умные, немигающие. Лицо матово-чистое, свежее.

Скоро шумною ватагой ввалились приехавшие с ним ребята: закидали все углы вещами, на столы, на стулья, на подоконники побросали шапки, перчатки, ремни, разложили револьверы, некоторые сняли бутылочные белые бомбы и небрежно сунули их тут же, среди шапок и рукавиц. Загорелые, суровые, мужественные лица; грубые, густые голоса, угловатые неотесанные движения и речь, скроенная нескладно, случайно, зато сильно и убедительно. У иных манера говорить была настолько странная, что можно было думать, будто они все время бранятся: отрывисто и резко о чем-то спрашивали, так же резко и будто зло отвечали.

Все это было около шести утра.

В семь Чапаев сидел с циркулем в руках и выправлял оперативный приказ о завтрашнем наступлении нашей бригады на станицу Сломихинскую.

В восемь мы вместе ехали на позицию — «осмотреть лично, подкрутить где следованно»: «следованно» он всегда говорил вместо «следует».

От Александрова-Гая до Сломихинской 80 верст. Катим степью. Приехали в казачью Таловку: здесь уцелело всего две мазанки, это — наш центр, отсюда завтра на заре поведем наступление...

Чуть забрезжило — прокатился в утреннем холодном тумане вестовой орудийный выстрел. И загромыхало... Мы шли в наступление. Чапаев метался на коне из одного конца в другой. Когда осталось до станицы меньше версты, а казаки с окраинных мельниц стали бить из пулеметов — наши цепи то залегали, то, быстро вскидываясь, перебегали и видели, как перед ними то здесь, то там мелькал привидением Чапаев...

Станицу взяли с боем! Дело к ночи. Утомленные, сваливаемся и засыпаем жадным сном. Не спит один Чапаев: пять раз за ночь он будит меня и пять раз неизменно я вижу его, склоненным над картою, с карандашом и циркулем в руке. Уже в эти первые дни он для меня сказался целиком: пламенный и неугомонный, энергичный вождь, неутомимый работник, властный командир и веселый товарищ, равный со всеми, простой и доступный, такой же спокойный в бою, как на отдыхе, в кругу бойцов...

В те мятежные дни к Самаре начали стягивать силы — здесь готовился кулак, который должен был впервые ударить Колчака. Силы стянули. Кулак создали. Колчака ударили — так больно, что он укатился в Сибирь, а там добили. Собиранием сил руководил М. В. Фрунзе, командовавший к тому времени Южной группой. Наша отдельная бригада, переименованная в 25-ю дивизию, соответственно пополненная, была переброшена в район Бузулука и в памятный день 28 апреля, когда открылось наше наступление по всему фронту — тронулись к Уфе. Первым шел Иваново-Вознесенский рабочий полк... Среди ткачей, воодушевляя их до восторга, как рядовой боец, с винтовкой в руках, кричал «ура» и бежал в атаку Фрунзе... Это было безумство: «безумству храбрых поем мы песню!»

Чапаев руководил переправой, давал приказы: его слушали бойцы, слушал и командующий Юж-

ной группой Фрунзе: в бою дисциплина — первое дело!

Полку ткачей пришлось выдержать много остервенелых атак: он устоял, чудом устоял, но продержался, пока не пришла к нему помощь... 9-го июня полки Чапаевской дивизии входили в Уфу...

Уральск уж много недель геройски держался в кольце казачьих войск.

Лишь только взяли Уфу — нас перебросили выручать Уральск. Уральск освобожден: нельзя передать потрясающие сцены наших встреч с освобожденными из заключения товарищами: Чапаева носили на руках, посвящали ему пламенные речи, благодарили, кто как умел.

Из Уральска путь дивизии лежал к Каспийскому морю через Лбищенск, Сахарную, Калмыков... Голод, жару, безводицу, нехватку патрон и снарядов — все выносили разутые, раздетые, измученные бойцы. Чапаев нервничал. Его телеграммы центру становились все резче: он болел душой за то, что видел, а больше страдал оттого, что помощи ждать было трудно, почти невозможно — это он знал, нехватки были не только у нас.

К половине августа мы были под Лбищенском, верст на полтораста южнее Уральска.

Вскоре меня отозвали на работу в политуправление Южгруппы: обязанности комиссара дивизии передал я П. С. Батурину. Через две недели его зарубили, а Чапаев погиб в Урале. Это был момент исключительного, потрясающего драматизма.

Штаб дивизии остановился во Лбищенске, бригады ушли ниже, под самую Сахарную. Казаки делают глубокий стоверстный обход мимо Чижинских болот, по Кушумской долине и внезапно, ночью с 4-го на 5-е сентября, налетают на Лбищенск. Неожиданность, ночная сумятица, паника, крики, беспорядочная стрельба... Чапаев в белье выскакивает на волю: в руке револьвер, в другой винтовка. Собрал вокруг себя красноармейцев и руководит этой горстью храбрецов. Все яростней казацкие атаки... И вот красноармейцы сбиты... Дальше — полосами сдирают кожу, разбивают головы о камни, расплескивая по забору мозги, выкалывают глаза, вырезают языки.

Когда эти трупы были найдены — их не узнать, так изуродованы... Чапаев крепится... Чтоб ослабить натиск, сам не раз переходил в атаку. Но где же горсточкой бойцов удержать казачью лаву? Все ближе враг, все ближе и крутой берег Урала, куда прижимают и гонят. Все меньше бойцов, путь отступления усеялся братскими телами. Чапаеву пробило руку — он вздумал утереть лицо и оставил кровавые полоски на щеке и на лбу. Плечом к плечу отступает рядом любимый и верный товарищ, Петька Исаев:

— Василий Иваныч, дайте, голову завяжу, — крикнул он Чапаеву.

— Ничего... голова здоровая...

Шла первая мировая война...

— Кровь на лбу бежит, — задыхающимся голосом старался его уверить Петька.

— Ну, полно — все равно...

Они шаг за шагом отступали к обрыву... Не было почти никакой надежды — мало кто успевал спастись через бурный Урал. Но Чапаева решили спасти.

— Спускай его на воду! — крикнул Петька. И все поняли, кого это «его» надо спускать: четверо ближе стоявших, поддерживая бережно окровавленную руку, сводили Чапаева тихо вниз по песчаному срыву. Вот кинулись, поплыли: троих убило в тот же миг, лишь только коснулись воды. Плыли двое, уже были у самого берега, — и в этот момент хищная пуля ударила Чапаева в голову; когда спутник, уползший в осоку, оглянулся, — позади не было никого: Чапаев потонул в волнах Урала...

А Петька остался на берегу до конца и, когда винтовка стала ненужна, выстрелил шесть нагановских патронов по наступавшей казацкой цепи, а седьмую — в сердце. И казаки остервенело издевались над трупом этого маленького, рядового, но такого славного благородного воина. С большим трудом опознали потом товарищи эту раздавленную в песке кровавую массу человеческого тела...

Дом-музей В. И. Чапаева в Пугачеве.

Чапаев, Фурманов и чапаевцы. Уфа, 1919 г.

В отмеченные затяжными морозами первые две декады января редакционная почта принесла немало писем о холоде в жилых домах, лопнувших трубах, застарелой неповоротливости ремонтных служб и т. д. Письма шли из Киева, Ленинграда, других городов.

«Минусовым» градусам в квартирах, школьных классах нет никаких оправданий. Дома должны держать тепло столько дней, сколько держится стужа. И потому ссылки на стихию лишь подчеркивают беспомощность или безответственность иных руководителей.

Корреспондент журнала Б. Рязанцев обратился к известному строителю, дважды Герою Социалистического Труда Н. А. ЗЛОБИНУ с просьбой прокомментировать обстановку.

ШИТЬ «ШУБУ» С ЗАПАСОМ

— Вам, Николай Анатольевич, как специалисту и знатоку лучше видны в работе коллег брак и огрехи, с которыми в определенной мере связаны холода в квартирах и учреждениях.

— Безусловно. Но, прежде чем говорить о сегодняшних неурядицах в нашей отрасли, позволю напомнить времена, когда строители решали нашу общую сверхзадачу. Она заключалась в массовом обеспечении людей более или менее нормальным жильем. Необходимо было выселить их из бараков и подвалов. Для этого требовалось создать индустрию домостроения. А несколько десятилетий назад никакого опыта конвейерного изготовления зданий у нас, по существу, не было. Всего учесть сразу было нельзя, приходилось многое внедрять на ходу. Со временем сформировалась целая наука домостроения, в которой использовалось все лучшее, что было найдено в первых типовых конструкциях. Менялась технология изготовления блоков и панелей, но те первые дома-пятиэтажки стоят. Требования же к жилью сильно возросли. И правильно!

Когда-то новоселы были рады одному хотя бы обстоятельству — отдельной квартире. Сейчас они имеют возможность сравнивать и, увы, не в свою пользу. Но ведь в те далекие времена и панели были другой толщины, и делали их другим способом, и стыки между ними не заполнялись такими теплоизоляционными материалами, которыми мы пользуемся сейчас. Потому и «мерзнут» старые панельные пятиэтажки и семиэтажки. Как правило, жалоб больше всего именно из них.

Но и среди современных серий домов есть немало неудачных. Их недостаток заключается прежде всего в том, что конструкторы исходили из среднегодового минимума температур. А, по-моему, следует учитывать абсолютный минимум, поскольку год на год не приходится. Иными словами, делать «шубу» с запасом. Казалось бы, морозы на стыке 1979 и 1980 годов должны были многому научить проектировщиков.

Что же касается непосредственно «строительного исполнения», то зачастую претензии к нам бывают не совсем обоснованными. Если брак наш, то мы исправляем его за свой счет. Но как мы можем отвечать за брак, скажем, завода железобетонных изделий, приславшего на площадку перекошенные панели, или за оконные рамы с кривыми углами, поставленные деревообрабатывающим комбинатом?

— Вероятно, следует браковать такие панели и рамы?

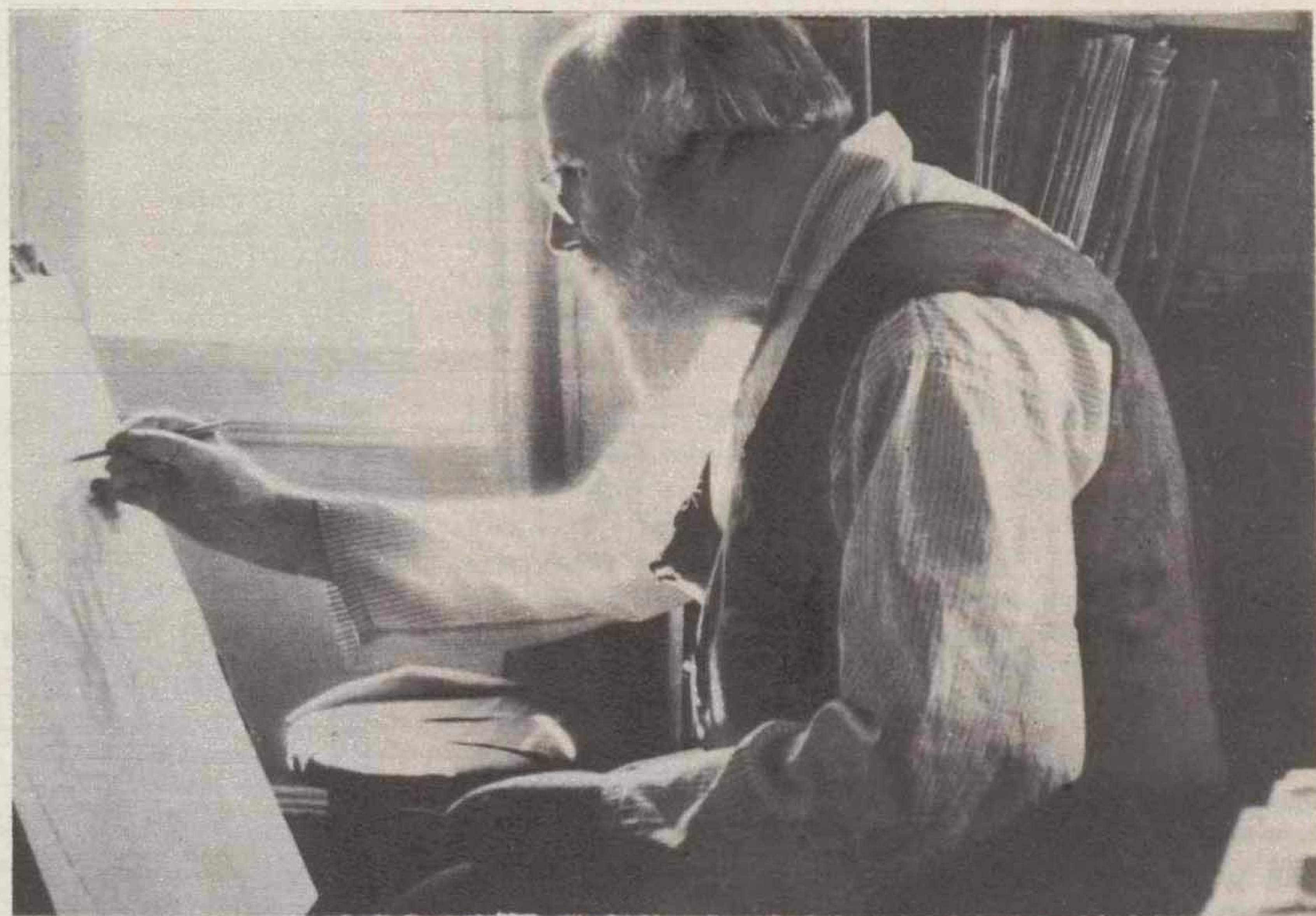
— Пытались. Оказалось — не из чего выбирать. Но, к счастью, не всегда на стройку приходит «столярка» из сырой древесины, которую «ведет» и корежит. А подогнать ее по размерам можно и на месте. Справедливости ради надо сказать, что двадцатидвухэтажные дома серии И-700А, которые сейчас возводит наша бригада в Зеленограде, пользуются доброй славой у новоселов. Они так не промерзают и не протекают на стыках и лучше держат тепло. Между тем детали для этих зданий нам поставляют двадцать два (!) завода железобетонных изделий. Вывод очевиден: при добросовестном отношении к своему делу каждого можно работать гораздо лучше всем вместе. Кстати, именно об этом шел откровенный разговор на недавнем нашем отраслевом съезде профсоюзов, где обсуждались вопросы перестройки хозяйственного механизма, укрепления связей между предприятиями, применения коллективного подряда. И, конечно, остро и принципиально говорили о качестве нашей работы, от результатов которой зависит удобная и уютная жизнь людей.

— Нет сомнения, что в завтрашних жилищах будет теплее, чем в сегодняшних. Как быть со вчерашними?

— Все зависит от «тепловой цепочки». О состоянии всех сетей в стране мне судить трудно. Тем не менее могу привести пример того, как готовились к нынешней зиме у нас в Зеленограде. Городу скоро тридцать лет, и, понятно, коммуникации под воздействием различных видов коррозии, блуждающих токов, смещения грунта стали менее надежными. Прошедшим летом у зеленоградцев несколько раз отключали горячую воду. Это было связано с тем, что эксплуатационники испытывали сети максимальным давлением. Некоторые трубы не выдерживали и лопались. Заменить их летом было проще, нежели теперь, зимой, когда грунт основательно промерз.

Значительно строже к работникам жэков и дэзов должны относиться исполкомы Советов народных депутатов. Ведь нередко причиной размораживания системы целого дома, а то и микрорайона бывает разбитая форточка в подвале или стекло в подъезде. Я знаю случаи, когда люди не неделями, а месяцами ходят в дэз с просьбой установить дверную пружину на входную дверь. Однако стоит напомнить и о том, что иные квартиросъемщики сами навлекают беду на себя и своих соседей. Бывает достаточно оклеить окна, утеплить дверные проемы, чтобы в квартире стало теплее. Сквозняки выдувают из жилища тепло, а на ТЭЦ вынуждены добавлять давление...

Мы часто употрёбляем слово «перестройка», иногда забывая о том, что она касается конкретно нас, каждого и в быту, и на работе. Перестраивается не только хозяйственный механизм на производстве у нас или наших смежников. Она должна происходить и в нашем сознании: нужно научиться размышлять с позиций хозяина.

Владимир Андреевич Фаворский. 1962 год.

ХУДОЖНИК, РАВНОВЕЛИКИЙ ЧЕЛОВЕКУ

Галина ЗАГЯНСКАЯ

«Мне кажется, что основой подвига является забвение себя. Когда перед тобой возникает что-нибудь большое, например, Государство или Человечество... Метод искусства так же, как и науки, строится на том, что человек забывает себя ради правды в искусстве или науке, ради красоты или справедливости... И я знаю таких художников, как Александр Иванов, Ван Гог, и многих других, которые, может быть, не всю жизнь, но часто совершали подвиги. Поражают рассказы про подвиги, когда герой физически страдает или даже умирает. Это достойно удивления. Но основа тут та же. Из любви к чему-то забыть себя»,— писал Владимир Андреевич Фаворский. И он, когда работал, тоже из бескорыстной любви к искусству забывал себя, свою нелегкую судьбу: он потерял на войне двух сыновей, не раз и не два подвергался огульным обвинениям в формализме, при жизни его были уничтожены практически все созданные им монументальные произведения. Но он продолжал работать, даже парализованный, диктовал свои мысли об искусстве, и никто никогда не слышал от него жалоб. Одним из главных недостатков в человеке творческом, по его мнению, было «ячество», самоутверждение любой ценой, ценой потери целостного представления о мире, а целостность мира, передать которую могло только искусство, была для него понятием нравственным.

И если бы потребовалось найти какое-то одно слово, которое характеризовало бы направленность деятельности Фаворского-художника, то, возможно, следовало вспомнить древнегреческое слово «демиург», которое в буквальном переводе означает «творящий для народа», а также созидающий новые вещи мастер. Недаром сам он подчеркивал в своих высказываниях оба этих начала: «Всегда считал, что у искусства двоякая задача: познавать жизнь и преобразовывать жизнь, делать изображение и делать вещь, нести высокую идейность и создавать стиль, создавать нормы эстетического поведения, создавать художественно все вещи, окружающие нас. Чтобы искусство, понимая жизнь, врывалось бы в жизнь и проникало ее всю». И как истинный демиург, он никогда не отказывался от предложений по созданию той или иной вещи, какой бы незначительной она ни казалась на первый взгляд. Среди его работ и этикетка для катушки ниток (правда, она может выдержать любое увеличение и смотреться как фреска), и фаянсовая тарелка с замечательной простой росписью, предназначенной для мас-

В. А. ФАВОРСКИЙ. 1886—1964.

**Богатырь Шикширги.
Эскиз иллюстрации. 1939.**

«Слово о полку Игореве». Заставка. 1937.

сового тиража, и деревянные шахматы, и куклы-марионетки, и обложки журналов «Советский мельник» или «Вестник коннозаводства»... И, конечно же, десятки книг, оформленных Фаворским, когда книга понималась и как мир, и как предмет, в котором соединяются архитектурные, скульптурные, графические моменты, соединяются, чтобы ввести читателя в пространство и время литературного произведения. Он мог вновь и вновь обращаться к одной и той же книге, так, он четыре раза иллюстрировал «Слово о полку Игореве», выполнив, помимо гравюр, еще и семнадцать левкасных досок большого размера с иллюстрациями и текстом для экспозиции Литературного музея (к сожалению, и они не сохранились).

И каждый раз он находил для себя все новые и новые повороты в самом творческом акте созидания. Потому что никогда не думал, «что и чувства, и темы, и характеры уже выяснены и готовенькие лежат для того, чтобы их изобразили. Только поняв тему и характер при помощи искусства, ты создаешь художественное произведение, и тогда это чувство становится не **переданным** через искусство, а **созданным** искусством и проникающим в художественное произведение всецело».

Фаворский — демиург и в театре. Создавая декорации и костюмы к «Двенадцатой ночи» Шекспира или «Мольбе о жизни» Ж. Деваля, он хотел, чтобы, с одной стороны, каждое изображение было простой сценической вещью, а с другой — чтобы получалась «как бы образная метафора: занавес — дом, ширма — дерево». Таким же образным было и эмоционально насыщенное пространство в его знаменитых двойных карандашных портретах, где изображались близкие по духу люди, связанные общими переживаниями. Для художника-созидателя очень важным был сам творческий процесс. «Ну что ж, зато

Натюрморт с барельефом и бронзовой фигуркой.

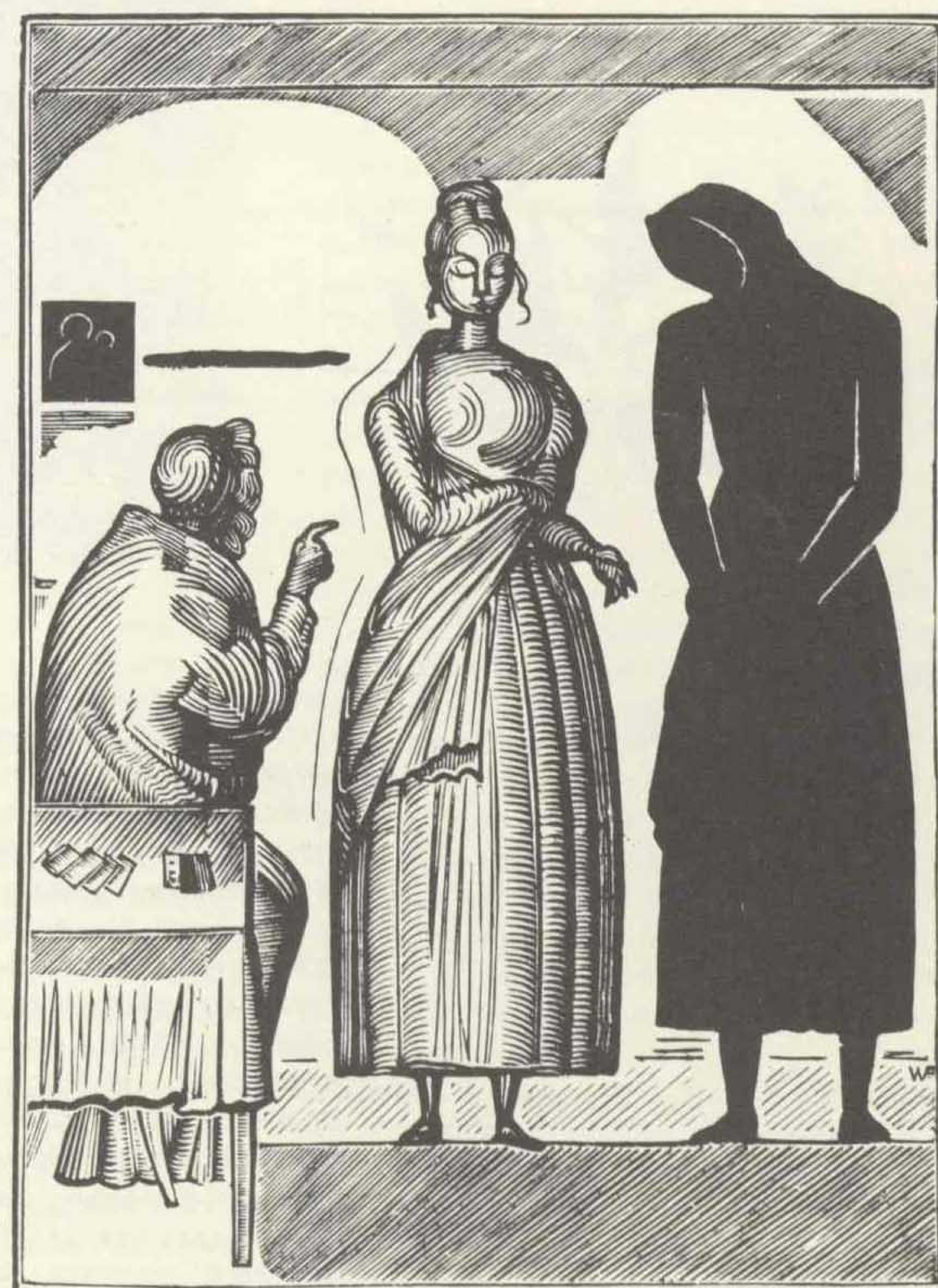
покомпоновали»,— сказал он огорченным ученикам, когда на художественном совете отвергли эскизы к монументальным росписям, над которыми они долго работали.

И в решениях он каждый раз исходил из самой вещи: мог дать детально разработанное психологическое состояние Гамлета, Лира, Бориса Годунова или условное решение силуэтом во фресковом ансамбле. Когда силуэтное решение увидел заказчик-чиновник, то (как вспоминал позже художник) он испуганно воскликнул, что их будут ругать, так как сам не видел и не чувствовал ничего. И совершенно иной была реакция столяра, который в процессе работы относился к изображению недоверчиво, а потом сказал: «Оказывается, сделано всего в два цвета, а получается неплохо — больше, чем можно было ожидать». И в живой непосредственной реакции художник справедливо видел связь с той условностью, которая содержится в народных росписях.

Фаворский постоянно размышлял о проблеме восприятия искусства. Так, тридцать лет назад, в преддверии I съезда художников, он пишет о том, что долгая ориентация, направление на натуралистическое копирование «ложно повлияло на массового зрителя, дезориентировало его. Мы видим часто, что зритель проверяет большое искусство фотографией... А другие группы зрителей бросаются на произведения, произвольно искажающие действительность... Копирование и произвол всегда живут рядом». Первое начало Фаворский называл натурализмом внешним, второе — внутренним.

К сожалению, мы иногда и сейчас убеждаемся в той дезориентации массового зрителя, о которой писал в 1957 году Фаворский. Убеждаемся, даже когда читаем книгу отзывов его юбилейной выставки, проходившей недавно в Москве, на которой было лучшее, созданное мастером. Среди тонких отзывов-размышлений о высокой нравственной чистоте и силе работ Фаворского, когда зрители сожалеют о людях, не видевших экспозицию, попадались и такие: «К сожалению, выставка очень однообразная, скучная и малоинтересная». Это мнение людей, как они сами пишут, «...хотя и молодых, но хорошо разбирающихся в живописи и графике. Жаль потерянного времени, мы разочарованы». Можно, разумеется, не обращать внимания на мнение людей, которые почему-то всегда считают се-

Продолжение на вкладке 3—4.

«Домик в Коломне» А. С. Пушкина. Иллюстрация. 1922—1925.

МИХАИЛ КУЗМИН

1875—1936

Воспитанник Санкт-Петербургской консерватории. Многие свои стихи напевал под рояль в артистических кабачках. Своеобразнейший экзотический цветок русской поэзии, как будто вырос египетский лотос на родной Кузмину ярославской земле. Для его творчества характерны подчеркнутая театральность, томная грациозность. Но эта грациозность подчас становилась подлинной красотой слова, восхищавшей его великих современников. Поэзия Кузмина — неповторимый цветной камушек в мозаике поэзии тех лет; иногда и полудрагоценный камень при падающем на него луче света может замерцать драгоценными отблесками.

ПОЭТИЧЕСКАЯ АНТОЛОГИЯ

•

РУССКАЯ МУЗА XX ВЕКА

ВЕДЕТ ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО

МОИ ПРЕДКИ

Моряки старинных фамилий,
влюбленные в далекие горизонты,
пьющие вино в темных портах,
обнимая веселых иностранок;
франты тридцатых годов,
подражающие д'Орсэ и Брюммелю,
внося в позу денди
всю наивность молодой расы;
важные, со звездами, генералы,
бывшие милыми повесами когда-то,
сохраняющие веселые рассказы за ромом,
всегда одни и те же;
милые актеры без большого таланта,
принесшие школу чужой земли,
играющие в России «Магомета»
и умирающие с невинным вольтерьянством;
вы — барышни в бандо,
с чувством играющие вальсы Маркалью,
вышивающие бисером кошельки
для женихов в далеких походах,
говеющие в домовых церквах
и гадающие на картах;
экономные умные помещицы,
хвастающиеся своими запасами,
умеющие простить и оборвать
и близко подойти к человеку;
насмешливые и набожные,
встающие раньше зари зимою;
и прелестно-глупые цветы театральных училищ,
преданные с детства искусству танцев,
нежно-развратные,
чисто-порочные,
разоряющие мужа на платья
и видающие своих детей полчаса в сутки;
и дальше — дворяне глухих уездов,
какие-нибудь строгие бояре,
бежавшие от революции французы,
не сумевшие взойти на гильотину,—
все вы, все вы —
вы молчали наш долгий век,
и вот вы кричите сотнями голосов,
погибшие, но живые,
во мне: последнем, бедном,
но имеющем язык за вас,
и каждая капля крови
близка вам, слышит вас;
и вот все вы:
милые, глупые, трогательные, близкие,
благословляетесь мною
за ваше молчаливое благословение.

ИЗ «АЛЕКСАНДРИЙСКИХ ПЕСЕН»

Нас было четыре сестры, четыре сестры нас было,
все мы четыре любили, но все имели разные
«потому что»:
одна любила, потому что так отец с матерью ей
велели,
другая любила, потому что богат был ее
любовник,
третья любила, потому что он был знаменитый
художник,
а я любила, потому что полюбила.

Нас было четыре сестры, четыре сестры нас было,
все мы четыре желали, но у всех были разные
желанья:
одна желала воспитывать детей и варить кашу,
другая желала надевать каждый день новые
платья,
третья желала, чтобы все о ней говорили,
а я желала любить и быть любимой.

Нас было четыре сестры, четыре сестры нас было,
все мы четыре разлюбили, но все имели разные
причины:
одна разлюбила, потому что муж ее умер,
другая разлюбила, потому что друг ее
разорился,
третья разлюбила, потому что художник
ее бросил,
а я разлюбила, потому что разлюбила.

Нас было четыре сестры, четыре сестры нас было,
а, может быть, нас было не четыре, а пять?

●

Что за дождь!
Наш парус совсем смок
и не видно уж, что он — полосатый.
Румяна потекли по твоим щекам,
и ты — как тирский красильщик.
Со страхом переступили мы
порог низкой землянки угольщика;
хозяин со шрамом на лбу
растолкал грязных, в коросте ребят
с больными глазами.
И, поставив обрубок перед тобою,
смахнул передником пыль,
и, хлопнув рукою, сказал:
«Не съест ли господин лепешек?»
А старая черная женщина
качала ребенка и пела:
«Если б я был фараоном,
купил бы я себе две груши,
одну бы отдал своему другу,
другую бы я сам скушал...»

ВИЛЬГЕЛЬМ ЗОРГЕНФРЕЙ

1882—1938

У него были все данные для того, чтобы стать большим поэтом (об этом свидетельствует приводимое нами стихотворение). Оно произвело когда-то огромное впечатление даже на строгого, подчас неумолимого Блока и на других современников. А ведь даже одно или два замечательных стихотворения уже есть неотъемлемая часть литературы и ее истории.

НАД НЕВОЙ

Поздней ночью над Невой,
В полосе сторожевой,
Взвыла злобная сирена,
Вспыхнул сноп ацетилена.

Снова тишь и снова мгла.
Вьюга площадь замела.

Крест вздымая над колонной,
Смотрит ангел окрыленный
На забытые дворцы,
На разбитые торцы.

Стужа крепнет. Ветер злится.
Подо льдом вода струится.

Надо льдом костры горят,
Караул идет в наряд.
Провода вверху гудят:
Славен город Петроград!

В нише темного дворца
Вырос призрак мертвеца,
И погибшая столица
В очи призраку глядится.

А над камнем, у костра,
Тень последнего Петра —
Взоры прячет, содрогаясь,
Горько плачет, отрекаясь.

Ноют жалобно гудки.
Ветер свищет вдоль реки.

Сумрак тает. Рассветает.
Пар встает от желтых льдин,
Желтый свет в окне мелькает.
Гражданина окликает
  Гражданин:

— Что сегодня, гражданин,
На обед?
Прикреплялись, гражданин,
Или нет?

— Я сегодня, гражданин,
  Плохо спал:
Душу я на керосин
  Обменял.

От залива налетает резвый шквал,
Торопливо наметает снежный вал —
Чтобы глуше еще было и темней,
Чтобы души не щемило у теней.

Фотографии В. Зоргенфрея в нашем распоряжении, к сожалению, нет. Редакция будет признательна тем читателям «Огонька», которые помогут составителю антологии восполнить этот пробел.

...СМЕН

Галина Комар,
член бригады
проводников.

Мы из «Смены».

Олег ПЕТРИЧЕНКО,
собкор «Огонька»,
фото Александра ВИКТОРОВА

В июне 1986 года со станции Ленинград-Московский угнали купейный вагон. Угнали не какие-нибудь хулиганы, но вполне солидные люди: и. о. начальника дирекции по обслуживанию пассажиров В. Михайлов, и. о. начальника вагонного участка ВУД-8 В. Сергеев и начальник цеха формирования Г. Пирожинский. Поступок, прямо скажем, загадочный: ну зачем, спрашивается, тт. Михайлову, Сергееву и Пирожинскому чужое имущество, когда своим забиты все пути?..

Вагон, который они увели, принадлежал студентам Ленинградского института инженеров железнодорожного транспорта, взявшимся в порядке эксперимента обслуживать поезд № 25-26 «Смена». И содержался ими, как, впрочем, и весь состав, в состоянии прямо-таки образцовом: был вымыт и отдраен до немыслимого, казалось бы, в условиях постоянной эксплуатации блеска, чем выгодно отличался от большинства своих четырехосных собратьев, находящихся под опекой куда более опытных и старших товарищей, занятых на Октябрьской магистрали.

Занятых, но, увы, недобросовестно работающих, ибо как можно назвать работой то, в результате чего к началу летних пассажирских перевозок минувшего сезона вагонные депо Октябрьской железной дороги некачественно подготовили более половины приписанных к ним вагонов. Из-за чего, как подчеркивалось на недавнем пленуме обкома КПСС, массовым явлением стали задержки отправления пассажирских поездов вследствие неудовлетворительного их технического и санитарного состояния.

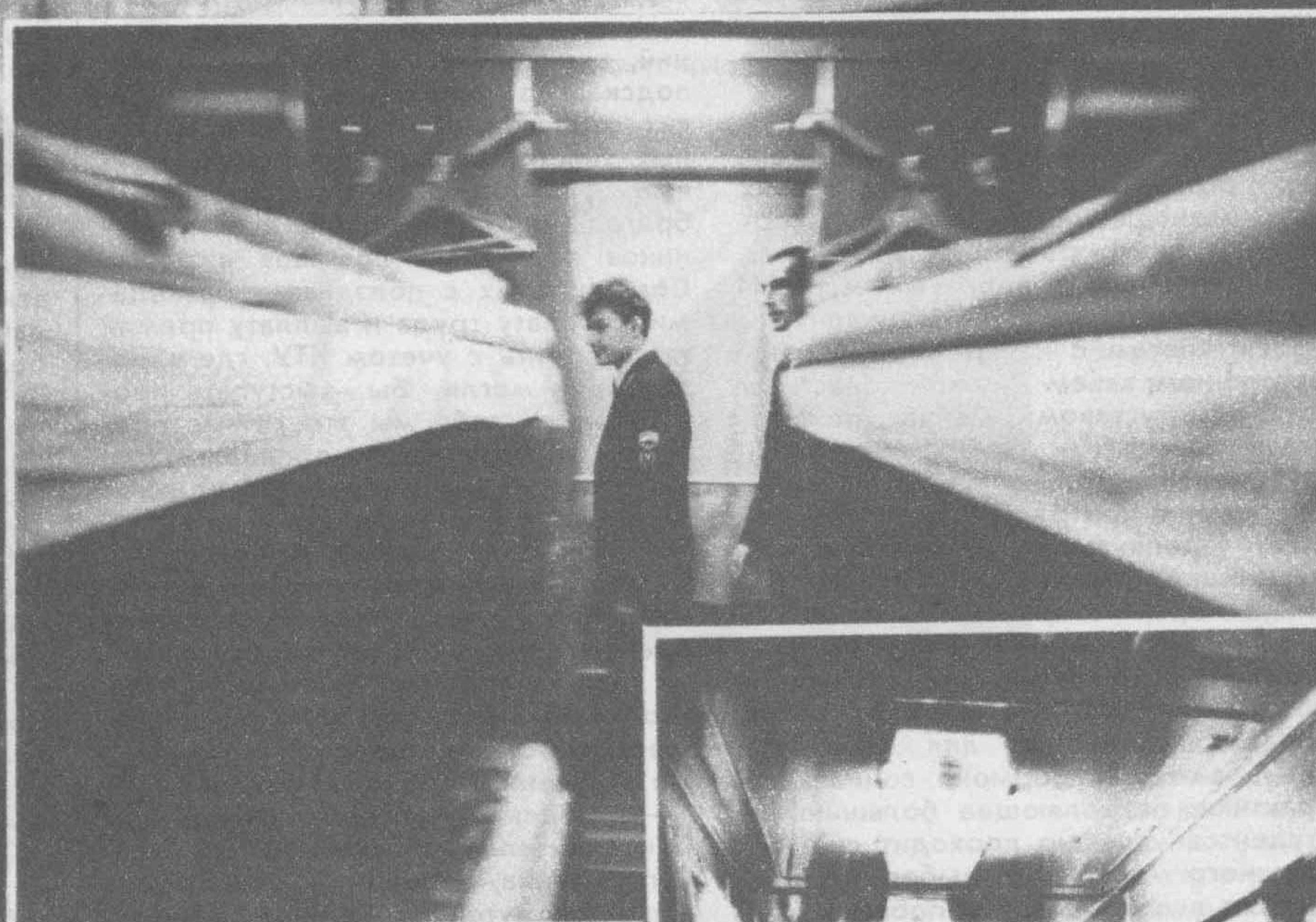
Очевидно, в почти «предынфарктном», если можно так выразиться, состоянии находились 23 июня прошлого года и вагоны «фирменного» поезда «Северная Пальмира», услугами которого, отправляясь в отпуск, решил воспользоваться... один из руководителей дороги!

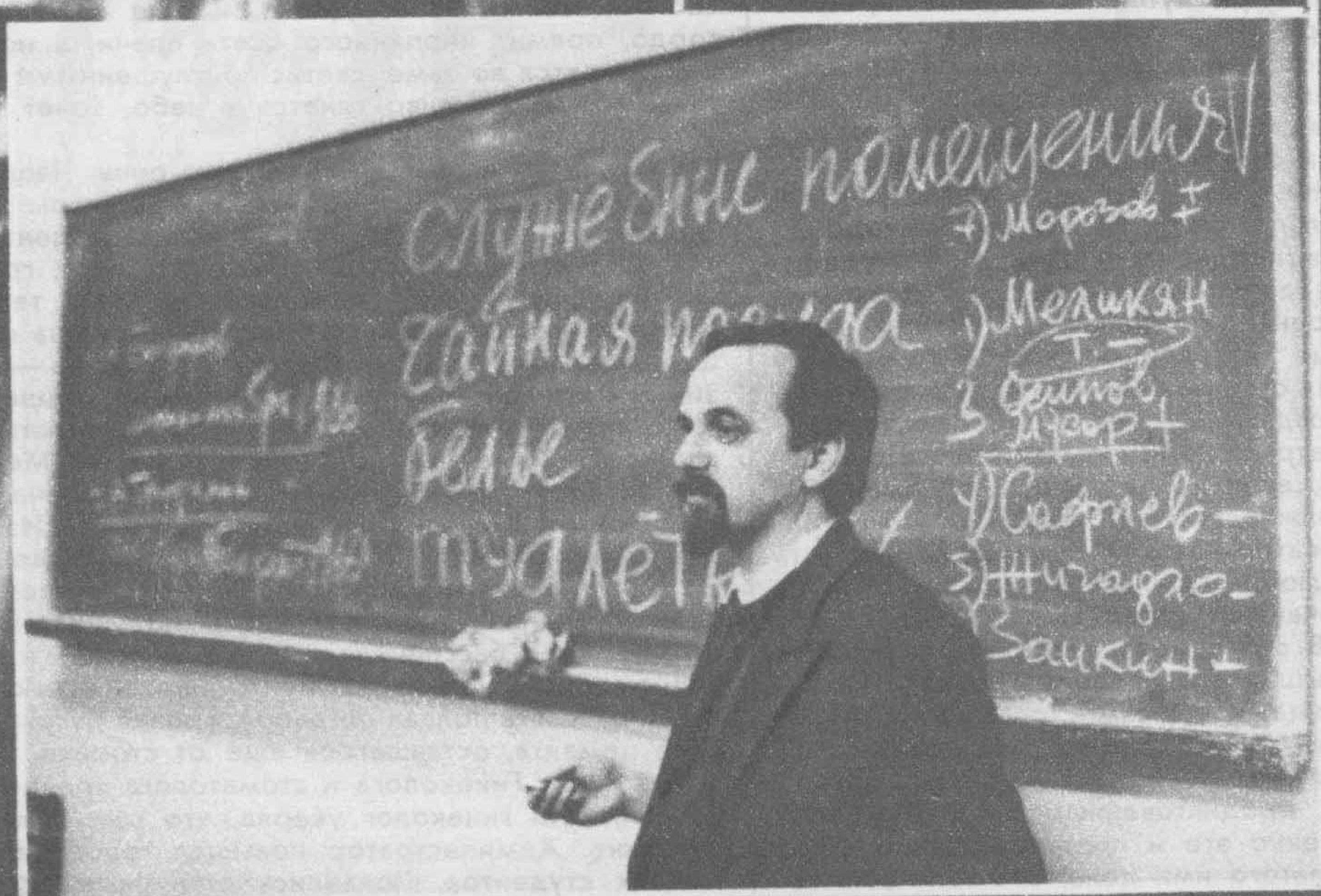
Во всяком случае, иначе не объяснить паники, поднявшейся среди некоторых подчиненных, ненароком узнавших о неосторожном намерении начальника. И их можно понять: начальник не рядовой пассажир, от него привычными сказками про техническую отсталость, моральную усталость и нехватку кадров не отделаешься. Ему не сказки, ему комфорт нужен.

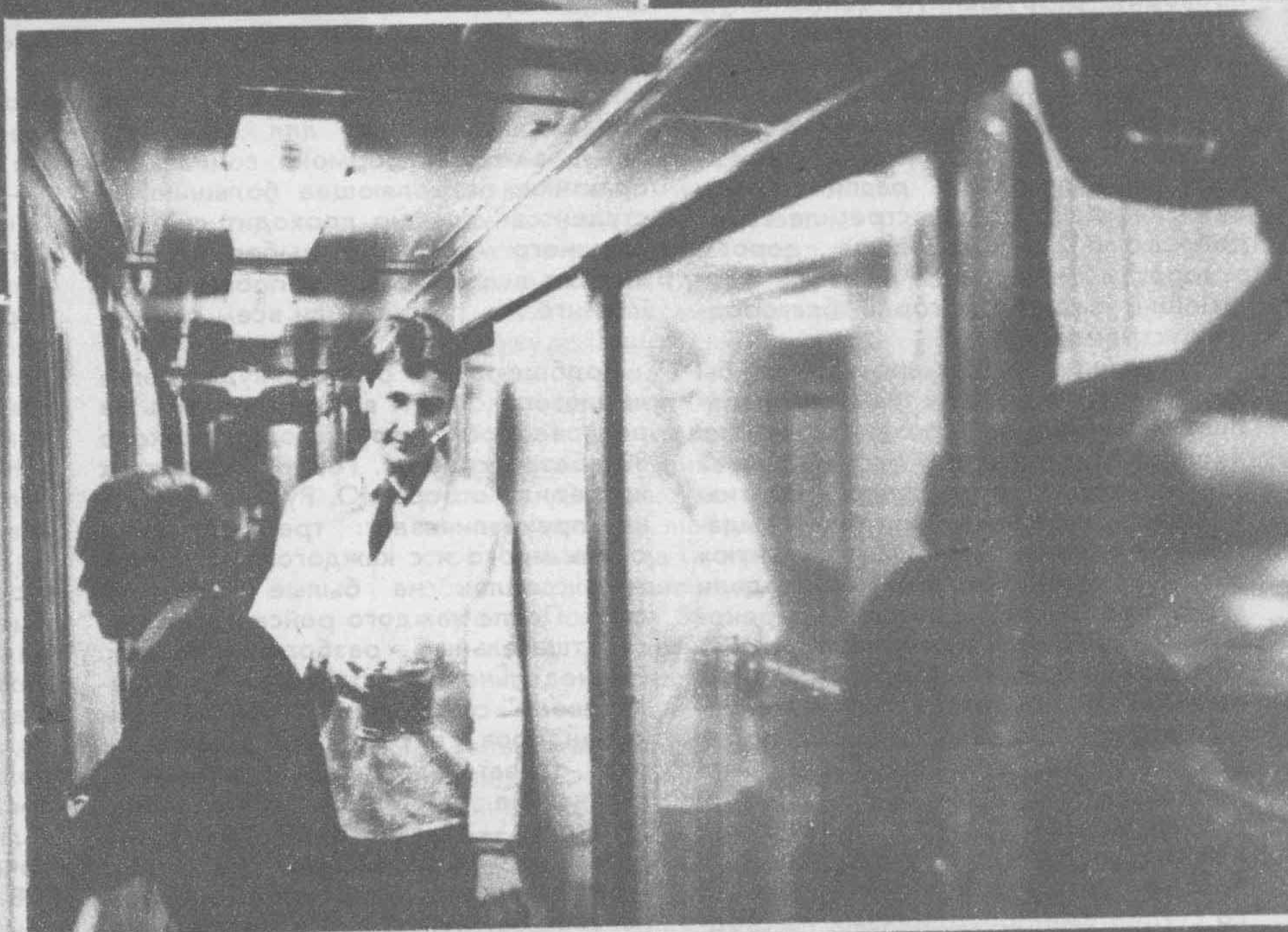
А где взять то, чего нет! Вот тут-то и осенило: малая толика уюта была позаимствована у действительно фирменного поезда «Смена», и начальник благополучно отбыл к Черному морю в приятной уверенности, что и все туда так же добираются — в стерильной чистоте и с занавесочками на ясных окнах.

Разумеется, потом грянул скандал с оргвыводами в адрес перестарав-

А" ВЫБИРАЕТ ПУТЬ

В купе полный порядок.

Чай по-дорожному предлагает Геннадий Виноградов.

Юрий Михайлович Русаков проводит инструктаж.

шихся подхалимов. Порок еще раз был наказан, но куда интереснее другое: неужто у могучей магистрали, известной своими «Красными стрелами» и сверхскоростным ЭР-200, не нашлось на чем подбросить к берегам Понта Эвксинского своего ответственного работника? И отчего величайшим дефицитом у профессионалов стало то, что для любителей-студентов норма? Может, вагоны им выделили какие-то особенные, самоочищающиеся?

— Да нет, вагоны мы, конечно же, получили самые обыкновенные,— рассказывает руководитель трудового воспитания студентов ЛИИЖТа Юрий Русаков.— Но в постоянное круглогодичное пользование и под свою личную ответственность. Нам отдали один из поездов, связывающих Ленинград и Москву, мы обязались обеспечить его образцовое обслуживание, вывести в фирменные.

Обратите внимание, уважаемый читатель: образцовое! И припомните, какой из знакомых вам поездов вы можете без всяких скидок, не покривив душой, отнести к этой высшей категории качества. Уверены, список не будет очень обширен...

Как же быть с железной дорогой, с нашей дорогой «железкой»? Ведь годами твердим об одном: нельзя, недостойно отправлять пассажиров в унизительных условиях грязи и грубости. А МПС в ответ ссылается на «объективные» причины: не хватает того, не хватает сего.

Ох, так ли это? Может быть, просто не хватает ответственности? Чистота и внимание, вежливость и уют не слишком зависят от каких-то внешних условий. Куда в большей степени они создаются совестью, сознательностью людей, вызвавшихся работать в сфере обслуживания.

Ю. Русаков показал мне великое множество документов, запечатлевших различные этапы многотрудной борьбы «сменовцев» за свои права. Пересказывать их содержание утомительно, да и не нужно; ребята требовали не импортную видеотехнику и компьютеры для своей «Смены», а элементарное: постельное белье, в котором еще никто ни разу не стрелял из дробовика, теплые, не похожие на отслужившие половики одеяла.

Ну ладно, за помывку, покраску, мелкий ремонт студенты взялись сами. Но ведь самим не вылечить страдающие хроническим истеканием кипятка титаны, не наладить электропроводку, разрушенную сантехнику... Тут нужны опыт специалистов, соответствующие материалы, оборудование.

Но больше всего, как вскоре выяснилось, студентам понадобилась выдержка. Поскольку распростертые объятия, с которыми встретила своих добровольных помощников дорога, вскорости перешли в плотный, удушающий захват на горле благородных устремлений.

Кто мешал? Ах, как просто было бы перечислить с десяток фамилий нерадивых начальников, публично осудив их за двурушничество: мол, на словах все за отряд, а на деле — против.

Правда, не начальники лично выдавали студентам сырую «постельную» рвань, демонстративно проходили мимо протекающих титанов, перекошенных дверей и разбитых окон. Руководители повинны в другом: при их попустительстве расцвела на железной дороге система взаимных поборов, ее девиз: «Не подмажешь — не поедешь».

Впервые лоб в лоб я столкнулся с ней лет десять назад, отправившись в поездку до Симферополя и обратно со студентами-проводниками из сводного городского отряда «Нева». За свою жизнь я не видал столько зайцев, сколько довелось повидать мне за те рейсы! Они кишмя кишели в коридорах, плотно забивали на полустанках все служебные купе, беззастенчиво тесними со своих законных мест пассажиров плацкартных вагонов.

И вместе с тем были как бы абсолютно невидимы... Стыдливо опуская очи долу, их не замечали бригадиры, важно глядели поверх ушей в неподкупную даль бескомпромиссные контролеры, в мелкой хлопотливой суете проносились мимо иные студенты, на лету ухватившие проворную специфику проводницкой службы.

— Романтики,— вопрошал я их,— где же ваши идеалы? Ведь не ради нечистых денег просились вы в отряд?

— Верно!— отвечали мне.— Но попробуй честно работать: если не заплатишь тем же ремонтникам в депо, с места не сдвинешься. Надо нести мзду, а заодно и брать ее, где только возможно, не о нас здесь речь — о профессионалах. А их кредо: не подмажешь — не поедет...

Вернувшись, я поделился своим возмущением с комиссаром отряда В. Голубцовым.

— Верно,— сказал тот,— существуют еще негативные явления. Мы с ними боремся.

Ныне Василий Иванович — секретарь парторганизации вагонного участка. И по-прежнему продолжает борьбу все с теми же ничуть не стареющими явлениями. О них в своем коллективном письме недавно поведало начальнику управления дороги уже новое поколение студентов. И хоть куда как подробно раскрыли «сменовцы» порочный механизм снабжения их поездов углем, бельем и взимания ремонтниками денег за выполнение своих же должностных обязанностей, ответ (через полгода) получили куда более обтекаемый, нежели стремительные очертания суперэкспресса ЭР-200. Мягко выражаясь, «отписался» бывший заместитель начальника В. Журавлев. А кое в чем и попросту соврал.

И все осталось по-прежнему?..

— Ну уж нет,— возмутился командир отряда Ю. Русаков.— В своих взаимоотношениях с дорогой мы прошли несколько этапов. Сначала к нам относились как к неразумным ребятишкам: мол, наиграются, устанут и бросят; потом с нескрываемым раздражением: зачем в чужой монастырь со своим уставом? Сейчас, похоже, стали уважать.

И есть за что. Из всех испытаний, выдержанных отрядом, я бы в первую очередь выделил испытание окружающей средой. И не случайно то внимание, с которым наблюдала за ходом эксперимента кафедра прикладной психологии, педагогики и социологии ЛИИЖТа. Вывод: отряд проводников стал для института очень важной формой социальной практики, подавляющее большинство студентов успешно проходит систему сложного морального выбора, противостоит вымогательству, поборам.

И что же, по плечу ли всем сия ноша?

Вообще-то из отряда куда легче «вылететь», чем в него попасть (в резерве постоянно находится около 80 «безработных»). Говоря о жестких критериях отбора, Ю. Русаков ничуть не преувеличивает: требуют здесь очень много и с каждого. Без поблажек, ссылок на былые заслуги и стаж. После каждого рейса проводятся тщательные разборы поездок. Еженедельно по пятницам на командирском совещании «песочат» и командиров, и рядовых. Дважды в год обязательные общественно-политические аттестации. Эта требовательность — стиль отряда. Убеждены, иначе нельзя, транспорт не терпит малейшей расхлябанности ни в одном из звеньев, нуждается в дисциплине.

Соответствующего уровня и сервис: подтянутые, одетые в форменные железнодорожные мундиры юноши и девушки являют собой образец корректности, внимания, вежливости. Чего бы это ни стоило!

Для чего же студенту все эти хлопоты? Ведь не только ради денег рвется он в отряд. Конечно, 50 рублей за 2 поездки в месяц — подспорье для бюджета, но в городе существует немало иных способов заработать больше и без нервотрепки, хлопот.

Как-то ночью на полпути между Москвой и Ленинградом разговорился об этом со студентами-энтузиастами.

Для чего пошли в проводники?

Говорят примерно так:

— Мы будущие инженеры, руководители производства. В студенческом «экипаже» учимся руководить, изнутри видим проблемы дороги, которые не разглядеть, не понять из кресла начальника...

Задаю еще один вопрос:

— А как все-таки складываются взаимоотношения с дорогой сейчас? Последний раз ехал «Сменой» из Москвы, обратил внимание — вагоны новенькие, постройки ГДР, полотенце, белье чуть ли не накрахмаленные.

— Мы же говорим: стали уважать. Не последнюю роль сыграл и ершистый характер отряда—дошли до министра товарища Конарева, заручились его поддержкой. Почти полностью взяли поезд на свое обслуживание, создали студенческие экипировочные, ремонтные бригады.

Спрашиваю Русакова:

— Представьте себе, что вас назначили министром путей сообщения или начальником Октябрьской дороги. Что бы вы сделали, чтобы уровень сервиса «Смены», «Красной стрелы» стал нормой для всех поездов?

— Не сочтите за этакое кокетство, но принципиально не понимаю, когда о «Смене» и некоторых других хороших поездах говорят как о чем-то особенном. Это норма, надо не ею восторгаться, а строжайше спрашивать с тех, кто довел остальные поезда почти до заурядного уровня.

Ну, а что касается моих предложений, в них почти ничего нового, все подсказано успешным опытом других отраслей. Считаю, что в вагонных участках следует создавать единые комплексные экипировочные бригады, объединяющие всех участников подготовки составов к рейсу. Соединить их с поездными бригадами, а оплату труда и выплату премий производить с учетом КТУ, где в роли жюри могли бы выступать проводники. У себя мы это сейчас пробуем, и результаты обнадеживают. Или другое: ныне схема проводников на дальних рейсах такова — три проводника на два вагона. А можно два на два. Но при этом надо материально заинтересовать людей, оставлять премиальный фонд внутри бригады, а не передавать его в фонд участка. Что-то из этого уже потихоньку осуществляется на дороге, но до чего же медленно, робко, несмело!..

— Студенты многому научили всех руководителей, от нижнего до верхнего звена,— говорит заместитель министра путей сообщения профессор Б. Никифоров.—Необходимо распространить опыт такой организации дела не только на студентов, но и на всех работников железнодорожного транспорта!..

На всех — это хорошо. Но для начала неплохо, чтобы почин сверстников поддержали коллеги — студенты железнодорожных вузов, которых в стране пятнадцать. Конечно, даже еще пятнадцать хороших поездов для страны мало. Но куда дороже надежда: ведь нынешние студенты — завтрашние руководители. Прекрасно, если и на будущих командных должностях они сохранят ту же требовательность к себе, нетерпимость к любому очковтирательству, что отличает «сменовцев».

В разговорах с ними я ни разу не слышал слова «перестройка». Потом понял: свою самостоятельную трудовую жизнь ребята начинают с моральных позиций, созвучных времени, продиктованных им. Думается, именно это и предопределило успех начатого ими дела. Это-то и есть сама перестройка.

Михаил РОЩИН

РАССКАЗ

Памяти А.

В августе на кобулетском пляже еще яблоку упасть негде, столько народу, а в сентябре, когда увозят в школу детей, уже тихо и пусто. Обнажается без людских толп сам пляж, «красота его бесконечности, бесконечность его красоты», как сказал поэт, и городок с его двухэтажными богатыми дворами с торжественными наружными лестницами, чтобы каждый, нисходя по такой лестнице, мог почувствовать себя князем, и с «самой длинной в Европе», как утверждают кобулетцы, главной улицей. Но еще длиннее набережная, идущая на возвышении над пляжем; теперь местные жители выходят сюда погулять и впервые за все лето могут по крайней мере увидеть друг друга, а то раньше растворялись среди отдыхающих масс. Набережная особенно хороша: люди мирно сидят, прогуливаются, любуются закатами, под ногами играют дети. Вообще наступает прекрасная пора. Позже рассветает, раньше темнеет, но солнце не уходит с неба весь день и можно загорать. Иногда набегут тучи, прольется дождь, а то и всю ночь прошелестит, но потом опять солнце, сухо. Туманы, радуги, эти багряные пышные закаты, на которые ходят смотреть, точно в оперу, белая ослепительная луна. Под реликтовыми соснами дует прохладный ветерок; летом он освежал, теперь заставляет натянуть свитер. В кофейне на набережной девушки переворачивают вверх дном крохотные белые чашечки, гадают на кофейной гуще. В закусочной, наконец, без очереди вам дадут шашлык или даже кефаль. В садах лопается на ветках черный инжир. Дымок и запах жареного каштана надолго остаются в пальцах. Гинеколог из Тбилиси и стоматолог из Москвы ужинают за одним столиком в «Интуристе». Бархатный сезон. Покой.

Кстати, об «Интуристе». 16-этажный космический корабль опустился несколько лет назад на кобулетский берег, и никак не понять, вписался в него или нет. Одна нервотрепка с этим «Интуристом», хотя, конечно, хочется быть не хуже, чем Сочи или Марсель. Возможно, в будущем десятки таких билдингов186 нанижутся на нитку кобулетского пляжа, задавят и вытеснят старенькие дома и, как гигантские насосы, будут качать из туриста деньгу,— может быть, но, слава богу, это уже будет без нас. Пока же посланец из будущего чувствует себя здесь чужаком. Днем он еще возносится гордо, прямит кирпичного цвета плечи, а ночью растворяется во тьме, светит приглушенными светильниками, тоскливо тянется в небо, хочет улететь.

В отеле чужая музыка и чужая речь. Чешские пивовары и парикмахеры, польские шахтеры, венгерские пенсионерки, дрезденские студенты — все едут к теплому морю. Бывают финны, греки, шведы. Хотя зачем, спрашивается, греку теперь Колхида? Но идут, взявшись за руки, юноша с лицом Аполлона в белых шортах и девушка — грузинка с копной черных волос, юная и большеглазая, милая, в длинной юбке, чтобы скрыть не очень стройные ноги. Его зовут Ясон, ее Медея.

А то вдруг приехали американцы. Что началось в Кобулети! Комедия в духе Гии Данелии. Из кадок вырывали чахлые пальмы и втыкали свежие. За одну ночь поставили забор вокруг котлована, который копали пять лет назад под бассейн,— но зачем нам бассейн, когда рядом море?— и ямы давно заросли колючкой. Желто-черный жук-скрепер с рассвета ползал по двору, срезал бугры старого цемента, оставшегося еще от стройки, и засыпал лужи. Гинеколога и стоматолога срочно выселяли, хотя гинеколог уверял, что сам бывал в Америке. Администратор повышал голос на немецких студентов. Появились столичные официанты. Ответственные мужчины в больших кепках

ЧЕРТОВО КОЛЕСО В КОБУЛЕТИ

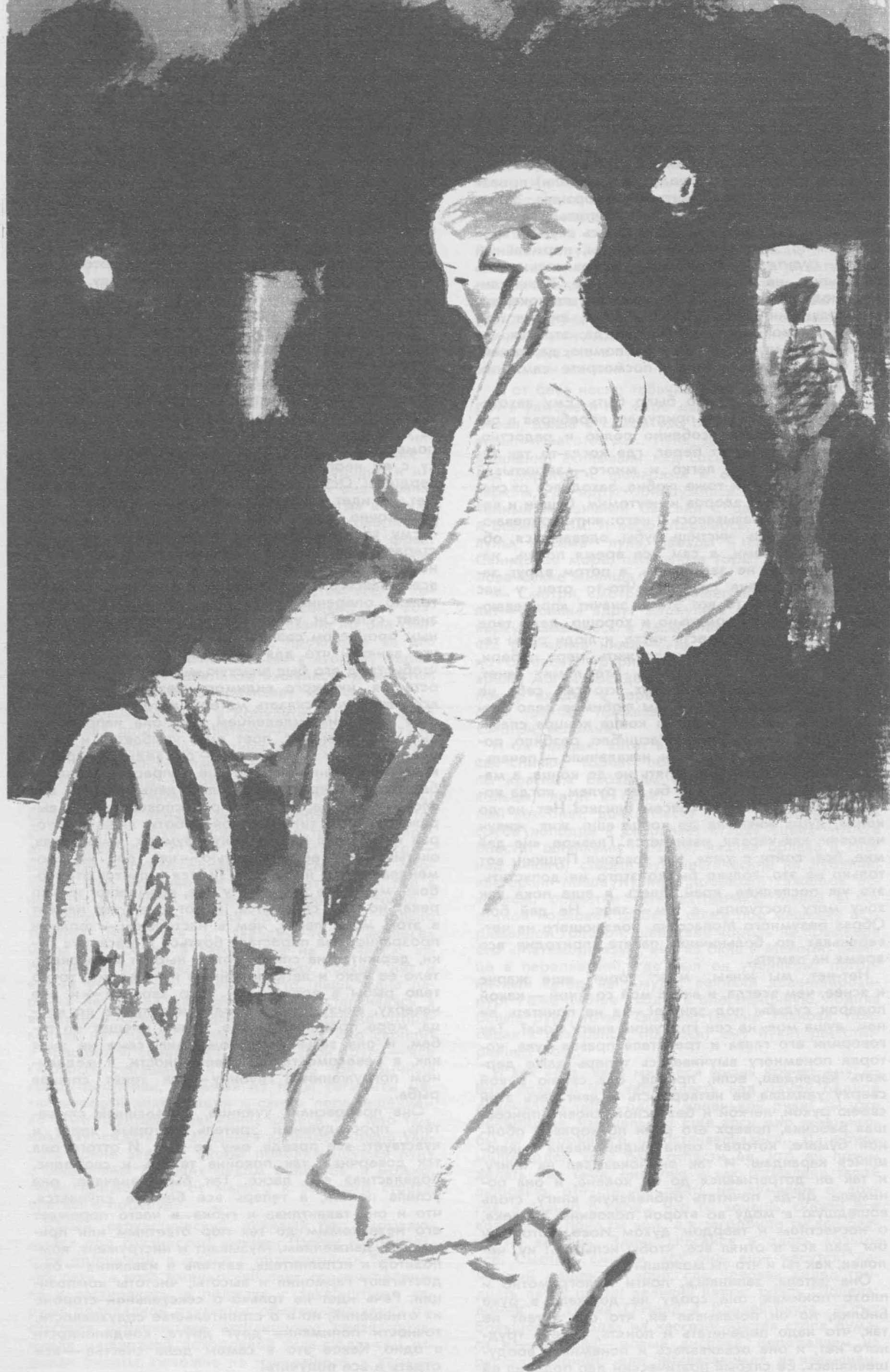

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА

все время совещались, стоя в мраморном вестибюле, покручивая на пальцах брелоки с ключами, а мимо них потные горничные таскали по гладкому полу тюки со свежим бельем, загружали тюками лифты. В четверг, накануне, к ужасу администрации лифты вышли из строя. По законам жанра американцев должны были бы провезти мимо и поселить где-нибудь в другом месте. Но нет, они приехали. Человек восемь. Ночью их никто не видел. И уехали так же незаметно. И это был последний мазок, последний удар отошедшего шумного лета. После американцев наступила полная тишь.

Старого писателя катала в кресле-каталке по набережной совсем юная женщина, девушка на вид; она могла быть ему внучкой, но все, кто сидел или гулял вечерами над морем, уже знали, что это не внучка, не дочка, не сиделка. И всех, разумеется, поражала эта пара. Женщины шептались и качали головами. Они приплыли пароходом в Батуми, там матросы снесли его на руках на берег по шаткому трапу, потом час ехали на такси, а на другой машине, которую вел сын бывшего друга Нико,— он и встречал писателя,— везли складное английское кресло со сверкающими спицами. Нико был юн, растерян, при галстуке, похож на доброго Гиви, своего отца. Боже, как сам писатель был молод когда-то на этом берегу, давно ли? Словно вчера,— и молода Этери, мать Нико, и какой вихрь крутился тогда за ним: друзья, поэты, женщины, бард с гитарой, рыбаки, моряки,— он написал после войны свою знаменитую пьесу о военных моряках, они этого не забывали. Между прочим, он сам прошел войну и тонул однажды с эсминцем на подходах к Мурманску, участвовал в сопровождении английского каравана. Было, было, все было, и офицеры в белых кителях, горя золотыми погонами, тоже хрустели по гальке кобулетского пляжа.

Теперь не осталось никого и ничего. Только дети старых друзей, которых он видел в младенчестве. Гиви давно умер; писатель потом долго не мог простить себе, что не приехал на похороны, путешествовал по заграницам. А затем он купил себе дом совсем на другом берегу, в Прибалтике, уехал туда жить с женой, взрослой дочерью и внуками. Слава его росла, и он бежал от нее, чтобы работать. Но... вдруг на старости лет опять бросил все, ушел,— ну, просто пушкинский Алеко, и — словно в наказание — паралич, три месяца больницы, и теперь ничего: ни дома, ни семьи, ни архива, ни книг, ни друзей,— вот кресло на колесах, болезнь, шарф на шее, его ангел-хранитель рядом и любовь, новая любовь, которая сделала его счастливым. Ах, жизнь, не зря, говорят, она самый лучший драматург и самый опасный игрок, никогда не знаешь, какую выбросит карту, как все повернет,— оглянешься: господи, что было всего год назад и что теперь, где я, кто, с кем?..

И почему, что за изощренность такая? У музыканта непременно отобрать слух, у художника — зрение, у златоуста—речь? О, он был мастер краснобайства, как никто, умел найти словцо, он самовдохновлялся, точно соловей, пока говорил, и вот так, устно, оформлялись все его сочинения: раз десять расскажет, проверит — и садись, записывай. А сколько не записалось, сколько переболталось, выболталось, было пущено на ветер, играючи, спасибо, кое-что подбирали друзья и ученики. Все помнят его стоящим на ногах, вдохновенным, жестикулирующим: в одной руке всегда сигарета, в другой бокал с сухим белым вином, всегда загорелый уже в марте, худой, с загорелой лысинкой и свисающими позади артистично седыми кудрями, с какой-нибудь супермодной деталью в костюме — белый ли пиджак, каких ни у кого еще нет, платочек ли на шее, шарф или блайзер с такими золотыми пуговицами, что не снились какому-нибудь капитану испанского парусника. Он никогда не сидел на месте больше одного месяца, любил самолеты и планеры, быстроходные суда и те секунды в хоккее, когда обе пятерки, слившись в одно, несутся к одним воротам; он сам был непрерывное движение, летун и поэт, и вот — нате, сбит, как птица влет. «За что?»— спрашивал он сам себя, и сам отвечал: «За все».

Теперь ему казалось, что все им написанное постыдно, что жизнь состояла из ошибок, что по крайней мере раза четыре он свернул совсем на иные пути, а не туда, куда было нужно. Он умел и любил обольстить и увлечь; мужчины влюблялись в него, верили и шли за ним, особенно молодые авторы, режиссеры, художники. Теперь это тоже он относил к своим грехам: неверно учил, не тому. А уж что касается женщин, тут лучше умолкнуть. Умолкнуть и обратиться хотя бы к этому юному существу, студентке, девочке из московского пригорода, которая год назад послала ему на отзыв свои невинные стихи, так они познакомились. Кто бы видел ее в вечер их приезда,

после бурного, полного волнений дня, встречи с располневшей старой Этери в вечном трауре, с черным платком на седой голове,— как она плакала, обняв его!— с долгим застольем, печальными тостами, плюшевым альбомом с пожелтевшими любительскими фотографиями, где все стоят, обнявшись, все молоды, живы, любят друг друга, солнце бьет в глаза, и пальма зеленым фонтаном осеняет головы,— фотография есть, пальма есть, а людей нет, люди умерли или постарели, и невидимый ужас царапает сердце: ты тоже стоишь в этой очереди.

«Нет, витязь, ты все такой же, ты молодой!»— заливалась слезами Этери.

Да, но вот в конце концов она осталась с ним вдвоем, на «его» половине дома, на открытой террасе, увитой виноградом; плотные, словно надутые, черные кисти обильно темнели среди зелени, терраса была защищена самим домом от моря и ветра. Она находилась с ним непрестанно, за весь год они не расстались ни на день. Она одна понимала его мычание и отдельные, по-младенчески выталкиваемые слова, она одна могла ухаживать за ним, не причиняя ему мук стыда, удивительно научась накормить, одеть, причесать и все вытерпеть. Слава богу, она выросла в простой, многодетной и бедной семье. Кроме того, ей казалось, она виновата. Если бы хоть кому-то из людей, кто осуждал и шептался, пришла в голову самая простая мысль: а кто же и как его кормит, ухаживает, кто надел на него нарядную рубашку и повязал галстук, благодаря кому у него ухоженный и, можно сказать, элегантный вид в этом сверкающем кресле, с серым пледом на коленях, с наброшенным на плечи свитером или шарфом, в белой шляпе днем и темной фуражке вечером; если бы люди чуть-чуть пораскинули умом, они бы перестали судачить. Впрочем, где там, людям разве перестать. И как это она живет с ним, бедняжечка, зачем, почему? Ради чего терпит и толкает перед собой по выбоинам нелегкое кресло?..

Между тем калека, как и бывает нередко с калеками, жил в самом мощном, даже для него непривычно-мощном духовном напряжении. И это отражалось на его лице, в горящем и полном жизни взгляде. Каждый человек, встречавший их на набережной, поражался кротости его лица и пылкости его взгляда, пронзительного, яркого, живого, полного интереса ко всему и реакции на все. Ко всему: к младенцу на руках старухи, к поздней порхающей бабочке, к иностранным пожилым туристкам с одинаково подкрашенными и завитыми сединами, к школьникам в синей форме и красных галстуках, бредущих по пляжу после уроков, к москвичке из «Интуриста» в бейсбольной шапочке с длинным козырьком, которая по своей непосредственности никогда не могла скрыть при взгляде на них жалости, жалости и восторга понимания их связи; наверное, и она кого-то любила. Он старался улыбнуться в ответ и думал, что улыбается и даже подмигивает, но как раз эта половина лица его оставалась мертва.

Что же, немудрено, его дар наблюдательности, его способность анализировать, синтезировать и творить никуда не делись. И его жажда творчества. И новая мысль, что и как надо. Все это лишь еще больше обострилось без сублимации. Сейчас мы скажем, куда в основном двинулись эти мощные силы, но и на мелочи, на пустяки его хватало. Он совершенно не занимался своей болезнью. Он принял ее, как молнию, решил, что сам не может сделать ничего и что у него нет времени заниматься лечением, тем более что это бесполезно. Как это ни покажется странным, но он почти не мучился. Все муки он оставил за стеной клиники. В самом деле, ждать выздоровления, лечиться, направить на это все силы? Смешно. Тем более что чувствовал он себя замечательно. Счастье его не покидало.

Она была сама кротость? Пожалуй. Со стороны вполне можно было сказать: ангел. Если его глаза горели и жили открытой жадностью, то ее чаще всего оставались потуплены. Мир ее не интересовал. Но сказать, что она стоит коленопреклоненно, сложив ладошки перед грудкой, а крылышки за спиной, тоже нельзя бы было. Вся ее фигура скрыто активна и напряжена, она то и дело выдвигается вперед, следит сверху: как он, не нужно ли чего? И видит поле вокруг: нет ли какой опасности для него? Когда они останавливались и отдыхали, она глядела на него, а не по сторонам и не стеснялась. Если только он не обращал на что-нибудь ее внимания, показывая глазами или слабой своей правой рукой. Она смотрела на него скрыто-радостным и влюбленным взглядом — тем самым, когда говорят, что люди глаз друг с друга не сводят. И это была правда. Хотя, казалось бы, на что уж там смотреть очень молоденькой, хорошенькой, тоненькой и очень хорошо одетой девушке (никак не поворачивается язык назвать ее женщиной, до того она молода и весь облик ее и стать девические). Но она смотрела, и, несомненно, с неподдельной правдой. Просто удивительно. Будь она менее сдержанной, менее скромной, будь воспитана хотя бы столичной десятилеткой и выражай смелее свои чувства, она бы, наверное, смотрела с открытым обожанием. И ее не интересовали ни аполлоноподобные юноши, смуглые Ясоны, или светлокудрые шведы, приехавшие издалека, ни местные гордые колхидцы, у каждого из которых обязательно был хоть и небольшой, но настоящий кусочек золотого руна. И они пружинно выпрямлялись при виде ее фигурки в белых и легких развевающихся одеждах по моде того лета, с кисейной косынкой, повязанной гладко по голове и спущенной сбоку, с виска узлом,— это был выходной наряд, или в маечке-безрукавке, в белых шортах и сандалиях днем, в кепочке набекрень, поднятой пузырем и с красной пуговкой на макушке. Парни дышали, как кони, и перебирали на месте ногами.

Люди пошушукались, потом привыкли — очень она была убедительна. Кроме того, просочились слухи из дома Этери, где давным-давно погасли звуки молодой жизни (Нико был скромный мальчик), но теперь опять (люди сами видели) приезжали такси с базара, выгружали корзины, Этери командовала на летней кухне, почтальон приносил газеты и телеграммы, слышались звуки старого пианино, и смех юной женщины, нормальный смех,— судите, как хотите, но чувствовалось: здесь поселились не убогие и подавленные, а счастливые люди. И толстая Этери со своей стенокардией, больными ногами, тяжко дыша, кивала под вечер головой и подтверждала: да, это так, но он всегда был такой, витязь, я помню, да, конечно, они счастливые люди, посмотрите сами повнимательнее.

Что ж, так и должно было быть. Ему захотелось сюда, это он сам придумал, перебирая в памяти, где он жил особенно полно и радостно, и вспомнил про этот берег, где когда-то так гулял, так работал, легко и много,— засчитывай день за месяц,— и тоже любил, заходился от счастья, только был здоров и неутомим, бешен и весел,— эх!.. Это называлось у него: жить припеваючи. Если встаешь, чистишь зубы, одеваешься, обливаешься духами, а сам все время поешь, насвистываешь и не замечаешь, а потом вдруг заметишь или жена скажет: «Что-то отец у нас сегодня поет!»— то вот это и значит «припеваючи», то есть все нормально и хорошо, дело твое катится, как надо, совесть чиста, и люди рады тебе, а ты им. Вот так и надо жить, черт побери, шагать и петь — насвистывать. Кто лямку тянет, кто у дураков на побегушках, кто сам себе не рад, те пусть как хотят. А мы любимое дело ваяем, сил не жалеем, люди в конце концов спасибо говорят, чего не петь? Расшибло, разбило, порвало нервы, вывернуло и искалечило — печально. Но не до конца же, опять не до конца, а мало ли было случаев, хоть бы за рулем, когда конец чернел и сверкал совсем близко? Нет, не до конца, душа жива, не до конца еще, жив, живуч человек, как червяк, извивается. Главное, «не дай мне, бог, сойти с ума», как говорил Пушкин, вот только не это, только бы до этого не допустить, это уж последнее, край. Здесь я еще пока как хочу могу поступить, а там — хаос. Не дай бог. Образ безумного Мопассана, ползающего на четвереньках по больничной палате, приходил все время на память.

Нет-нет, мы живы, мозг горит еще жарче и яснее, чем всегда, и ангел мой со мной — какой подарок судьбы под занавес,— а не почитать ли нам, душа моя, на сон грядущий книгу Иова?.. Так говорили его глаза и трепетала правая рука, которая понемногу выучивалась теперь даже держать карандаш, если, правда, она своею рукой сверху унимала ее нетвердость и двигалась этой своею рукой, легкой и безвесной, словно присевшая бабочка, поверх его руки по корявой обойной бумаге, которая одна выдерживала тыкающийся карандаш. И так он показывал на книгу, и так он дотрагивался до ее колена, и она понимала. Да-да, почитать библейскую книгу, столь вошедшую в моду во второй половине XX века, о несчастном и твердом духом Иове, которому бог дал все и отнял все, чтобы испытать: ну, человек, как ты и что ты можешь?..

Она читала, запинаясь, почти малограмотно и плохо понимая, она сроду не держала в руке Библии, но он показывал ей, что она читает не так, что надо перечитать и понять, ничего трудного нет, и она осваивалась и понемногу воодушевлялась. Ее слабый поэтический дар подарил ей по крайней мере чувство слова и ритма, кроме того, ей так не хотелось быть перед ним дурочкой. И она силилась и постигала красоту и смысл древних стихов. Они любили друг друга и старались один для другого — так просто...

Он и сюда не только ради себя ехал, он и ее вез. Чтобы увидела, его глазами увидела замечательный берег, воспетый поэтами, мать-Колхиду, горы — снежные горы, которые белеют вдали, точно облака, и другие, темные, которые ниже и ближе, синие от своих тайн, и самые близкие — зеленые всхолмья, круглые, как бараны, от чайных кустов. Там горы и небо, здесь небо и море. Оно сверкает под солнцем, как корыто, где плещется ребенок, или мрачно бьет тяжелой зеленой бутылью о берег в шторм. Причудливы декадентски изломанные позы прибрежных сосен. Кругло-вопросительно лицо луны и в полнолуние, когда невозможно спать, у нее восторженный свет, она полна, она миновала фазы ущерба и неполноценности. Стонет во сне бедная Этери — всмотрись, пожалуйста, в ее мучнистое лицо, отвлекись от меня, это лицо самой доброты, вечной женской доброты, которая есть первая добродетель,— ты должна все увидеть, все понять, по возможности, как я, чтобы навсегда взять с собой, унести, как мой последний, может быть, подарок. Лучшего я тебе не подарю.

Он не может работать, сочинять, но он не может не творить. Божий дар его такой, программа заложена — быть щедрым, чутким, талантливым, знать вкус и меру, быть артистом, уметь другого постичь лучше, чем себя. Он творит, обратив свой дар в чистый дар любви, творит ее каждый день, неустанно, без лени, начерно и набело, кусками, потоками, лучше сразу набело, потому что нет времени, но тем более в полную силу, непременно. Никаких фальшивых или ремесленных строчек. Без повторов, без ошибок, новая партия, и надо ходить, как ходят гениальные шахматисты, из всех возможных ходов делая самый верный. Весь его опыт, силы, мощь, изощренный профессионализм, сама болезнь и печаль ухода — все в дело. Свивается смерч крутящийся, набита гигантским зарядом грозовая туча, нагрета солнцем целая акватория — ради чего? Чтобы поместить в самую середку одну бедную девчонку с ее неопытностью, доверчивостью и чистым сердцем? Остановись, уже этого хватит надолго. Нет, он идет все дальше и дальше, и пока у него достаточно сил, чтобы побеждать себя самого.

Ему хочется обогатить и развить ее мозг, он старается, но еще не знает, что это и невозможно в столь краткий срок, да и не нужно. Это всего-навсего его собственное оперение, да и то только оперение, а не суть. А женщина всегда знает суть. Он упивается, он занят замечательным процессом созидания. А она понимает одно: что занят и что для нее, ею. И нельзя сказать, чтобы труд его был впустую,— кажется, ничего не остается, никакого видимого результата, но это все равно, что сказать матери, которая тютюшкается со своим младенцем, что она напрасно с ним разговаривает, поет ему, улыбается и даже доверяет ему свои слова — он ведь все равно ничего не понимает. Нет, не напрасно! Тайна их близости накапливается целый день: каждое его слово и взгляд, каждое прикосновение есть выражение этой титанической работы любви, которая изливается из его полубезумных, умных глаз, окатывающих ее нежностью,— нет, она не променяла бы это ни на что! Льется и льется эта любовь, море его любви, а у нее, возможно, только река, но они сливаются, и вот она уже плывет в этом море легче, чем в настоящем,— тепло и прозрачно, она перестала бояться и, раскинув руки, держится на спине, потом ныряет и фыркает, тело ее узко и легкоподвижно и невесомо, точно тело рыбы в воде: один удар хвостом — и она наверху, внизу, она свободна и открыта до конца, море проникает в нее, солью плещет по губам, и она засыпает потом вмиг, сама не зная как, в невесомости, во взвешенности, в медленном погружении в глубину — так тонет спящая рыба.

Она прекрасная ученица, преданный слушатель, простодушный зритель, который верит и чувствует: все правда, ему не лгут. И оттого она так доверчива, так покойна теперь и свободна, подвластная его ласке. Так было вначале, она успела понять, а теперь все больше случается, что и она талантлива и гибка и часто поражает его незнакомым до тех пор ответным или призывным движением. Музыкант и инструмент, композитор и исполнитель, ваятель и изваяние — они достигают гармонии и высоты, чистоты композиции. Речь идет не только о сексуальной стороне их отношений, но и о строительстве содуховности, точности понимания друг друга, соединенности в одно. Какое это в самом деле счастье — все отдать и все получить!

Да, вот вечер, долгий и полный день позади, а впереди еще столь же наполненный вечер, много заботы: она катит перед собой по неровному

асфальту и каменным плиткам набережной потяжелевшую коляску, и хотя он по-прежнему живо водит глазами, она знает, что он уже устал, хотя никогда не признается в этом. И она сама устала, быстро стемнело, и прохлада падает сверху, точно роса. Да, еще много впереди забот: возвращения,— у дома Нико встретит их,— нового возбуждения от ужина, от осмысления дневных впечатлений, затем телевизор, опять умывание, переодевание, прием лекарств, сон и бессонница, когда он позовет ее, и она свернется калачиком рядом, потому что все, весь день и вечер, все, что накопилось между ними, должно сблизиться и излиться наедине. И еще после он не уснет, возбужденный лунным светом, и она сквозь юный свой сон будет это чувствовать и часто просыпаться, спрашивать, а он будет делать ей знак: мол, спи, спи, а у самого слезы сверкают в глазах лунным светом.

Разумеется, у нее на него уходят все силы — так он сумел захватить и покорить ее собою, но бывает, что не хватает и всех сил. Сегодня что-то ее беспокоит, она чуть ускоряет шаг, ей кажется, и с ним что-то не в порядке нынче, и сама вдруг устала. Этери говорила, меняется погода, может быть, но есть еще что-то, что ее волнует. Что?.. Она не любит таких минут, потому что в свое время ее безжалостно предупредили обо всем анонимными письмами и звонками, страх за него убран в подсознание, он сам научил ее не бояться ничего и быть всегда ко всему готовой. Но все равно страх этот существует, помимо воли и сознания, и в такую минуту усталости сердце холодеет и обрывается. И она вдруг конкретно думает, что из Кобулети никуда нельзя дозвониться по-человечески.

Нет, она знает, он здоров, здоров, как ни странно, болезнь отняла у него движение, но тем больше осталось сил мозгу, сердцу — так, бывает, непомерно здоровеет обезноживший инвалид. Как и он сам, она больше боится за его мозг, который так возбужден, за неизбежный новый удар, последствия которого непредсказуемы. Она уже наслушалась историй о разбитых инсультом, которые лежат годами без движения и без сознания. Сам он смеется, он фаталист и игрок, иногда они играют в карты или она раскладывает перед ним пасьянс, и его всегда возбуждает неожиданный выпад карты, и он говорит ей взглядом, смеясь, одну из своих любимых фраз: «Такой расклад». Он всегда одинаково достойно принимал и удачу, и проигрыш.

Но он жадина, он всегда увлекается, всегда готов отыграться. Ему мало. Вот и сейчас: уже возвращаются, пора, стало сыро, устали, но она слышит мычание-требование и, проследив за его взглядом, видит: он показывает в сторону парка. Зачем? Что ты хочешь?.. Он оживился, улыбается, просит: туда. Она поворачивает коляску.

Мы забыли сказать: в Кобулети есть еще одна городская достопримечательность: парк культуры и отдыха, гордость местных властей. Хотя весь берег сплошной парк. Но это для отдыха. А для культуры? И кобулетцы все сделали не хуже, чем в Тбилиси или в Москве. Карусели есть? Есть. Качели есть? Есть. Автомобильчики, которые толкают друг друга? Тоже есть. Пусть радуются наши дети. И есть даже «чертово колесо» — извините, «колесо обозрения». Все можно обозреть. Оно, конечно, не выше «Интуриста», где с верхних площадок открывается простор, точно с вертолета, но если, глядя на «Интурист», только хочется подняться к звездам, то на «колесе» можно... Сезон в парке еще не кончился, аттракционы работают, хотя народу совсем нет и время уже около девяти. Пусто, лишь одна парочка летает на цепной карусели, сталкиваясь в воздухе и смеясь, а две или три другие отправились на колесе, и лишь ради них оно скрипит и вращается, совершает во тьме свои круги,— все гирлянды погашены, и горят лишь три обычные голые лампочки, вырывая из тьмы сегменты металлической конструкции и своим перемещением во тьме показывая движение колеса. Но зато там, наверху, сидя в шатающейся кабинке, можно увидеть яркие звезды, якобы приблизившуюся луну с оперением летящих рядом облачков, и можно, тесно прижавшись от малого и веселого страха, слиться в поцелуе.

Юный, саркастический, ленивый бес, скрывающийся под грузинским именем Шотик и кобулетской пропиской, в майке с облинявшими буквами «ай лав», а кого именно «ай лав» совсем полиняло и застиралось, в пиджаке с завернутыми наружу подкладкой рукавами, обслуживал ввиду отсутствия публики все аттракционы сразу, похаживал мафиозной походочкой туда-сюда, сам отрывал билеты, похожие на трамвайные, и карман его пиджака свисал на сторону от скопившейся мелочи. Он с ухмылкой глядел вверх, где сшибались и разлетались со смехом качели, словно железные ящики из-под молока, которые кидает грузчик в фургон, и где повизгивала невидимая во тьме девушка-летунья, и сигарета свисала у него с губы, торчала из угла рта, как клык Азазелло.

И у этого типа он стал просить, требовать, мычать: туда, туда, наверх! Она возражала, она не хотела — как это будет? Сама панически боится высоты, никогда не отваживалась прокатиться на такой штуке — ее вестибулярный аппарат плохо выдерживал даже подъем и спуск на лифте,— ну, зачем, зачем?.. Нет, он неуемный, хотел — и все, а этот бес, этот Шотик, усмехался и говорил: «Слушай, что ты, ну хочет дедушка покататься, пусть покатается, я сам его повезу!..» И как это все произошло, в две минуты, просто странно, но Шота уже остановил колесо, легко поднял его и внес на руках в кабинку, и она сама помогала. А он горящим и веселым взглядом говорил, чтобы она не боялась за него, ему очень хочется, один-два круга — и все. И она переводила бесу:— Один-два круга, пожалуйста, не больше, я так волнуюсь.— Что ты волнуешься, слушай?— бормотал бес.— Ему хуже будет? Нет, хуже ему уже не будет.—Он свистнул, и из темноты прибежал еще чертенок, младший брат, стал у ржавой коробки, откуда торчала рукоятка рубильника, сверкал белыми зубами, и вот — миг, и вся махина колеса, которая в темноте казалась ей адски гигантской, заскрипела и заскрежетала разболтанным металлом, закачалась, и завизжали петлями некрашеные кабинки с номерами, и все поехало, поплыло. Бес согнулся над ним, придерживая, а он посылал ей глазами веселый привет, и рука двигалась, якобы махала, и она в ответ стала тоже прощально махать и через силу улыбаться. Но глаза ее из-под белой кепочки с пуговкой глядели тревожно: происходило что-то, чего она не поняла, не могла взять в толк, не приготовилась: куда он, зачем, как же так?

А от беса несло табачищем и потом, он скалил рот в улыбке и по мере движения вверх приговаривал, дыша в самое ухо от скрюченности своей позы:—Красота? да?.. Луна, да?.. Море, да?..—Они медленно всплывали над соснами, над крышами, над дорогой с фонарями и огнями машин, над парком, где вдруг обнаружился и засиял подсвеченный мозаичный бассейн с цветными рыбами и осьминогом. И небо открылось, сизое от яркой луны, и сама луна, звезды и светлые облака. Свинцовое море, пепельные горы, белеющие человеческие жилища.

— Смотри, смотри!— прошептали ему.— Вспомни!— Кабинка вдруг дернулась и стала на самом верху, закачалась и заскрипела, а за ней другие, что болтались ниже,— это мальчик внизу нарочно остановил рубильник, чтобы они некоторое время могли посидеть там и все обозреть — этот номер входил в сервис для самых почетных гостей, так бес приказал. И теперь он шептал: — Смотри, вспомни.

И он увидел: катит валы океан, свистит ураган, как спички, торчат обрезанные пальмы; плывет по красным барханам верблюд, брякают колокольцы; летит в облет белого Тадж-Махала белый вертолет; дочка Настя стоит у обледенелого сруба колодца в Егорьеве; старая сцена МХАТа блестит шляпками гвоздей; низкие облака и снег над Чикаго; старый букинистический на Лубянке; кавторанг Миша Кузнец, пробитый тяжелым осколком; опечатки четырехтомника; Милка в короткой норковой шубе, с почти под машинку остриженной головой; шведский король на премьере его «Метаморфозы»; вид из окна в Майори; оконце в переплетной, где был он учеником; пограничный катер на Амуре; великий врач-нейрохирург Роже Картье входит в операционную, подняв белые руки, точно сдается; Галина Уланова, приседая в реверансе, подносит ему букет растопыренных роз...

И вся ночь, весь мир, вся жизнь кричат ему: — Вот! Возьми! Что тебе власть над одной бедной девочкой и тепло одной маленькой руки? Ты уже покорил ее, что дальше? Еще весь мир ждет, чтобы ты покорял его, не останавливайся... Да и будь милосерден хоть раз, отпусти ее, что ей потом делать без тебя, она уже и так отравлена твоей любовью, отпусти, ты опять не думаешь о других, а только о себе... Что ты хочешь, скажи? Все возможно, пока ты жив, а в загробное ты все равно не веришь. Здесь спасайся и здесь возьми все. Смотри, смотри, вот они, еще несутся: каменный мешок в Гарни, где человек сидел тридцать лет и писал; великие книги; рояль Шопена; дом Юджина О'Нила в Коннектикуте, «Огни большого города» на кассете; чистая стопа бумаги и — хочешь?— новый дисплей, переделаем на русский шрифт; еле прикасаешься к клавишам, и он все пишет сам, тебе видно на экране, тут же правишь, и тут же падает отпечатанная страница...

— Нет! Мне не надо ничего, больше ничего, мой мир — она. И ничто на свете не заменит мне нашего душевного слияния. Она не знает, она может не знать, что и кто она для меня, какая это степень, но я-то знаю. Может быть, дело даже не именно в ней, мог быть кто-то другой, чтобы испытать мое сердце: живо оно или нет, может или не может? Но это она, ее рука, ее глаза, ее пушок на скулах... любить и отдавать...

— Врешь, врешь, тебе хочется, тебе всего хочется — любить и брать — просто ты больше не можешь и выдумал себе свой маленький Эверест, и вползаешь на него по три шага в день — ну! ну! ну!— и вроде жив, вроде занят покорением вершины. А ты смотри — мастер Бочаров летит с Эвереста на дельтаплане: своими ногами влез, своими руками летит!.. А?..

— Отойди от меня!

— Врешь, хочешь!

— Отойди!

— Ну тогда ее отберем, ее...

— Ее?

Он чуть не бросился головой вниз и ничего не увидел сначала, кроме облитых луной сосновых крон. А потом разглядел: на вытоптанной множеством ног и слабо освещенной площадке стоит одиноко и поблескивает его пустая коляска.

Сердце перестало биться от ужаса. Как он мог оставить ее и забыть ради чертова колеса? Сердце сжалось, и кровь не долетела до мозга, как он мог?..

— Ну, еще одна потеря, мало ли было в жизни потерь,— усмехался бес,— ты вынесешь и это.

— Нет!

Кровь не долетела до мозга, и ужас пробил счастливца, словно электрический удар.

...А она была на месте, она тоже лишь в воображении сделала шаг в сторону, представила себе обиженно, как же так, ни с того ни с сего он променял ее на это колесо, уплыл в чужих руках, в детской нелепой игрушке, больной, беспомощный, но веселый, возбужденный новым впечатлением, ей в эту минуту не принадлежащий. Куда? Почему? А она осталась в растерянности, одна, в мгновенно образовавшейся вокруг пустоте, без него. Как так? Вот так и случится в одну минуту: он улетает, а она остается на земле, одна. Нет, не в этом дело, это она знает, а вот как же он: улетает, уже отрезался, без нее, бросив ее, охваченный другой идеей, ей неизвестной. Какой? О чем? Что его так потянуло?.. Как быстро он доверился, ушел от нее, почти бежал, рассеянно прощался?.. Вдруг вот так и случится однажды, и он, выздоровевший, совершенно чужой, веселый, с огнями колеса в ставших непроницаемыми глазах, уйдет и не обернется? А она останется, в недоумении и обиде, и чертенок будет смеяться над нею со стороны... Она опомнилась, повела вокруг глазами, увидела себя: в каком-то парке идиотском, в неведомом городишке, на краю страны — почему, зачем?.. Вон дорога, «самая длинная улица в Европе», бегут машины, горя чистыми фарами, — надо выбежать, поднять руку, сесть и — на вокзал, в аэропорт, прочь, куда угодно.

Только в воображении сделала она этот шаг, но сверху он ее уже не различил. Только в воображении пронеслась возможность (невозможность) потерять ее, и мозг не выдержал.

— Отпу... сес... чё... чё...

И заскрипело, поехало вниз, в черное — где ты? — и все пропало.

— Что он говорит, что говорит, не понимаю? — плакала жена и промакивала красное и раздутое от слез лицо таким же малинового оттенка полотенцем.— Что ты, что? — Она вроде спрашивала, но сама отворачивалась, старалась не смотреть, боясь конца. Почти год это продолжается, и каждый день может быть последним.

— Чё... чё... коб... бе...— клокотало непонятное в запрокинутом горле, а глаза просили понять.

Врачи, их было двое, вели себя уже отрешенно, кратко говорили между собой, друзья застыли по углам, одна девочка-медсестра двигалась,— прехорошенькая, в туго стянутом на талии халате, в накрахмаленной крепко белой шапочке, прихваченной кокетливо заколкой к волосам. Она склонялась с другой стороны, напротив малиновой глыбы жены, делала укол в вену, нежно прося потерпеть,— рука была желтая и без того исколотая, а у девушки чистенькие, узкие, без маникюра пальчики, живые на почти неживой руке. Девушку только вчера нашли, уговорили приходить за сто пятьдесят рублей, она вот сегодня, с утра пришла, и при виде ее некое оживление, фантазия задрожали в глазах умирающего, и он кричал про себя счастливым голосом: «Кобулети! Чертово колесо!» — И смеялся.

Никто не понимал.

XVII выставка молодых художников Москвы на Кузнецком мосту вызвала самые разноречивые отклики, суждения, споры. Ясно одно: выставка задела за живое всех ее посетителей, будь то просто зрители или профессиональные художники, критики...
И в этом смысле экспозицию можно назвать удавшейся, так как она потребовала серьезного и обстоятельного разговора о проблемах современного молодежного искусства.
Свои мысли по этому поводу мы попросили высказать председателя бюро секции критики и искусствоведения МОСХа, заведующего кафедрой истории русского и советского искусства исторического факультета МГУ А. И. Морозова и молодого критика, аспиранта ГИТИСа М. Каменского.
Мы сочли, что именно взгляды двух профессиональных искусствоведов на это событие в нашей культурной жизни позволят дать наиболее объективную его оценку.

МЫ С КУЗНЕЦКОГО... И ДУХ НАШ МОЛОД!

Михаил КАМЕНСКИЙ

Укрепленная под потолком Выставочного зала на Кузнецком мосту конструкция Г. Виноградова «Би Ка По» — звуковой и эмоциональный центр экспозиции. Легкое прикосновение, и над головами посетителей разливается мелодичный звон. В жизни многих народов набатный звон оповещал о важных событиях, и здесь, услышав призыв, люди, словно повинуясь древнему инстинкту, спешили собраться вместе — это было приглашение к разговору, и он начался...

В нашей культуре у молодежи появились своя музыка, театр, поэзия, своя молодежная мода. Это объединяет сверстников и помогает почувствовать свою принадлежность к новому поколению. И лишь в изобразительном искусстве ростки самоценной молодежной культуры пробиваются с трудом. Однако недавние перемены в общественной жизни дали выход накопившейся скрытой энергии. Первые итоги новых поисков можно было увидеть на XVII выставке молодых художников Москвы. Здесь наша жизнь предстает такой, как она есть, увиденная с любовью, но без прикрас и декламации.

В представленных произведениях чувствуются боль и радость нынешних дней, желание рассказать об увиденном по-своему. Особо подчеркнут художниками мотив повседневности. Их искренние работы иногда в чем-то схожи с песнями Высоцкого, их мужеством и доверчивостью. Полотна о нашем быте и досуге в сложной и не всегда дружелюбной окружающей среде... Об этом задумываются, это пытаются осмыслить молодые художники.

Далеко не во всех случаях можно говорить о зрелом, законченном профессионализме. Но новое поколение мастеров кисти настойчиво ищет свой стиль, непривычные формы, зачастую как бы пробивая путь новой системе образов и их пластического бытия.

Экспозиция была демократична. Допускалась большая свобода изобразительного языка, никто не навязывал апробированных стереотипов. Все это позволяет назвать выставку своеобразной трибуной. Она стала чем-то вроде телепрограммы «12-й этаж», принявшей живописные очертания. Открытость, снятие «негласных» запретов с ряда тем расширяют диапазон искусства, несут в себе новые оценки жизни.

Многие работы выставки отмечены остротой социального зрения. Например, картина Д. Канторова «Девять портретов неизвестных лиц». Или, скажем, аллегорическая композиция «Когда в очереди» А. Сундукова, где длинная вереница безликих людей уходит в необозримую даль. Их спины сливаются в единую непрерываемую линию, исчезающую за горизонтом. Работа проникнута идеей бесконечности и в то же время однообразия. Не теряющие надежду люди выстроились вокруг земного шара в очереди за счастьем. Тут есть и наблюдательность, и живая горечь.

Бросается в глаза, что некоторые мотивы повторяются в работах совершенно разных художников. Например, метро — своеобразная метафора городской жизни с его быстротой, толкотней, захлопывающимися дверями. Теперь это не только обычная среда города, но, пожалуй, самая характерная его улица, сфера постоянного общения. И вот на выставке действие одиннадцати (!) полотен происходит именно в метрополитене. Усталы лица пассажиров в вагоне «Бесконечного поезда» А. Сундукова — один спит, другой читает, тускло мерцают матовые стекла очков в этом пугающем своей упорядоченностью, звенящем молчанием вагоне...

Тема города и горожанина привлекает многих участников выставки. Они без конца варьируют мотивы городского фольклора. Как у одного из духовных учителей нынешних поколений Булата Окуджавы, в их работах сильна ностальгия по теплоте человеческого общения. Радость уличной суеты при мягко-желтом свете фонарей, изменчивые видения города за туманом и моросящим дождем или за дымкой раннего утра — во всем этом есть любовь и гражданственность, поэзия и грусть бродящего по улицам одинокого человека.

Манеры художников-урбанистов разнятся, объекты их внимания находятся порой на противоположных полюсах. Кто-то смотрит на дома и крыши, кто-то устремляется к человеку под дождем или вглядывается в танцующих, играющих в домино... Триптих А. Протопопова невесел, его город безлюден, памятники, соборы, мостовые умыты слезами холодного и серого осеннего дождика. Чуть теплее город В. Брайнина — в его живописи рекламы и фонари искрятся и светятся в шумном и беспокойном человеческом муравейнике. И. Ганиковский объединяет город и музыку; напряженные диссонансы уличной среды переданы в сложной гамме красок полотна «Симфония Шостаковича». Резок в своей работе М. Кантор, его «Зал ожидания» — картина, полная острой и гротескной наблюдательности. Неприкаянные, ошалевшие от бессонницы пассажиры теснятся в равнодушном пространстве вокзала, словно не замечая друг друга...

Высокие скорости нынешних ритмов, на наших глазах нарастающая энергия цивилизации — все это составляет самый дух современности. И это тонко и умело было подчеркнуто всей композицией выставочного зрелища. Любой из молодых художников, работая в своей мастерской над полотном, представлял его себе изолированно, вне контакта с другими произведениями. Основной же задачей экспозиции, на мой взгляд, была организация обязательной связи каждой работы с контекстом ее окружения. Умная режиссерская концепция, указавшая в ходе монтажа место каждому произведению, превратила выставку в огромный и слаженно действующий механизм, в котором каждая деталь, смонтированная в соответствии с общим планом, обеспечивает интересный результат. Все сценическое воплощение экспозиции обладает своеобразной драматургией. Она была нетрадиционна и по-своему даже уникальна, в чем заслуга ее организаторов — Д. Дондурея, И. Лубенникова, А. Скокана... Оригинальное пространственное решение и неожиданная развеска произведений по тенденциям, а не по цветовым пятнам (как это чаще всего делается) подстегивают воображение и создают какую-то новую тональность выставочной атмосферы — принципиально немузейную. Каждый новый шаг по выставке, повороты и остановки диктуются логикой развески — выставка уподобляется городу со своими перекрестками и площадями, возникают своеобразные бульвары, проспекты и пустыри. Залы Кузнецкого превратились в маленькую модель города, наполненную то карнавально ликующей, то горюющей, но постоянно чуткой толпой. Мы, зрители, явились свидетелями удивительного зрелища, в котором так явственно отразилось наше противоречивое бытие. По сути дела, перед нами — социологический феномен, традиции которого должны и будут развиваться.

На выставке не было лидеров, которые вели бы за собой других, и эта экспозиция — «роман без главного героя». Ее привлекательность в другом — в духе свободного мышления, в живых приметах новизны, жизненной и художественной.

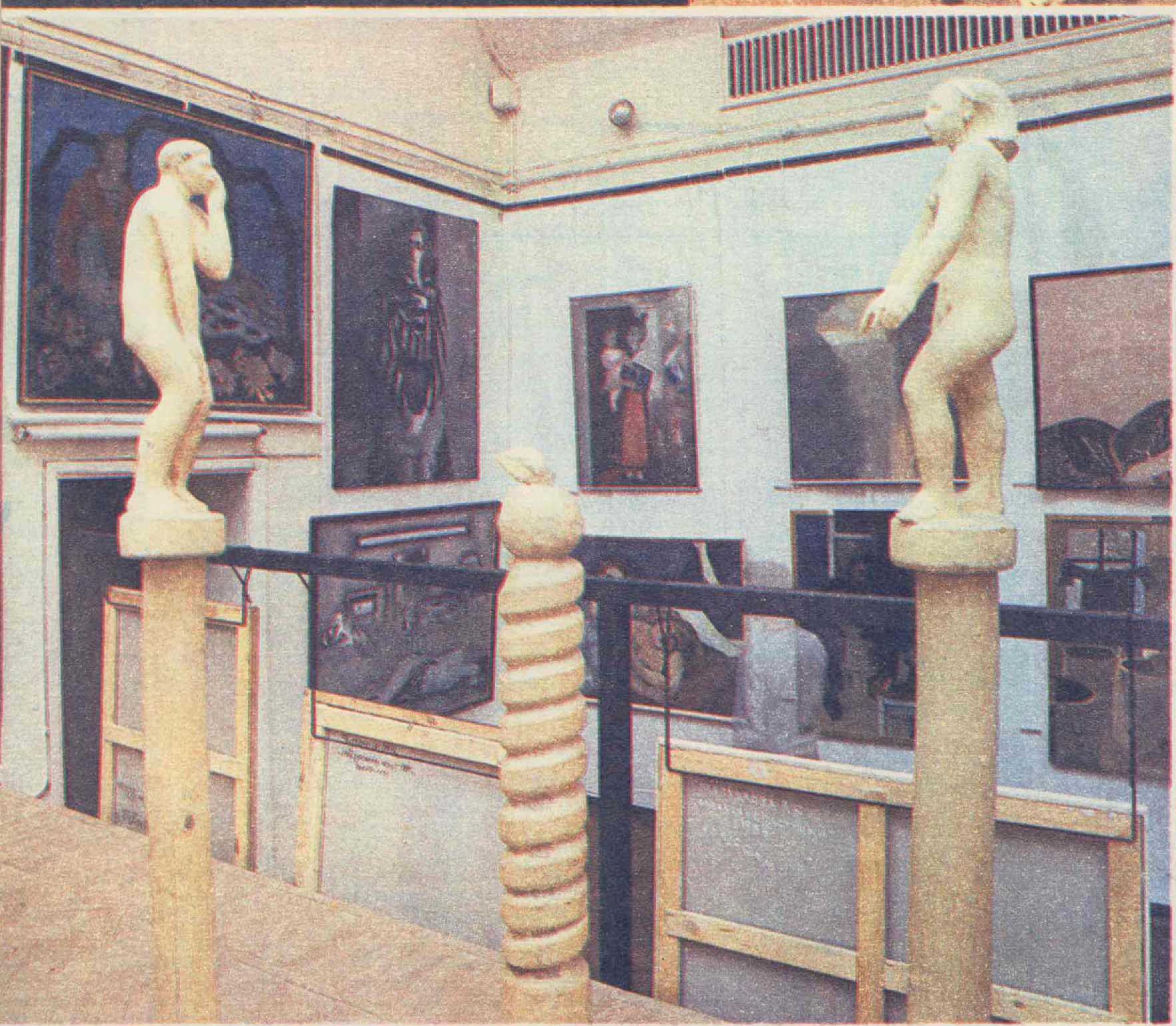
Продолжение на стр. 18—19.

В залах, где развернулась экспозиция, можно было увидеть немало интересного.

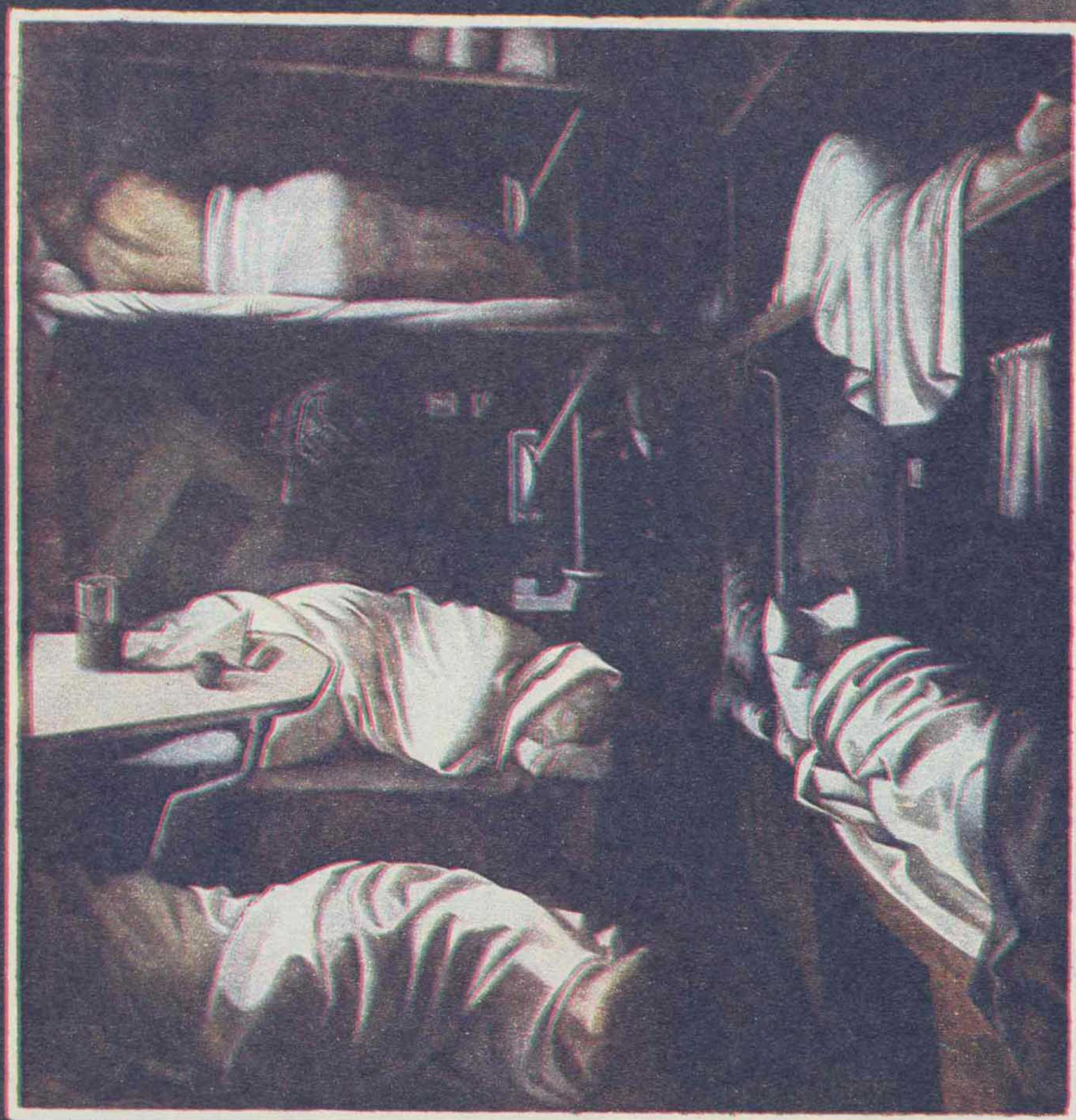
Фото Льва МЕЛИХОВА

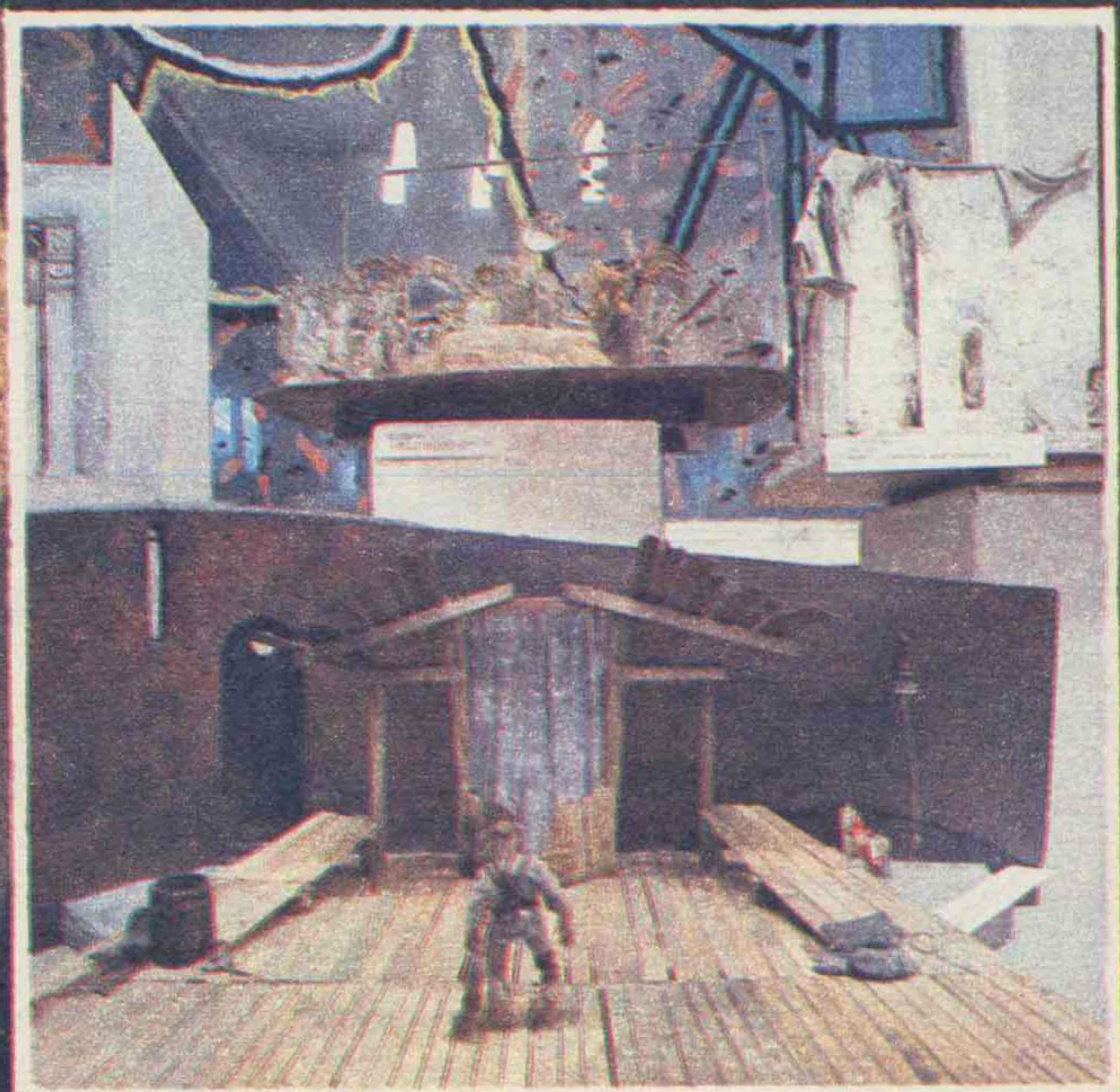

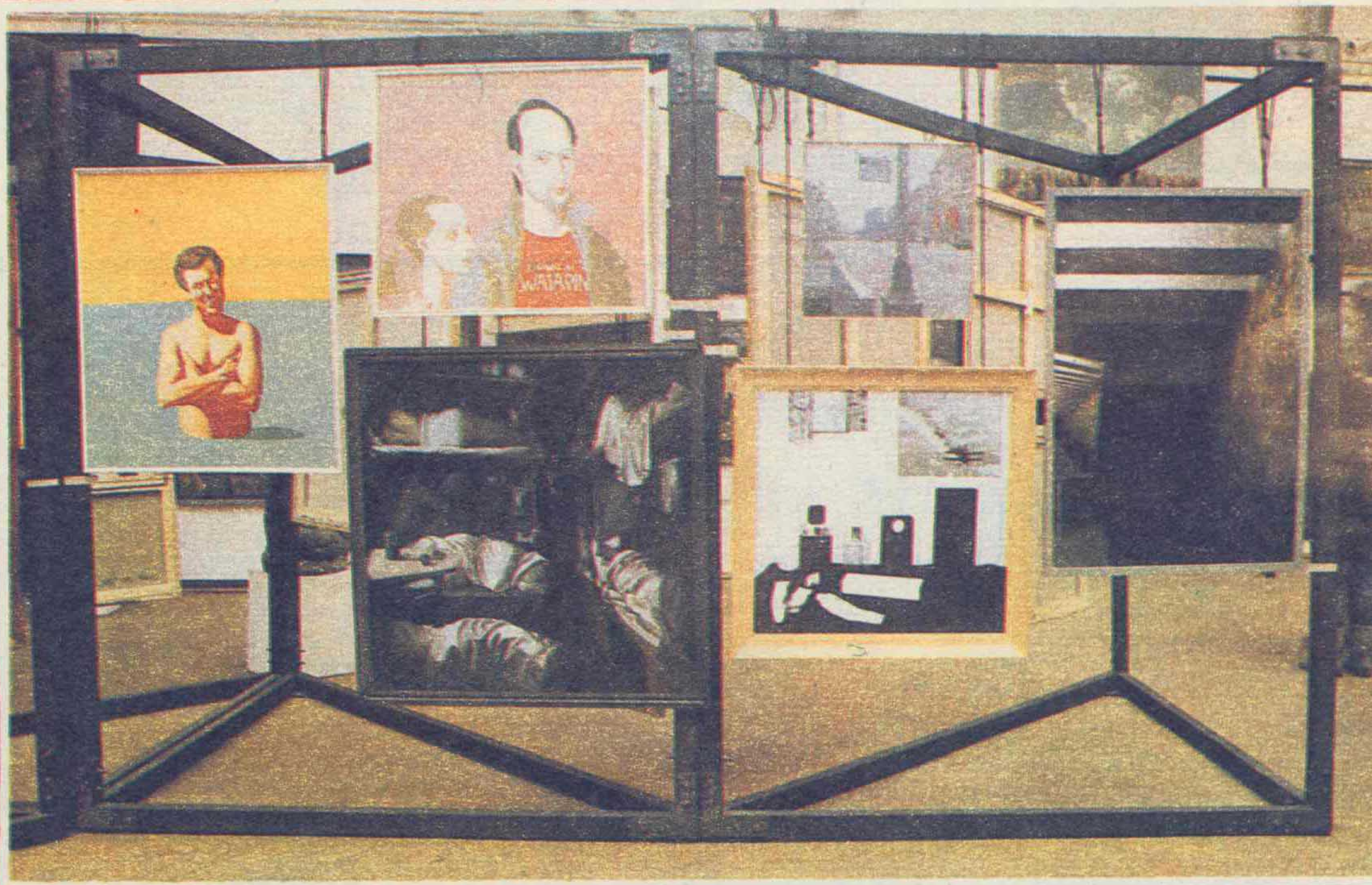

Кроме деталей интерьера, вы видите здесь репродукции картин: «Ночной вагон» Т. Шимес (внизу слева) и «Воскресный день» Л. Табенкина (вверху справа).

«Наш сын ушел служить на Черноморский флот. Пишет он нам, но скупо. Я же как мать беспокоюсь, досыта ли он накормлен, какие у него товарищи, командиры, доволен ли, что вышла ему судьба служить на военном корабле. Нельзя ли написать в «Огоньке» о том, как служат наши дети!

Т. Д. Астрова».

Подготовить ответ на ваш вопрос, уважаемые мамы, редколлегия поручила одной из представительниц «женской половины» «Огонька». Итак, слово заведующей отделом писем и массовой работы журнала Виолетте МОРОЗОВОЙ.

РЕЕТ НАД НАМИ ФЛАГ КОРАБЛЯ

КОМАНДИРОВКА ПО ПИСЬМУ ЧИТАТЕЛЯ

Когда в Москве глубокая зима с трескучими морозами и когда лицо режет колючая снежная крупа, особенно остро ощущаешь, как прекрасна омытая теплом земля. Именно сюда, в Крым, на Черное море, приехали мы, два корреспондента журнала «Огонек», чтобы рассказать Тамаре Дмитриевне Астровой о том, как служится на флоте ее сыну.

Севастополь встретил нас ослепительно ярким, по-зимнему нежарким солнцем, в его лучах белокаменный город казался особенно чистым. Пустынность улиц в это время года, синий цвет неба и бухт, солоноватый воздух, тепло многочисленных чайных и кофеен — все создавало ощущение покоя. Нам, людям сугубо штатским, такой же мирной явилась бухта, где в эти дни у причала стоял прибывший сюда сторожевой корабль «Пылкий». Но когда мы ближе познакомились с его жизнью, поняли, как сурова и сложна морская служба.

Палуба «Пылкого» оказалась металлической, безукоризненно выскобленной, сияющей. Не знаю, много ли сыновья помогали мамам по хозяйству, но корабль свой они содержат буквально в хирургической чистоте. Особенно, как нам показалось, любит матрос красить, подкрашивать что-то. Обязательно выкрасит и там, где этого не ожидаешь.

В результате перепачканы руки и одежда...

— Боевую выправку моряк приобретает не сразу,— начал свой рас-

«Пылкий» на рейде.

Сияют на солнце флаги расцвечивания.

Учебная боевая тревога: все по местам!

Радиометристы за работой.

Профессионализм — превыше всего. Идет борьба за живучесть корабля.

Фото Сергея ПЕТРУХИНА

Праздничный чай с тортом.

сказ заместитель командира по политчасти капитан третьего ранга Николай Владимирович Иванов, знакомя нас с жизнью корабля.— Скажу об одном матросе. Сейчас уверен, что он из тех, с кем пойдешь, как говорится, в разведку. Служит в минно-торпедной боевой части, недавно вернулся из отпуска. А как начинал? Звучит сигнал побудки, товарищи его выбегают на палубу и делают физзарядку, а он лишь натягивает на себя одеяло. На вопрос мичмана, почему не встает, отвечает: не беспокойтесь, к завтраку поспею...

Подчас бывает, что приходят к нам ребята, которые сделают все, если их попросить, а с выполнением отданных команд не спешат. Но после того, как им самим в подчинение попадают два-три человека, да еще в учебно-боевом походе, сразу понимают, что требование мгновенного выполнения команд — не прихоть, а жесткая необходимость флотской службы.

— И еще одна трудность, с которой сталкиваемся мы, воспитатели молодого матроса,— присоединяется к нашему разговору Александр Васильевич Васько, командир корабля.— В учебно-боевом походе ответного огня, разумеется, нет, а стало быть, нет реальной опасности для экипажа. Поэтому некоторыми учеба воспринимается лишь как борьба за хорошую оценку. Наша задача убедить молодого матроса, что овладение морской квалификацией столь же необходимо в мирное время, как и на войне. С морем шутки плохи, тут одному не выстоять, нужны ловкость, умение и смекалка всех и каждого. Очень высоко я ценю в людях профессионализм. Был случай, когда в шторм пришлось спасать моряка с крейсера. Его смыло волной за борт. Поскольку «Пылкий» меньше, маневреннее, ему легче было подойти к месту падения матроса. Все как один хотели прийти на помощь товарищу. Но достал его из бушующего моря самый умелый — старшина второй статьи Андреев.

— Сообразительность приходится проявлять всем,— молвил слово за свою команду боцман К. Н. Котыгорох.— В прошлом году в Средиземном море заправлялись прямо на ходу от танкера «Иван Бубнов». С него же получали другие грузы. На море четыре балла. Когда сетка с продовольствием пришла по тросу на корабль, палубу всю захлестнуло волной. Сетка зацепилась за леерное ограждение. Старшина Янушковский не растерялся, привязавшись страховочным концом, отцепил сетку, тонны полторы продовольствия не отдал морю...

Если бы, дорогая Тамара Дмитриевна, у вашего Сережи было больше свободного времени, а его действительно не хватает, он рассказал бы вам прежде всего о любви к городу матросской славы.

Севастополь — символ мужества, стойкости и отваги русских моряков. Участник первой Севастопольской обороны Лев Николаевич Толстой более ста лет назад писал: «Не может быть, чтобы при мысли, что и вы в Севастополе, не проникло в душу вашу чувство какого-то мужества, гордости, и чтоб кровь не стала быстрее обращаться в ваших жилах...»

Но вернемся на корабль. День здесь начинается с восходом солнца — с утренней побудки, физзарядки, завтрака, малой приборки (а всего их четыре за день). В восемь часов горнист играет «подъем флага». Потом экипаж расходится по своим постам. Впрочем, подробности боевой подготовки не для мам. Наверное, им интересно узнать о том, что флот учит очень многим житейским делам. Шить, гладить, стирать, чинить обувь, сервировать стол, а то и печь хлеб (в дальних походах пекут свой необыкновенно вкусный хлеб)— для моряков такая же важная наука, как и военно-морская. Когда я нечаянно оторвала вешалку пальто, оно исчезло и вернулось отремонтированным аккуратнее и более умело, чем в любой московской фирме «Сто услуг».

Из флагманской каюты спускаюсь в нижние помещения корабля. Матросские кубрики хоть и не просторны по гражданским меркам, но воздух в них свеж, идеально заправленные двухъярусные койки сияют белизной простыней. Общее время отдыха — восемь часов, есть еще отдых и послеобеденный, как называют его на флоте —«адмиральский час». Соблюдается он неукоснительно, как, впрочем, и другие правила жизни на корабле. И, конечно же, есть в распорядке дня часы для занятий спортом. На корабле существуют даже две футбольные команды, а капитанами в них — командир и замполит. Любители музыки организовали вокально-инструментальный ансамбль.

В дни рождения имениннику дарится торт, печется по специальным рецептам картошка и по заказу исполняется любимая песня. Словом, как сказал матрос Александр Макаренко, времени не хватает только на ссоры.

...Замполит Николай Владимирович Иванов теребит в руках телеграмму: «Почему не пишешь писем Свете. Папа» — и поясняет:

— Телеграмма — это всегда что-то чрезвычайное, сигнал радости или беды. Вот и эта пришла неспроста. У Светы на руках малыш, а муж ее служит у нас, и, видно, они поссорились. Надо ненавязчиво потолковать с молодым отцом. Ну, а как мы кормим наших матросов, поговорите с нашим врачом, сходите на камбуз.

Кабинет начальника медицинской службы корабля С. И. Мартынова — штаб судового врача — пахнет лекарствами, инструменты сияют стерильной чистотой.

— Как говорил Суворов, путь к сердцу солдата лежит через его желудок,— улыбается Сергей Иванович.— И наш кок старается, чтобы питание было не только калорийным, но и рациональным, вкусным. Едят матросы четыре раза в день, причем первое блюдо даем дважды — в обед и на ужин, варим свежую уху, жарим рыбу. Стараемся, чтобы было больше овощей. Рослым парням порции увеличиваем, дополнительное питание получают те, кто стоит на ночных вахтах. Все, что готовится на корабле, обязательно пробуют врач и командир корабля.

...Заканчивалось наше пребывание на «Пылком». В послеобеденный час в кают-компании собрались офицеры. Разговор зашел о любви человека к морю. И к земле.

Любому моряку не терпится уйти в море. Но если это впервые, то изнуряющая бортовая качка, неоглядные водные просторы, где не на чем остановить взгляд, вызывают желание поскорее почувствовать под ногами твердую землю. И когда возвращаешься на берег, переживаешь как бы второе рождение, острее чувствуешь неповторимые запахи земли; так, в Севастополе, к примеру,— это горьковатый запах полыни. Но две-три недели берега, и моряка снова тянет магическая сила моря, не любить которое невозможно.

Тут в кают-компанию заглянул киномеханик Абдувохид Салихов, доложил, что фильм доставлен и сеанс начнется вечером по расписанию.

Вот, пожалуй, и все, что можно рассказать на небольшой журнальной площади тем матерям и отцам, чьи сыновья ушли служить на флот. «Пылкий» — лишь один из великого множества кораблей Военно-Морского Флота СССР. Жизнь на каждом из них подчинена одним и тем же законам, диктуют которые беззаветная преданность и любовь наших сыновей к Родине, ну и, конечно же, не всегда ласковое море, делающее из вчерашних мальчишек настоящих мужчин.

НА П

Начало
см. на стр. 16.

ПАЛИТРА

Беседу с искусствоведом Александром МОРОЗОВЫМ ведет наш корреспондент Елена СКВОРЦОВА

— Сейчас много спорят относительно того, стоило ли давать на этой выставке работы такого широкого диапазона? Я слышала, есть мнение крупных специалистов, что не нужно было показывать вещи, крайне спорные по художественному исполнению.

-Но, согласитесь, это было честно. Граждански честно, поскольку не было сделано попытки закрыть глаза на все то, чем живет молодое искусство. Кроме того, нужно быть реально ближе даже к заблуждениям молодежи, а не прятаться от них.

Начну с весьма спорных работ. Их, если должным образом к этому относиться, можно считать экспериментальными. Это работы Филатова, Шутова (его пресловутый «Барсучонок больше не ленится»), Н. Овчинникова... Вещи крайне наивные по рисунку и вместе с тем провоцирующие по своему темпераменту, по эмоциональному всплеску, который они рождают у зрителя...

Но зачастую здесь парадоксально выявляется талант молодого, ищущего автора. Пример: большая картина Н. Филатова, хотя она напоминает образцы живописи «новых диких», все-таки здесь видны талант, творческая интенсивность. Согласитесь, жалко было бы вычеркивать творческие потенции такого рода художника из нашего круга зрения.

Но в результате всех споров стало ясно, что эти поиски, идущие в русле новейших течений западноевропейского искусства, отнюдь не являются абсолютным достижением.

— Много ли было таких вот спорных работ на выставке?

— Скорее мало, вряд ли наберется до двух десятков из двухсот пятидесяти, представленных в экспозиции. Но показать их стоило в любом случае. Нельзя снимать с себя ответственность за то, что нам непонятно, по каким-то причинам неприемлемо, кажется спорным, противоречивым...

— Самый большой контраст с подобными картинами, на мой взгляд, представляли работы молодых художников, пытающихся писать в русле традиций академического реализма. Чем здесь порадовали нас эти художники?

— Академическая манера культивирует эстетизм точного рисунка.

УТИ К ПРАВДЕ ЖИЗНИ

Так сказать, немного самодовлеющий артистизм работы с внешней формой. И он, естественно, привел к тому, что такой реализм несколько потерял свою чуткость к внутренним, наиболее существенным чертам той натуры, которая воспроизводится на полотнах. Поэтому на выставке оказались работы порой салонные, слащавые, в которых отсутствует напряжение жизни, внутренняя сложность. Особенно это чувствуется в портрете. Например, очень популярный у зрителя «Портрет Ксении» Шурыгина. Можно ли сказать, что на нем изображена подлинная правда жизни? Конечно, нет. Скорее эстетизированная ее оболочка.

— Если академизм несколько приукрашивает свою модель, то такой художник, как Дмитрий Канторов («Девять портретов неизвестных лиц»), откровенно ее пародирует...

— Довольно интересный молодой художник. Его работа напоминает монтаж театральных масок. Они поданы обостренно, с определенной долей гротеска. Это эстетизация противоположного плана. Так сказать, оборотная сторона академизма. Не случайно искусствоведы, которые пытались сгруппировать работы по тенденциям, поместили их рядом — академический реализм и эту театральную, чуть пародийную композицию.

Пересматривая все зоны выставки, мы обнаружим, что направления демонстрируются самые разные. Вспомним, например, подход, который складывался еще в начале 70-х годов. Это была работа с непосредственной данностью: что видишь, то переносишь, как документ, на холст. Такое направление получило название фото- или гиперреализма. Мне кажется, сейчас это направление представлено менее интересно: художники идут опять-таки в сторону внешней декоративности.

— Есть еще один художественный пласт, который претендует на наиболее полное постижение реальности. Пласт развития традиций московской школы, в основе которых лежат традиции русской пейзажной живописи XIX—XX веков...

— Заслуга «постижения» может быть признана лишь отчасти. Очень типичная вещь — работа художника Браговского. Сельский пейзаж с провинциальным домом под купами роскошных деревьев... Казалось бы, правда натуры. Но тут тоже скорее видишь лишь интерес к оболочке. Настоящая правда — в чувстве и воплощении проблемности, конфликта, в чуткости к тому, чем болен твой герой... Тут этой чуткости нет.

— А в каких работах, на ваш взгляд, она есть?

— В «метафорической» тенденции. В работах Кантора «Зал ожидания», Табенкина «Воскресный день», Наседкина «Кони зимой»... При всей своей условности они заряжены большим эмоциональным напряжением.

Мы сейчас столкнулись с довольно загадочным явлением: в живописи, даже там, где изображается человек, нет настоящего внимания к «жизни лица». А у Кантора каждое лицо — или более сдержанное, или более резкое, экспрессивное, почти гротескное,— всегда выражает активное внутреннее состояние.

Думаю, эта тенденция — путь к современному толкованию социалистического реализма.

— Были ли какие-нибудь еще удачи на выставке?

— Впрямую выразить тревоги нашей жизни через достаточно конкретный сюжет удалось А. Сундукову. Бесконечный поезд, огромная очередь... Здесь есть и конкретный неравнодушный взгляд на действительность, и умение видеть окружающий мир в его сложной реальности, без идеализации, без внешней пародийности, которая все переводит в усмешку, в игру.

К удачам я бы отнес и две картины Виктора Русанова, художника лирического плана. Он всегда стремится воспроизвести светлые, поэтические ситуации, состояния. Красота в его полотнах и незащищенная, и хрупкая, и размышляющая—в общем, тут раскрывается духовный мир современного человека. Такого же плана и художник В. Брайнин с его московскими пейзажами.

— Последний, но самый главный, наверное, вопрос. При всех стилевых поисках молодых художников как соотносятся они с правдой жизни? С теми процессами, которые происходят в нашем обществе сегодня?

— Активностью контрастов, воображения выставка близка тонусу сегодняшней жизни и самоощущению молодежи, что, конечно же, важно. Выставка не пыталась быть чинным и скучным «храмом муз», из которого на самом деле музы давно улетели. Она ломала стереотипы и ставила вопросы.

Но, безусловно, она не несла таких прозрений, какими сейчас отмечена жизнь советской литературы, театра, кинематографа. И не потому только, что перед нами начинающие художники. Суть главным образом в том, что положение дел в изобразительном искусстве глубоко кризисно. Убежден, что оно сложнее, чем у наших коллег в других творческих союзах. И проблема реализма тут — показатель нагляднейший.

Скажем честно: немногие в поисках правды жизни посещают в последнее время наши выставки. Вспомним республиканские, всесоюзные смотры последнего времени, выставки членов Академии художеств. Разве много мы видели там новых характеров, исследования реальных проблем и конфликтов? А какой же без этого реализм? До последнего времени пресекались попытки критики печатно заявить о дефиците правды жизни в творчестве художников, имеющих вполне официальное признание. Люди же обращались в поисках правды времени к умной книге, фильму, к газете, наконец,— но не к картине! Это огромная потеря нашего изобразительного искусства, и об этом необходимо говорить со всей откровенностью накануне республиканских и всесоюзного съездов художников.

Так вот, на этом реальном фоне молодежная выставка должна быть оценена как яркое стремление прорваться к тому, что действительно волнует художника и его зрителей. Не случайно за короткое время выставку посетило семьдесят тысяч человек.

Это была попытка обнажить подлинные противоречия вместо того, чтобы стыдливо их прятать, попытка привлечь в художественную жизнь широкий круг новых работников. Но это только начало пути, долгого и нелегкого.

Есть и другая сторона дела, не менее важная. Что мы с вами понимаем под отражением правды жизни в современном изоискусстве? Убежден: благоденствие тех художников, которым на самом деле не нужна правда жизни, прямо или косвенно требует примитивного понимания реализма. Оно питается суждениями, уподобляющими правду жизни верному срисовыванию натуры—в котором, кстати, любую картину легко превосходит современная техника фотографии. В качестве высшего откровения «теории художественного реализма» публике десятилетиями преподносилось умение приукрашивать, идеализировать жизнь в духе канонов красоты, созданных в прошлом.

Так что лечить надо, с одной стороны, искусство, а с другой — наше общее к нему отношение. Будут сдвиги в том и другом — откроется путь к правде в образах живописи, графики, скульптуры. Это требует большой работы, которую мы едва начали. Поэтому сегодня ситуация в изобразительном искусстве не может меняться к лучшему иначе как последовательно, отдельными шагами, акциями подчас спорными. Спорным по своему существу был и этот вернисаж молодых московских художников. И все же именно в нем я вижу энергетический потенциал перестройки — намного больший, чем в любом другом событии жизни нашего изобразительного искусства за последние годы.

Все они — участники выставки.

МОЛОДЕЖЬ: ДЕЛА. ПРОБЛЕМЫ.

КОНТОРА «ЛЮБЕРОВ»

«В дискотеке Олимпийского спорткомплекса в Москве услышал обрывок разговора: — Будет хорошо, если люберы не понаедут. Подошел к беседовавшим — они, видимо, были руководителями музыкальной программы — и поинтересовался, кто такие «люберы». — Как начнется драка с металлистами, сами их увидите... Так кто же они, эти самые «люберы»?

И. МИРОНОВ».

Южно-Сахалинск.

Владимир ЯКОВЛЕВ

Мелкий осенний дождь размеренно кропил спящий город. Неоновые блики дробились во влажном зеркале асфальта. Я взглянул на часы — от перрона Казанского вокзала как раз сейчас отправлялась последняя электричка в Люберцы. Они появились в дальнем конце бульвара именно в этот момент, когда ждать, кажется, уже не имело смысла. Четверо... Руки строго заложены за спину. Характерная походка враскачку. Легкие, не по сезону куртки и смешные с виду, но не сковывающие движения в драке, клоунски широкие клетчатые штаны.

— Эй, парень, подойди сюда!— остановились метрах в десяти.

Я поднялся с мокрой скамейки.

— Что у тебя за значок?

Это был значок одного из рок-фестивалей, и надел я его специально, рассчитывая на их интерес. Не рассчитывал я на другое. Узкие черные галстуки на фоне белых рубах — последнее, что успел заметить, прежде чем прикрылся от неожиданного удара...

«Люберы». Это название в общем-то условно. Известно о них поразительно мало. И даже милиция располагает довольно обрывочной информацией. По вечерам они приезжают из Люберец в Москву и расходятся по центру города небольшими группками. Сколько их? Трудно сказать. Насколько они организованы? Неизвестно. Зачем приезжают в город? Это, пожалуй, единственное, о чем можно говорить с полной определенностью.

ВСТРЕЧА НА ПЛОЩАДИ НОГИНА. Трое в клетчатой униформе. Игорю Дмитриеву — пятнадцать, Сергею Смирнову и Дмитрию Ляхову — по шестнадцати лет. Все крепкие, тренированные бицепсы заметны даже под куртками.

— Зачем вы приезжаете в Москву?

— Мы приезжаем, чтобы бить панков, хиппи и металлистов и брейкеров тоже... *

Еще три-четыре года назад «люберы» были почти неизвестны. Однако за короткий срок они успели многое. Несколько дней потребовалось мне, чтобы объехать одно за другим обычные места сбора представителей московских неформальных молодежных объединений: чаще это были кафе или бары, реже — просто скверики, откуда уходят ближе к вечеру мирные старички и мамы с колясками, а их места на лавочках занимают ребята с разноцветными прядями в шевелюрах или с цепями на шеях. Мои вопросы не отличались разнообразием.

— Что вы знаете о люберах?— спрашивал я. Не отличались особым разнообразием и ответы. О стычках с «люберами» взахлеб рассказывали «металлисты», «панки» и «брейкеры». Мелкие драки происходили буквально каждый вечер. Впрочем, не только в драках дело. Потасовки между группировками случались и раньше. Удивляло другое — «люберы» воевали одни против всех. Более того, инициатива в конфликтах всегда была на их стороне. Они нападали, заставляя «противников» защищаться по мере сил. Они искали столкновений. Искали, хотя не имели для этого обычно ни малейшего повода. Зачем?

ВСТРЕЧА НА ГОГОЛЕВСКОМ БУЛЬВАРЕ. Их было человек пятьдесят. Они вышли из станции метро «Кропоткинская» и расселись в темноте по скамейкам, чего-то ожидая.

— Что вы здесь делаете?

— Хиппарей ждем. У них сегодня тусовка. Разгоним,— отвечает парень лет семнадцати, назвавшийся Борисом Тарановым.

— А зачем?

— Хиппи, панки и металлисты позорят советский образ жизни. Мы хотим очистить от них столицу.

Признаюсь откровенно, впервые услышав такой ответ, я не поверил в его искренность. Но когда ответ повторился и раз, и другой, и третий, сомневаться уже не приходилось.

Не привыкли мы слышать подобные высказывания от молодежи. Сколько лет оценивали неформальные молодежные объединения в основном с негативных позиций, сколько лет решали трудноразрешимую проблему: как лучше бороться с ними? Трудно поверить в иное. Но почему все же не поверить: «люберы» практически не пьют, не курят, наркотиков, насколько известно, не употребляют. Они занимаются спортом в созданных своими же руками спортивных залах. Ну, конечно, драка не метод воспитания по-иному экипированных сверстников. Но ведь они, мальчишки, многого еще не понимают. Можно и поправить. А может, и поправлять не надо? «Хиппи», «панки», «металлисты», все эти, которые в цепях и браслетах, с раскрашенными прядями и волосами до плеч, они, известно, слов не воспринимают. Так, может быть, воспримут по-другому? И что плохого, если сверстники по-свойски разберутся между собой? Нет, положительно радоваться, радоваться надо!

Но радоваться почему-то не хотелось. Как, впрочем, и верить. Со странной легкостью и однообразием объясняли «люберы» свои действия, словно раз и навсегда затвердили наизусть штампованные формулировки. И странным был подбор видов спорта, которыми занимались они в своих спортивных залах: атлетическая гимнастика, каратэ, бокс, самбо. Да, они преследовали благие цели. Но ведь цели — это еще не все.

РАССКАЗЫ ОЧЕВИДЦЕВ. Евгений Дмитриев («хиппи»): «Они остановили меня на проспекте Маркса и спросили, почему у меня длинные волосы и не дать ли мне денег на стрижку. И сразу ударили. А потом стали останавливать прохожих, подводить ко мне и спрашивать у них, могут ли они спокойно смотреть на такую мерзость. Потом двое меня держали, а третий наголо подстриг ножницами. Потом избили...»

Елена Борисова («панк»): «Они подошли ко мне в парке культуры, когда я вечером возвращалась с дискотеки. Один сказал:

— Герла, ты мне нравишься. Пойдешь со мной!

Потом знакомые говорили мне, что такое бывает часто. И мне еще повезло, что не избили до полусмерти. Они девушек очень сильно бьют, потому что девушки не могут защищаться...»

* Просим у читателей прощения за то, что, называя неформальные объединения подростков, мы пользуемся их жаргонными самоопределениями, которые зачастую заимствованы из лексикона их зарубежных сверстников. Это еще одна из проблем, подчеркивающих несамостоятельность мышления «героев» очерка.

Борис Сергачев («любер»): «Что сегодня вечером делали? Много чего! Вот только что с панком разобрались. Что? Да нет, не сильно. Когда упал, даже ногами бить не стали...»

Подобных историй мне пришлось услышать много. Слишком много, чтобы отнестись к ним как к неприятным исключениям из правила. Не вязались истории эти с благими намерениями, как не вязался с высокими целями тот факт, к примеру, что нападают «люберы» только тогда, когда имеют большое и безусловное численное превосходство. Трое — на одного. Десятеро — на троих. Невольно создавалось впечатление, что речь идет об обычных, но неглупых подростках, додумавшихся до того, чтобы прикрыть хулиганство высокими принципами. Да только упрощенным было это впечатление. Большинство «люберов», с которыми я встречался, действительно верили, что когда-нибудь достигнут своей цели и очистят город от «панков», «хиппи» и «металлистов». А некоторые даже строили планы на то близкое, с их точки зрения, будущее, когда «замирятся» они со своими перевоспитанными противниками. И поголовно все верили в важность и общественную пользу своих дел. Нет, «люберы» не обманывали, говоря о благих намерениях. Но, если вдуматься, так ли существенна разница между обычным хулиганом и хулиганом, действующим по «идейным» соображениям? Есть грань в выборе средств, за которой благие цели обесцениваются, обращаясь в вульгарную мимикрию, защищающую от осуждения общества и собственной совести.

ВСТРЕЧА В ПАРКЕ ГОРЬКОГО. Пятеро в холле кафе «Времена года». Болтают с девушками. Явно только что познакомились с ними на танцах.

— У нас в Люберцах дискотек мало. И плохие. Вообще по вечерам тоскливо. А здесь отлично!

Мало действительно в Люберцах дискотек. Мало кинотеатров и клубов. Скучно в Люберцах по вечерам. Вот и накачал со скуки паренек бицепсы, подучился «болевым приемам» и пошел отстаивать свои права на «место под солнцем». Так? Точнее — когда бы так!

Люберцы — городок с узкими улочками, серыми пятиэтажками и вокзалом, вокруг которого так или иначе вращается вся жизнь. Городок, где рано ложатся спать и рано встают. Это я понял, едва сошел с электрички. Но первому ощущению суждено было быстро развеяться.

Добрый час искали мы, бродя по улочкам, любой из подвальных спортивных залов, чтобы познакомиться с его обитателями. Отыскав же один из них — в самом центре города, возле кафе «Славянка»,— выяснили, что наблюдали за нами с того самого момента, когда мы впервые спросили дорогу у первого попавшегося навстречу паренька.

Сами обитатели подвала, розовощекие, мускулистые, уверенные в себе ребята, от души молотили ногами здоровую грушу и с удовольствием демонстрировали огромный арсенал гантелей и тренажеров... И едва ли их действия можно было объяснить тем комплексом «пригородного подростка», который известен уже давно, и только им одним...

За последний год городской комитет ВЛКСМ и городское управление внутренних дел многое сделали для решения исследуемой нами проблемы. Рейдовые бригады проверили все городские подвалы и выявили все «подпольные» секции. Часть закрыли, остальные направили в русло организованного спорта. В каждой секции назначили руководителя. Привлекли к работе специалистов из юношеской спортивной школы и тренеров-общественников. Не менее серьезно занялись и культурной программой: дискотек стало больше, и они стали лучше. Но «люберов» в Москве меньше отнюдь не стало. Более того, оказалось, они довольно легко ушли и от рейдов, и от внимания органов милиции. После всех проверок в списках тех, кто занимался в подвальных секциях, было зарегистрировано почти 500 человек. Эти списки сравнили со списками подростков, которых задерживала за последнее время московская милиция. Совпали всего три фамилии...

— Не думайте, что мы бездействуем,— сказали мне в Люберецком горкоме ВЛКСМ.— Подвальные спортзалы мы взяли под контроль, но значит ли это, что проблема решена? Не в одних ведь залах дело. Заниматься каратэ можно и дома. Там-то ведь не проконтролируешь и не запретишь!

Как это ни парадоксально, я вернулся из Люберец, по-прежнему не имея четкого ответа на вопрос: «люберы», кто они? Кто они, эти ребята, которые каждый вечер отправляются в Москву в первом вагоне семичасовой электрички? Кто скрывается под кличками: Заяц, Шкаф, Утюг, Рыхлый?

ВСТРЕЧА В ЭЛЕКТРИЧКЕ. Шестеро в клетчатых клоунских штанах, белых рубахах и узких черных галстуках. Минут пятнадцать болтаем в тамбуре на вольные темы. Когда электричка подходит к Москве, один из них интересуется:

— А вы наш гимн слышали?

И цитирует первый куплет:

Родились мы и выросли в Люберцах,
Центре грубой физической силы.
И мы верим, мечта наша сбудется.
Станут Люберцы центром России.

Мальчишество? Вполне вероятно. Но почему нехороший холодок пробегает по спине?

С одним из «люберов», Игорем Серегиным, часа три гуляли по ночной Москве.

— Мы называем себя «конторой»,— рассказывал он.— Делимся на группы. В каждой есть свой старший. Попасть в контору непросто. Мало познакомиться с ребятами. Нужно в крупной драке побывать. Нужно доказать себя.

— Это как?— спрашиваю я, невольно замедляя шаг.

— Надо показать, что ты умный, вежливый и злой!— чеканит он.

Итак, «контора», а не разрозненные группки пригородных подростков в клоунских штанах. И не тот случай, когда, накачав со скуки мышцы, со скуки же ищут, на ком бы испробовать силу. Тот случай, когда тренируются специально для того, чтобы бить.

ВСТРЕЧА В БАРЕ «ГЛОРИЯ». «Люберы» занимали большинство столиков. Я подсел за один из них. Ребята очень веселы, но не от спиртного. Сперва честно отвечают на вопросы. Потом спрашивают сами:

— Вот, скажите, панки, к примеру, зачем они? Или брейкеры зачем? Ведь не только мы их не любим. Их все не любят.

Они, «люберы», считают себя нормальными, такими, какими должны быть **все**. «Панки»— другие. Другие — «хиппи» и «металлисты». Этого вполне достаточно с «конторской» точки зрения, чтобы задаться элементарным вопросом: а зачем тогда они? Имеют ли право на существование? Этого достаточно и для того, чтобы с твердым сознанием собственной правоты ответить: нет! Долой сомнение! Человеком можно считать вовсе не каждого человека. И бей всех, кто думает иначе! Потому что каждый, кто думает иначе, ошибается и в этом виноват!

Любопытная деталь: «люберам» хватает денег и на то, чтобы посещать бары, дискотеки, рестораны, и на то, чтобы, опоздав на последнюю электричку, вернуться домой в такси, хватает даже и на совсем недешевое оборудование для спортзалов. Не менее любопытна и другая деталь — «конторские» не только избивают «хиппи», «панков» и «металлистов». Они с редким постоянством отбирают у них значки, кожаные браслеты, брелоки — все отличительные знаки принадлежности к тому или иному объединению. Отбирают, по собственным словам, как атрибуты «чуждого образа жизни». Но если учесть массовость поборов, неизбежно возникает вопрос: куда все девается? Вопрос тем более резонный, что значок с символикой популярной рок-группы стоит в среде посвященных от десяти рублей и выше. Да и не только о значках речь. А клепаные джинсовые куртки «металлистов»? А яркие шарфы спортивных фанатов? А пластинки с музыкой, «недостойной советского человека»? Куда девается все это?

ВСТРЕЧА В ПАРКЕ ГОРЬКОГО. Редкий случай — их всего двое. Один показывает по моей просьбе дневную добычу — штук восемь ярких значков.

— Что я с ними буду делать?— переспрашивает опасливо.— Ну, это... Выброшу!

И он аккуратно убирает значки обратно в карман.

«Люберы» постарше, в возрасте после двадцати лет, уже не носят излишне заметных клетчатых штанов и уже не размениваются на «мелочи». Они грабят спекулянтов, отбирая у них товары. Они грабят перекупщиков, отбирая чеки Внешпосылторга. Что, и это тоже выбрасывают?

РАССКАЗЫ ОЧЕВИДЦЕВ. Игорь Меньшиков: «Два месяца назад меня ограбили «люберы». Отняли диски и сумку с вещами. А у меня в Люберцах приятель есть. Позвонил ему, пожаловался. Через неделю и диски, и сумку вернули...»

Олег Панин: «Меня однажды поймали, избили и отобрали фирменный значок. А через три недели случайно вижу этот значок у своего приятеля.

— Откуда?— спрашиваю.

— Купил!— говорит.— За червонец...»

К этому можно добавить лишь то, что «люберов» не раз и не два задерживали за спекуляцию у московских комиссионок. Что и говорить, картина предельно ясная. Зато требуют комментариев факты другие. «Контора» — организованные группы подростков, знакомых между собой, придерживающихся общих взглядов,— и только? Возможно, и так. Но так ли? Есть странное, будто продуманное единообразие в действиях «люберов»: и молодых, и старших. То, что в самих Люберцах происшествий типа московских не бывает, и то, что привлекают внимание «люберов» лишь те группы подростков, представители которых не могут по тем или иным причинам обратиться за помощью к органам милиции. Все это неизбежно наталкивает на мысль: их действия не случайны; не управляет ли ими умелая и опытная рука?

Нет, не буду обманывать читателя, не многое удалось мне узнать о нынешних королях «конторы». Сведения о них неполны, отрывочны. Говорят, имеют уголовное прошлое. Не удалось мне с королями встретиться. Удалось встретиться с тем, кого, если придерживаться монархической терминологии, следовало бы, очевидно, считать принцем. Было принцу лет двадцать семь, был он высок ростом, широк в плечах и немногословен. Тщеславие боролось в его душе с осторожностью. Подчиняются ли ему ребята? Да, можно сказать и так. Сколько человек он может собрать, скажем, часа за два? Сто? Двести? Нет, двести — это мало.

— Скажи,— спросил я его,— ты действительно веришь, что вы сможете перевоспитать хиппи, панков, металлистов?

Принц не ответил. Просто улыбнулся снисходительно и разом потерял интерес к разговору. Он не верил, конечно, взрослый, серьезный человек. Вера нужна была мальчишкам, потому что давала им сознание собственной правоты. Но вера — лишь средство. По сути, десятки молодых «люберов» проходят сегодня на ночных улицах города своего рода школу насилия, где становится предельно ясной и очевидной «простая истина» — человека можно ограбить, человека можно избить, если ты сильнее его. Избить, ограбить — совершенно безнаказанно.

Я не оговорился. Именно безнаказанно. Оставим пока в покое спекулянтов и перекупщиков, страдающих от действий «люберов» по древнему принципу «вор у вора дубинку украл». Но вот вопрос: почему в один ряд с перекупщиками и спекулянтами поставлены «хиппи», «панки» и «металлисты»? Да, мы осуждаем эти течения. Да, мы хотели бы, чтобы они не принимали уродливых форм. Но ведь все это ни при каких условиях не значит, что подросток-«хиппи» или подросток-«металлист» — люди, объявленные вне закона. Попробуй «люберы» отбирать червонцы у прохожих на улице — это привело бы к немедленным и совершенно однозначным последствиям. Но если они отнимают у своих сверстников вещи точно такой же, а то и значительно большей стоимости — это к «однозначным последствиям» отнюдь не приводит. «Конторские» ребята занимаются тем, что на языке Уголовного кодекса имеет одно название — грабеж. И что же? В этом году в Москве было задержано свыше двухсот подростков из Люберец: за курение в неположенном месте и нарушение тишины, за появление в общественных местах в нетрезвом виде... И лишь несколько по подозрению в совершении преступления. Причем в большинстве случаев подозрения так подозрениями и остались.

Милиция знает о делах, которые числятся за «люберами», но милиция бессильна. Почему? Да по той простой причине, что ни «хиппи», ни «панки», ни «металлисты», пострадавшие от «люберов», в милицию не обращаются. Да, бесспорно, именно на это делают основной расчет короли «конторы». Но давайте вдумаемся: не мы ли сами создали ситуацию, при которой иные группы подростков не считают себя вправе обратиться к защите закона?

Спору нет, наш опыт по части молодежных неформальных объединений успел стать довольно разнообразным. Но ничего подобного «люберам», пожалуй, еще не было. Когда десятки уверенных в своей правоте, отлично тренированных парней утрачивают естественные для каждого человека психологические барьеры перед насилием — это уже не просто «сугубо молодежная» проблема. За последнее время появились случаи, когда «люберы» нападали на подростков вполне обычных, не принадлежавших ни к каким объединениям, и отбирали не «атрибуты чуждого образа жизни», а просто дорогие, модные вещи, называя это «изъятием излишков». Каков будет следующий шаг?

...Покинув подвальный спортивный зал, по дороге на станцию я зашел в небольшое кафе «Славянка», почему-то считающееся в Люберцах молодежным. В пустом баре гремела музыка. Вспыхивали в такт разноцветные огни. Я невольно прислушался. Резкий женский голос выводил по-английски песенку. Песенку про «крепких ребят, которые точно знают, что делать». И потому добиваются своего. Это, конечно, было просто совпадение. Не более...

ОТ РЕДАКЦИИ. В статье затронута, безусловно, серьезная тема. За последнее время возникло множество так называемых неформальных объединений молодежи. Вокруг них идет плодотворная, на наш взгляд, дискуссия — что особенно важно в преддверии XX съезда ВЛКСМ. Неформальность и формализм, организованность и заорганизованность — как соблюсти разумные пределы, не оттолкнув молодежь, но при этом и не давая развиваться всякого рода сомнительным по своей идеологической подоплеке «братствам». В конечном счете в решении этого вопроса — одна из важнейших перспектив работы с молодежью.

Обращение к проблеме «люберов» — наша совместная акция с еженедельником «Собеседник». Его сотрудники провели рейд по Люберцам с целью вникнуть в детали проблемы. Материалы рейда читайте в ближайших номерах молодежного еженедельника.

Алексей ПЬЯНОВ

НЕОКОНЧЕННЫЙ РАЗГОВОР С ЮРИЕМ КАЗАКОВЫМ

Ю. Казаков и Б. Ахмадулина. Переделкино, март 1968 г. Публикуется впервые.

Фото О. Ширяевой. Из архива писателя Георгия СЕМЕНОВА

ОСЕНЬ В ДУБОВЫХ ЛЕСАХ

Юрий КАЗАКОВ (1927—1982) — замечательный советский писатель, писатель-лирик, или, как часто называют его, «поэт в прозе». Пленительные, музыкальные, точные и изысканные по словесному рисунку, самобытные по описаниям природы и психологизму рассказы Юрия Казакова известны читателям по книгам «На полустанке», «Легкая жизнь», «Запах хлеба», «Арктур — гончий пес», «Двое в декабре» и другим. Сегодня мы публикуем размышления о творчестве Ю. Казакова и воспоминания о нем писателя, главного редактора журнала «Крокодил» А. С. Пьянова.

Приезжая зимой в ближнее Подмосковье, я всегда беру в здешней библиотеке одну и ту же книгу — рассказы Юрия Казакова. Она изрядно потрепана, уголки страниц обмахрились, название на обложке стерлось и чуть заметно, словно не отмытая еще переводная картинка.

В оглавлении кто-то пометил карандашными галочками, должно быть, самое интересное для себя: «Долгие Крики», «Кабиасы», «Никишкины тайны», «Легкая жизнь», «Осень в дубовых лесах»...

Странно. Словно он знал, что это любимые мои рассказы.

Идет снег. Тихий, неслышный.

Сквозь его завесу едва угадываются лес на дальних холмах, домишки, разбредшиеся по склонам, замерзшая речка со скорбящими у лунок рыбаками.

Стоит оглушительная, неправдоподобная тишина. И не верится, что совсем рядом—сумасшедшее скоростное шоссе, на разных концах которого — гигантские города.

Открываю книгу и забываю все на свете...

«Я взял ведро, чтобы набрать в роднике воды. Я был счастлив в ту ночь, потому что ночным катером приезжала она. Но я знал, что такое счастье, знал его переменчивость и поэтому нарочно взял ведро, будто я вовсе не надеюсь на ее приезд, а иду просто за водой. Что-то слишком уж хорошо складывалось все у меня в ту осень».

Не знаю, почему рассказ этот — «Осень в дубовых лесах» — так действует на меня. Ни прежде, ни потом я не испытывал ничего подобного от чтения. Иногда мне даже кажется, что и езжу-то я сюда потому только, что именно здесь открылась мне сокровенная суть этих строк, таких близких, волнующих, значимых, словно все, что описано им, происходило со мной и теперь, вновь пережитое, уже навсегда осталось в моей судьбе, сделало жизнь радостнее и печальнее, наполнило ее высоким смыслом.

И еще я всегда удивляюсь — наивно, конечно,— схожести пейзажей, их состоянию и настроению. Того — из книги и этого — за окном.

«Поля на холмах были дымно-зелены издали и будто пересыпаны мукой, стога почернели, лес сквозил, был черен и гол, только резко проступал березовый белый частокол, бархатились и лоснились зеленью стволы осин, да кое-где по лесистым холмам цвели, горели еще последние красные шапки неопавших деревьев. Река сквозь лес была видна на большое расстояние и была пустынна и холодна на взгляд. Мы спустились вниз по снежному оврагу, оставляя за собой глубокие, сперва грязные, а потом чистые следы, и стали пить из родника возле срубленной осины. В неподвижном бочажке родника плотно опустились на дно почерневшие кленовые и дубовые листья, а срубленная осина пахла горько и холодно, и древесина на срубе была янтарной».

Когда прочитал это в первый раз — долго не мог избавиться от ощущения, что пейзаж списан с натуры и что этим же оврагом ходил я слякотной осенью и на душе у меня было тихо и покойно. И думал я, что, может быть, он бывал здесь когда-то, в том же доме с окнами на реку и холмами за ней. Думал так, хотя и знал, что жил Казаков в Абрамцеве. А рассказ этот написал, когда не было еще у него своего дома и обитал он в тесной московской квартире, которую часто покидал для дальних странствий: путешествовал, охотился, рыбачил.

Но магия слова была так сильна, что я верил в свой вымысел, и признаюсь, верю до сей поры с детским каким-то упорством. Может быть, потому, что это помогает мне жить счастливее и радостнее среди городской сутолоки и суматохи. Верю и всегда с благодарностью произношу это имя — Юрий Казаков.

Впервые встретил я его тридцать лет назад. Кто-то принес в аудиторию свежий номер журнала «Молодая гвардия», в котором был напечатан рассказ «Странник». Мы, считавшие себя большими знатоками литературы и сами собиравшиеся послужить родной словесности, буквально опьянели, прочитав те несколько страниц.

Теперь-то я понимаю, что нас, двадцатидвухлетних, пьянили тогда и кружили голову не только слова «Странника», но и само время, ощущение молодости в себе и в жизни, подтверждением которой явился этот рассказ. Он был подобен страннику, пришедшему из прошлого и зовущему в будущее,— так ново, так необычно было в нем все рядом с заурядными прописями солидных томов, в изобилии лежавших на прилавках книжных магазинов. Возможно, мы были несправедливы к этим томам и слишком уж восторженно приняли новичка. Но так было. И в нем мы не ошиблись, хотя многие кумиры той поры — где они ныне?

Я переписал «Странника» в тетрадку для конспектов: шел пятый год нашего пребывания в университете, мы не очень усердствовали, и свободных страниц в ней было много. Не у одного меня рядом с эпизодами из истории дипломатии (нас, будущих журналистов, тогда учили и этому) находились стихи Ваншенкина, Ахмадулиной, Евтушенко, Рождественского...

Мы пытались узнать: кто он такой, этот Юрий Казаков? Откуда появился? Что еще написал? Но никто и не слыхал о нем до этого рассказа, по крайней мере в нашем городе. Профессор, читавший нам когда-то литературу, в ответ на наши вопросы только развел руками. Впрочем, за год до этого он тем же жестом отвечал на вопросы о Платонове и Бабеле...

Прошло несколько лет. И вот в одной из журналистских командировок, в дальнем верхневолжском городке, я вновь встретился с Юрием Казаковым: в местном магазине «Культтовары» попалась мне его книжка «По дороге», только что выпущенная «Советским писателем». И на обложке ее был тот же странник (так мне показалось), но самого рассказа в сборнике не оказалось. Зато был здесь другой, захвативший, очаровавший, как и тот, первый. Я читал «Кабиасов», и мне было хорошо в холодной и неуютной гостинице, в древнем этом городке, дремлющем у истоков великой реки, словно в моей жизни случилось что-то значительное.

Я прочитал всю книжку и только потом обнаружил в ней предисловие. Увы, мне опять не дано было узнать, кто же он такой — этот удивительный мастер, с такой легкостью обращающий, подобно средневековому алхимику, неблагородное в благородное. Зато узнал я, что в «Северном дневнике» Юрия Казакова с присущим ему «интересом к повседневной жизни простых тружеников и любовью к родной природе... поэтически изображается наш Север, даются яркие образы колхозников, рыбаков, оленеводов, живущих на берегах Белого моря, рассказывается о борьбе нового со старым в их жизни и труде».

Хорошо, что я прочитал это в последнюю очередь...

«Кабиасы» надолго стали любимым моим рассказом. Я читал его друзьям, потом, когда подрос сын, рассказал ему в собственном изложении эту захватывающую сказку, не зная, что именно из слышанной Казаковым в детстве сказки и родились «Кабиасы».

Прошло еще три года. На вокзале в Уссурийске, уезжая из родного города, купил в киоске первый том «Библиотеки произведений советских писателей», приложение к журналу «Сельская молодежь». Купил потому, что на обложке книги среди известных имен — Нагибин, Никитин, Солоухин, Тендряков...— первым стояло имя Юрия Казакова. По алфавиту. А первым его рассказом в этом сборнике оказалась неизвестная мне прежде «Осень в дубовых лесах».

Медленно ходили тогда даже скорые поезда. Долго бежали за вагонным окном пейзажи Приморья. Лишь через сутки сменило их более строгое Приамурье, потом появилась Сибирь — Даурия, Байкал... А мне все казалось, что бреду я приокскими лесами, припорошенными первым снегом, терпко пахнущими палым листом, не остывшей еще землей.

Много читал я потом рассказов Казакова — книги его в ту пору выходили часто, их можно было — теперь даже не верится! — купить в магазине. Просто зайти и купить. Но ни тогда, ни после не испытывал я такого потрясения от прочитанного. Хотя и чему бы вроде потрясать в «Осени...». Встретились два человека, любящие друг друга. И только. И ничего больше, кроме русской осени да старого дома на берегу реки. Ни «борьбы нового со старым», ни «ярких образов оленеводов». Но почему же тогда так заходится сердце от этих спокойных строчек? Почему приходит ощущение радости жизни — неистребимой, торжествующей, захватывающей?

Вероятно, это можно объяснить. Но надо ли? Надо ли вообще, ссылаясь на Пушкина (всуе!), поверять гармонию алгеброй? Ведь для этой операции Сальери (не Моцарт!), «звуки умертвив», музыку «разъял как труп». Но искусство — не анатомичка...

Читая «Осень...» в поезде Владивосток — Москва, я наконец-то узнал, кто он такой — Юрий Казаков. Узнал прежде, чем увидел в конце тома коротенькую справку об авторе. Да и как было не узнать, прочитав вот эти строки:

«...Я пошел в угол, где на ремнях на стене висел приемник, и включил его. Среди треска и бормотания дикторов я искал музыку. Я знал, что она должна быть, и нашел ее. Низкий мужской голос что-то сказал по-английски, потом была пауза, и я понял, что сейчас станут играть.

Я вздрогнул, потому что с первого же звука узнал мелодию. Когда мне хорошо или, наоборот, больно, я всегда вспоминаю эту джазовую мелодию. Она чужда мне, но в ней звучит какая-то тайная мысль, и не понять, печальна она или радостна. Я часто вспоминал ее, когда ехал куда-нибудь, когда что-нибудь меня радовало или, наоборот, угнетало...

Я подтащил шубу к приемнику, и мы сели на нее рядом, обнявшись. Все эти месяцы в душе моей жило чувство потери, а теперь я все нашел, и найденное было даже лучше, чем я мог предполагать.

Элегически бормотал контрабас, отыскивая во тьме свои контрапунктические ходы, блуждая в неразрешимости, поднимаясь и опускаясь, и мне его медленный ход напоминал звездное небо. А прислушиваясь к нему, жаловался на что-то саксофон, снова и снова забиралась в неистовые верха труба, и рояль время от времени входил между ними со своими апокалипсическими аккордами. И, как метроном, как время, раскладывая ритм на синкопы, мягкими пустыми ударами подчинял себе все ударник».

Вот эти слова и выдали его: музыкант! Конечно, музыкант, иначе как бы смог он почувствовать магию этих квинтовых аккордов?! И дело здесь не в терминах, а в точно переданных ощущениях, недоступных дилетанту.

Догадка моя подтвердилась, когда прочел я короткое описание его жизни:

«Юрий Павлович Казаков родился в Москве в 1927 году. Учился в музыкальном училище, затем поступил в Литературный институт имени Горького, который окончил в 1958 году.

Первые рассказы молодого писателя — и в особенности «Арктур — гончий пес» — уже тогда обратили на себя внимание читателя и литературной общественности. Много говорилось и писалось о мастерском обращении автора со словом и фразой, о четкой поэтической обрисовке характеров самых различных героев, о психологической мотивировке их душевных движений и поступков».

Прочитав это, я порадовался, что восторг мой не так уж и наивен, и огорчился, узнав, что в пристрастиях своих выпадаю из рядов «литературной общественности», очаровавшись рассказами, которые тут и не упоминаются. А если говорить серьезно, то с той поры я стал собирать все, что было связано с именем Казакова,— книги, журналы, газеты (он печатался в «Правде»), статьи, рецензии. Я узнал, что в Литературном институте Казаков был в семинаре Паустовского — одним из любимых учеников и что учителю своему платил любовью еще более сильной, озарившей всю его жизнь. Узнал, что в Гнесинском училище он упорно осваивал контрабас. Вот откуда, оказывается, пришли в «Осень...» «контрапунктические ходы»! Может быть, к тому времени, когда писался этот рассказ, с его пальцев еще не сошли следы упругих, апокалипсических гудящих струн.

Я узнал... Впрочем, не стану больше говорить об этом, ибо теперь то, что собирал я по крупицам, хорошо знают все, кто его любит. Да и совсем не обязательно знать все о писателе. Достаточно его книг, ибо там — вся жизнь, и лучше о ней никто и ничто не расскажет.

Сейчас мне самому кажется странным, что за все эти годы я не написал о Казакове ни строчки. Не о нем самом — о его книгах. О других — не таких любимых и близких — писал довольно часто. О нем — никогда. Вероятно, потому, что не смог бы, не сумел сказать того, что хочу, счел бы кощунственным анализировать «положительные образы», «описания русской природы», «горячо любимого им Севера». Я не критик и не очень-то способен подчинять эмоции разуму. Я любил его и делился этой любовью устно — с близкими, друзьями, коллегами. И мне этого хватало.

Не хватало одного — увидеть Юрия Павловича Казакова, сказать ему «здравствуйте!», пожать его руку. Мне не стыдно признаться, что я мечтал об этом и в мечтах своих много раз говорил с ним о «Страннике» и «Кабиасах», об «Осени...», о том, как ловил он на Севере семгу...

Оказавшись в Москве, я стал искать среди своих знакомых тех, кто был дружен с Казаковым. И нашел. Однажды Владимир Амлинский, выслушав сбивчивый мой монолог, сказал:

— Чудак, что же ты раньше молчал? Мы же вчера видели с тобой Юру. Я не знал, что ты с ним не знаком.

Вчера... Я вспомнил, что вчера на улице Герцена, у Центрального Дома литераторов, мы действительно раскланялись с человеком, похожим на Казакова. Амлинский — дружески, я — машинально. Но как мне было узнать его, если и видел-то я две-три фотографии Казакова в книгах, да и то старые, юношеские.

Время шло. Случай не представлялся. Я положился на судьбу. И она одарила меня.

Он сидел за пустым столом в кафе писательского клуба, пил минеральную воду и курил «Беломор». Грузный, с усталым и грустным лицом. Пришел на чей-то вечер, подумал я, не высидел и решил дождаться окончания здесь. К нему то и дело подходили, здоровались. Он молча кивал и, докурив одну папиросу, тотчас же доставал из пачки новую. Я сидел рядом и уже знал, что это Казаков и что нельзя упускать счастливый случай. Но как это — взять вот так, подойти и сказать: здравствуйте, я вас люблю? Глупо, народу полно кругом, засмеют.

Я сидел, терзался, проклинал себя за нерешительность, а он, судя по всему, собирался уходить. Слава богу, к его столу присел кто-то хорошо знакомый ему, судя по тому, как оживленно они заговорили, как улыбнулся Казаков.

Помог мне Юрий Нагибин. Нет, его не было здесь в тот майский вечер. А если бы и был, то вряд ли я обратился бы к нему. И все-таки помог именно он. Незадолго до этого прочел я в «Литературной России» заметки Нагибина о Сергее Лемешеве, которого он горячо любил, чьим талантом восторгался. Жили они, если я не ошибаюсь, в одном доме, но знакомы не были. Сколько раз, встречая Лемешева, собирался Нагибин подойти к нему и сказать: «Здравствуйте, Сергей Яковлевич!», но так и не решился. А когда одолел наконец проклятую эту неловкость, было уже поздно...

Я встал, подошел к Казакову и сказал:

— Здравствуйте, Юрий Павлович!

Он посмотрел на меня с досадой и удивлением — еще одному неймется,— ничего не ответил, лишь кивнул машинально.

Терять мне было нечего, и я сел, не ожидая приглашения.

— Ну чего тебе? — спросил он не очень-то приветливо.

Мне казалось раньше, что, случись такое, я скажу ему все, что передумал и перечувствовал, читая его рассказы, скажу красиво, вдохновенно, и что это понравится ему и он заговорит со мной, как с давно знакомым ему человеком. И вдруг: «Ну чего тебе?» Может, лучше уйти? Но за моей спиной стояла тень Нагибина. И тогда я произнес вторую фразу:

— Я люблю ваши рассказы и считаю вас великим писателем.

Он пристально посмотрел на меня и, как мне показалось, смущенно сказал, скорее крикнул даже, но не сердито, а растерянно:

— Ну ты брось это! Брось! Слышишь? Брось!

Его сосед по столу словно эхо повторил:

— Ты это брось, слышишь?

Казаков ответил ему неожиданно зло:

— А ты молчи! Он не с тобой разговаривает, — и, повернувшись ко мне: — А ты садись.

И снова умолк.

Но так как я уже сидел, то решительно не знал, что же мне делать дальше.

У него в этот вечер было хорошее настроение. А его первая реакция на мое появление, как я вскоре понял, объяснялась тем, что я выпрыгнул словно черт из табакерки.

— Ты не сердись, — сказал он. — Знаешь, я отвык от таких слов. Все здороваются, но никому не интересно, как я живу, что у меня на душе. «Здравствуй, Юра!» — вот и все. Возьми-ка еще минеральной.

Я взял, а когда вернулся, он был за столом уже один. Вечер наверху, должно быть, закончился — в кафе стало тесно и шумно. И я подумал, что теперь нам не поговорить. А тут еще, увидев Казакова, подошел Расул Гамзатов, громко воскликая:

— Здравствуй, Юра, здравствуй, великий классик! Я люблю тебя, Юра, очень тебя люблю. Ты — замечательный.

Они обнялись и расцеловались.

— И я тебя люблю, Расул,— сказал Казаков.— Слушай, пригласи меня в Дагестан. Я очерк напишу.

Гамзатов улыбнулся:

— Юра, дорогой, друзей не приглашают в гости для того, чтобы они написали о хозяевах. Я приглашаю тебя к себе, домой. Просто так, как друга.

— А почему раньше не приглашал?

Я видел, что это игра двух старых друзей, которые не впервые говорят об этом, игра, приятная обоим.

— Юра, — продолжал Гамзатов, — я долго не решался сделать предложение своей невесте: боялся, что откажет. Потому и тебя до сих пор не приглашал, боялся, что не приедешь, времени не найдешь. Теперь вижу, что серьезно собираешься. Я тебя люблю и приглашаю к себе. Приезжай, Юра, буду ждать...

Они снова обнялись, и Гамзатов ушел. Казаков еще долго сидел молча, пил воду, курил. Потом сказал:

— А ты что, только воду пьешь всегда?

Восприняв это, как намек, я встал, но он взял меня за руку:

— Садись, это всегда успеем. Ты ведь поговорить хотел? Да? А о чем говорить будем? И кто ты вообще, откуда?

Услышав мой ответ, воскликнул так громко, что обернулись сидевшие за дальними столами:

— Ах, из «Юности»! Вот оно что! Знаю ваш журнал. Там сейчас Дементьев редактор. Ну и чего же ты хочешь от меня? Рассказ?

Я видел, что он начинает злиться, и, неожиданно разозлившись сам, резко ответил:

— Да, рассказ. Хотя бы один. Но можно два, можно и три. Поставим прямо в номер.

— Прямо в номер? — Он улыбнулся, потный большой лоб его пошел добрыми морщинами.— А откуда ты знаешь, о чем будет мой рассказ? Может, его и печатать-то нельзя. А?

— Так уж и нельзя... Вы сначала дайте.

— А я уже давал,— весело ответил он.— Давно, правда, еще при Катаеве. «Звон брегета» приносил. Не напечатали. Вы тогда других любили, других печатали. А мне вернули. Ну а кого сейчас любите?

Я боялся, что Казаков вновь рассердится, так яростно сдернул он очки, вынул из кармана скомканный платок и с остервенением стал вытирать лысину.

Мы помолчали. Он больше не задавал мне каверзного своего вопроса, и теперь уже спросил я:

— Юрий Павлович, а у вас есть рассказы?

— Слушай,— ответил он,— ты кончай эту официальщину: «Юрий Павлович», «вы»... Так разговора у нас не получится. Давай на «ты» и впрямую, понял? А рассказы у меня есть, очерки есть, только неотделанные. Трудно стало работать. Болезнь у меня, знаешь, такая появилась — диабет. Очень трудно работать. Ты вот говоришь, что любишь мои рассказы. Да? А что ты любишь?

— Все люблю!

— Да брось ты! Опять за свое. Ты мне один-два назови, ну?

— «Кабиасы», «Осень в дубовых лесах»... Потрясающие рассказы!

— Потрясающие? — Он рассмеялся.— Вот ты говоришь — потрясающие. А знаешь, что с «Кабиасами» было? Не знаешь? Да теперь уже мало кто это помнит. Но я помню. Фельетон обо мне за этот рассказ напечатали. Понял? Фельетон! Я-то

ничего, стерпел, а вот мама и папа ужасно огорчились. Ведь о ком фельетоны пишут — о жуликах, ворах разных. После этого фельетона мои рассказы из «Октября» и других журналов повыкидывали. А ты говоришь — «Кабиасы»... Это теперь все так просто, а тогда тяжело мне было. Представляешь, фельетон!

Я видел, что он взволнован и молчал. Он курил, снова снимал и надевал очки, снова вытирал череп. Потом снял свой темно-синий, добротный, дорогой, но старомодный пиджак, накинул его на спинку стула и остался в одной рубахе.

— Вот такая история с «Кабиасами»,— снова заговорил после долгой паузы.— А тебе они действительно нравятся? Я уже когда-то рассказывал про них. Сказку в детстве слыхал, запомнил. Что-то в жизни увидел. Знаешь, я много ездил, ходил, всяких людей встречал.

— А «Осень...» автобиографична?— задал я вопрос, который давно вертелся у меня на языке.

— Ни черта! — выкрикнул он и, словно испугавшись, оглянулся, потом наклонился ко мне и тихо, почти шепотом сказал: — Это все я придумал. Не веришь? Все придумал. Молодой я был тогда, много придумывал, да и писал много. Знаешь, обидно мне: вот говорят где-то — не то во Франции, не то еще где-то — выпустили три тома моего собрания сочинений. А у нас нет. Сейчас в «Гослите» выходит однотомник. Опять однотомник. Правда, я мало пишу, да и ездить никуда не могу. А неотделанного много. Трудно теперь мне писать. Старое не перечитываю и не трогаю, хотя и не все получилось. Сейчас по-другому бы написал. А ты говоришь — классик. Ты это брось! Рассказ для «Юности» найду, только вот отделать его надо. Ты не сердись, что я шумел на тебя. Знаешь, не люблю, когда пристают. А теперь честно скажи: тебе действительно нравятся мои рассказы? Ну ладно, ладно, лучше проводи — поздно уже. О рассказе для вас напомни. Ну пошли, я тут рядом живу...

Он надел пиджак, взял со стола почти пустую пачку «Беломора», и мы пошли.

Разговор наш, начавшийся так нелепо, остался неоконченным и завершиться ему было не суждено: вскоре Казакова не стало.

А я еще о стольком хотел спросить его... Я знал, что не все в его жизни было просто. И фельетон о «Кабиасах» был не самым большим огорчением. Нет, не все в его рассказах придумано. Должно быть, и потому еще греют они душу, что описанное в них с таким поразительным мастерством, пережил он сам...

На дворе зима. Скоро снова поеду в облюбованный мной уголок Подмосковья. Снова будет знакомый дом, знакомый пейзаж за окном. Я возьму в библиотеке ту же книгу, где под обложкой среди других рассказов и «Осень в дубовых лесах», отмеченная кем-то карандашной галочкой. И начну читать вот с этих строк: «Ночь была вокруг меня, и папироса, когда я затягивался, ярко освещала мои руки, и лицо, и сапоги, но не мешала мне видеть звезды,— а их было в эту осень такое ярчайшее множество, что виден был их пепельный свет, видна была освещенная звездами река, и деревья, и белые камни на берегу, темные четырехугольники полей на холмах, и в оврагах было гораздо темнее и душистее, чем в полях.

И я подумал тут же, что главное в жизни — не сколько ты проживешь: тридцать, пятьдесят или восемьдесят лет,— потому что этого все равно мало и умирать будет все равно ужасно,— а главное, сколько в жизни у каждого будет таких ночей».

Станислав КУНЯЕВ

РОДНАЯ РЕКА

Прошлой осенью побывал на своей, калужской земле. Просидел ночь у костра на берегу Оки, слушал, как хрипло кричит коростель в мокрой, тяжелой от вечерней росы траве, как мерно — далеко разбрасывая звуки — работает на дальней ферме дизель, как под глинистым обрывом шумит река... На душе саднило. Житейские невзгоды, потери близких людей, разлука с друзьями — вот с чем пришел я на родной берег в надежде, что здесь мне станет легче.

Помоги мне, родная река,
я ль не пил твою вечную воду,
пусть сплывет по теченью тоска
меж крутых берегов к небосводу...

Мысли набегали, как темные облака, одна на другую. О чем? Обо всем. Как понять предназначение в мире твоей родины, твоей страны? Как жить дальше, чтобы не терять главную «генеральную думу», по словам Александра Твардовского, ради которой живешь и работаешь?.. Именно присутствие этой думы дает направление пути, диктует нам творческую волю. Главный поступок писателя — последовательно прожитая жизнь. Как не просто в нашем деле не поступаться убеждениями, остаться верным призванию, «чувству пути». Здесь мало таланта. Нужен характер. Даже больше того — натура...

●

Опять гляжу на край земли —
таинственна земля,
когда колышутся вдали
туманные поля.

Опять шепчу, средь желтых нив,
где буйствуют грома:
да будет родина, как миф,
неисчерпаема!

●

Над темным лугом, над Окой
бесшумно вспыхивает небо.
Примета есть: в ночи такой
вершится созреванье хлеба.
Над поймой тянется дымок,
а мы, как маленькие дети,
глядим — аж разум изнемог —
откуда все на белом свете?
И эта ночь, и этот луг,
и чудный свет, что в душу входит,
то канет в темноту, то вдруг
опять над головами бродит!
А мы, смущенные, глядим,
как в небе вспыхивает сполох...
И непонятно нам самим —
что, краток этот миг иль долог
в душе его внезапный свет?
И не поймешь — далек ли? Близок?
Как бы земного счастья след
или грядущей жизни призрак...
Гудит бетонное шоссе,
стучит на птицеферме дизель,
и коростель кричит в росе,
не веря ни в какую гибель.

●

Памяти Юрия СЕЛЕЗНЕВА

Вызываю огонь на себя,
потому что уверен: друзья
через час подойдут на подмогу,
потому что, сбираясь в дорогу,
я об этом друзей попросил —
с адским пламенем трудно
сражаться...
Вызываю огонь... Продержаться
до подмоги хватило бы сил!
Где друзья?
Почему не спешат?
Неужели с похмелья лежат?
Сроки вышли. Должны подойти,
Неужель заблудились в пути?
Плюнул.
Выстоял.
Дух закалил.
Затоптал адский пламень ногами.
Ну, маленько лицо опалил.
Словом, вышло добро с кулаками.
Я иду — победитель огня,
предвкушаю — дружина моя
от восторга и радости ахнет!
Но шарахнулись вдруг от меня:
— Адским пламенем,— шепчутся,—
пахнет!..

●

Сильные мира сего —
что мне до вашего гнева,
коль для меня синевой
светит полярное небо.

Сполохи к ночи горят,
и на просторе былинном
гуси на Канин летят
нежным извилистым клином.

Чертит свои письмена,
буквы и вещие знаки
словно бы вечность сама
не на газетной бумаге,

Не на казенных столах,
а на вселенских просторах...
В сердце то радость, то страх
от громовых разговоров.

В разгоряченной груди
разом и жар и остуда.
Некуда глаз отвести —
всюду свершается чудо...

●

Березы нет. Есть только пень.
Но корни, этого не зная,
к теплу и солнцу ночь и день
качают сок, не уставая.

Им ясно, что в кромешной мгле
необходима их работа
несуществующей листве,
обломленной вершине рода.

И вскоре свежий срез ствола
естественно и постепенно,
бессмысленно
обволокла,
как накипь, розовая пена.

●

Что делать? Жизнь не виновата,
коль выбрал груз не по плечу...
— Любовь сама себе награда!—
сквозь зубы сжатые шепчу.

Когда в груди горит надсада
на земляков и на жену:
— Любовь сама себе награда! —
как заклинание твержу.

И коль из уст родного брата
идет неправедный укор —
смолчи... «сама себе награда» —
весь разговор и приговор.

●

Что случилось и как понимать:
прежней улицы не отыскать,
новым словом ее нарекли,
и дома, и таблички снесли.
Город дважды героя родит,
а потом сам себя наградит
свежим именем сына.
Ну что ж.
Время гонит.
Ему невтерпеж.
Что осталось? Старинный овраг —
нынче свалка, где мусор и шлак.
Что осталось?
Родные луга?
Их распашут, и вся недолга.
Что осталось?
Сырая земля?
Но давно ей уж не до меня,
да к тому же и наречена
бедным Нечерноземьем она.
Остается на что уповать?
Что нельзя переименовать?
Только реку,
что синий простор
рассекла с незапамятных пор.
Ты останешься вечно моя —
Не-пе-ре-и-ме-но-ван-на-я!

●

Он все земные блага получил,
но предал нашей юности заветы,
а я его не этому учил,
и ненавидит он меня за это.

Что между нами было — все мертво,
дела и клятвы — все распалось
прахом...
В его глазах сверкает торжество,
внезапно омрачаемое страхом.

А мы-то говорим: иудин грех!
Куда достойней вел себя Иуда —
сам согрешил, сам отстрадал за всех
своих потомков... Это ли не чудо?
Лишь иногда архив перетрясая,
наткнусь на письма старые его
и, дружескую исповедь читая,
не понимаю снова ничего.

Начало см. на стр. 8.

бя «знатоками», но ведь подобные им, уже не жалея «потерянного времени», поддерживают, как правило, прежде всего те выставки, где висят картины имитаторов искусства. Недаром о различного рода имитациях как знамении времени говорил недавно на страницах «Огонька» С. С. Аверинцев. И, быть может, изобразительное искусство страдает от них более других.

Ведь для того, чтобы воспринять имитацию, глазу не нужно делать усилия, а для того, чтобы понять удивительно чистые, но внешне непритязательные гравюры или рисунки Фаворского, нужно не просто зрение, а зрение художественное. Мы пользуемся здесь опять мыслями самого мастера, чтобы защитить его искусство. Защитить... Как это ни парадоксально, но Фаворский, по отношению к которому стали, казалось бы, уже привычными слова «классик советского искусства», «великий художник», в год столетнего юбилея нуждается в защите не только от «знатоков», но даже от студентов художественных училищ, необычайно яростно и категорично пишущих все в той же книге отзывов. Ну что ж, может быть, хорошо, что искусство Фаворского не оставляет равнодушным, вызывает споры. Грустно другое: этих ребят, по-видимому, учат те, кто в конце 1940-х — начале 50-х годов сдавал экзамены по истории искусств, где в билетах был вопрос: «Фаворский и его отрицательное влияние на советскую графику». К сожалению, такие эпизоды не проходят бесследно. И все же искусство Фаворского, его последовательные высказывания о правде и лжи в искусстве самим своим существованием помогают нам сейчас в сложном процессе перестройки разрывать тот «порочный круг», когда вокруг одних имен создавалась сенсационная шумиха, не допускающая ничего, кроме елея, а работы других годами пылились в запасниках.

Искусство Фаворского помогает нам осознать себя, свое внутреннее пространство; в него можно войти, как в огромное здание с крепко поставленными опорами. Это светлое здание — книга или фресковый ансамбль — так гармонично еще и потому, что художник Фаворский, строивший его, был всегда равновелик Фаворскому-человеку. А такая рав-

В. А. ФАВОРСКИЙ.
Автопортрет. 1917.

Квинтет соль-минор Д. Шостаковича в Институте имени Гнесиных. 1955.

новеликость не столь уж часто встречается в истории искусства.

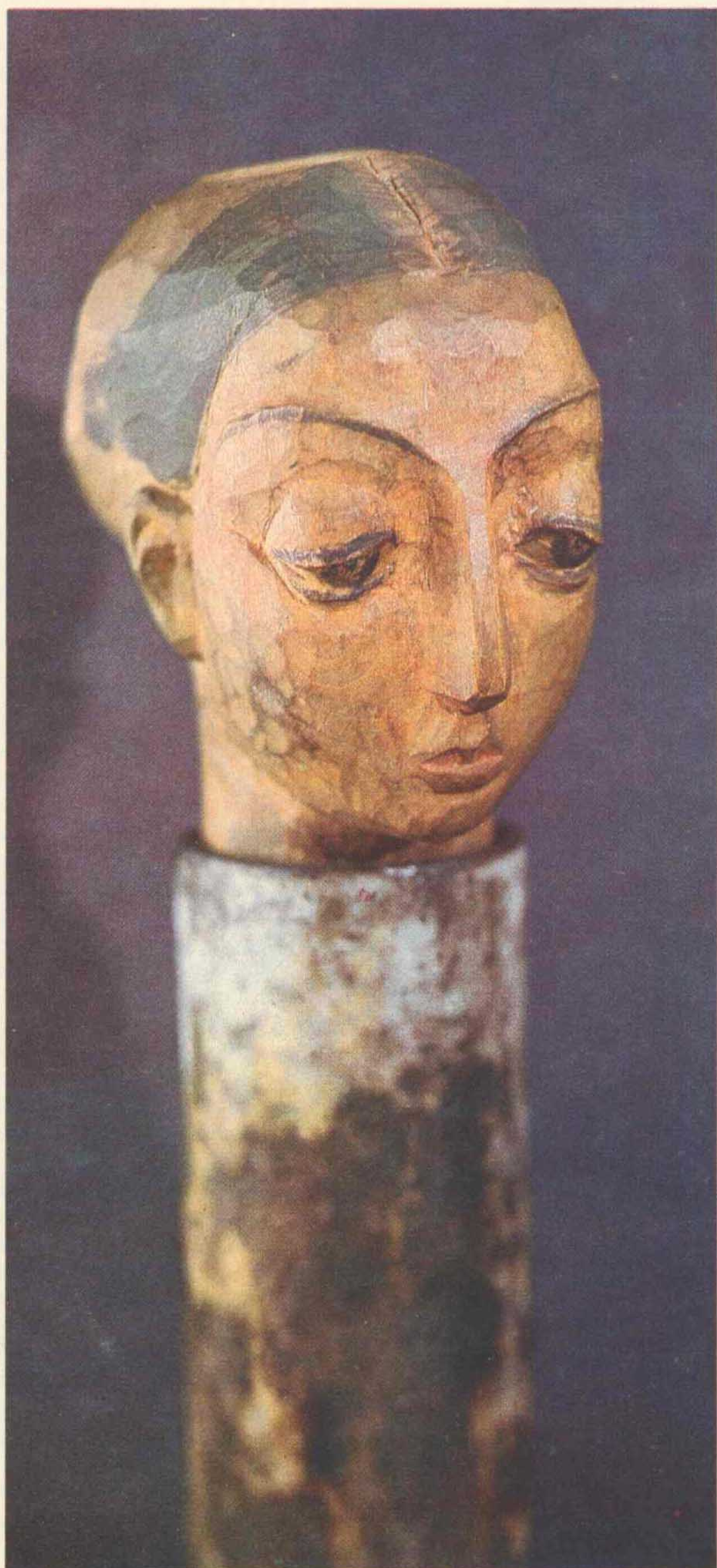
Тех, кто близко знал Фаворского, поражало, как часто он говорил «мне кажется», «по-видимому», и чутье подсказывало беседовавшим: это происходило потому, что он постоянно соотносил свою мысль с чем-то бóльшим. И, возможно, недаром одним из его любимых слов было слово «память» — память гравюрного оттиска, помнившего, что он был доской, которая, в свою очередь, помнила, что была деревом...

Мы же, в свою очередь, вспомним, что, по-видимому, недаром матерью всех муз была у греков Мнемозина — богиня памяти. И не будем забывать, сколько для нашей культуры сделал мудрец и философ Владимир Андреевич Фаворский.

Рассказы Б. Пильняка. Заставка. 1932.

Натюрморт с ветками тополя. 1910.

Головка куклы-марионетки. 1918.

«Иван Федорович Шпонька и его тетушка» Н. В. Гоголя. Иллюстрация. 1931.

Насколько больней, чем быть укушенным змеей, иметь неблагодарного ребенка.
Шекспир

ПЕРЕД ЗАХОДОМ СОЛНЦА

Валерий КАДЖАЯ

Когда 78-летний Семен Петрович Мухин был доставлен в психиатрическую больницу № 5 Ленинграда, дежурный врач Зоя Адамовна Дашкевич сразу почувствовала неладное. Работает она психиатром не первый десяток лет, опыт имеет богатейший, и старик ее смутил. Меньше всего походил он на душевнобольного. Перед ней был человек вполне нормальный, хотя и весьма взволнованный ситуацией, прямо скажем, к спокойствию духа никак не располагающей. Несмотря на волнение, вел он себя сдержанно и рассудительно, чего никак нельзя было сказать о его дочери. Она заметно нервничала и пыталась убедить врача, что отец ее серьезно болен и нуждается в лечении, и было видно, что нервничает она потому, что боится, что ей не поверят. Все это и насторожило Зою Адамовну, и она постаралась побыстрее закончить с формальностями и отправить дочь домой.

Оставшись наедине с новым пациентом, Дашкевич уже без всяких помех побеседовала с ним и окончательно убедилась, что первое впечатление не обмануло ее. Подъехавшие вскоре племянница Мухина В. Данилова и давняя знакомая семьи Н. Гамзина (им Дашкевич позвонила по просьбе Семена Петровича и сообщила о случившемся) подтвердили все, что рассказал убитый горем Семен Петрович.

На следующее же утро, согласно правилам, действующим на сей счет, была собрана авторитетная комиссия, которая нашла Мухина психически абсолютно здоровым, и он был немедленно выписан из больницы. Казалось бы, любящей дочери радоваться такому заключению врачей и благодарить небеса, но, увы, как выяснилось, волновало ее совсем другое...

Семья Мухиных была самой обычной, ничем не примечательной и во всех отношениях вполне благополучной. Семен Петрович, Анна Петровна и единственная их дочь Галина жили в мире и согласии. Семь лет назад, после смерти Анны Петровны, отец с дочерью остались вдвоем. Пожилые мужчины, как правило, тяжело переносят вдовство, гораздо тяжелее женщин, но рядом была дочь, и это смягчало горе, и старость не пугала страшным призраком одиночества. Несмотря на преклонный возраст, Семен Петрович на здоровье не жаловался, был деятелен и общителен. Последнее обстоятельство и тревожило больше всего дочь: она опасалась, что отец женится. Но получилось так, что вышла замуж сама Галина Семеновна. За овдовевшего соседа по лестничной площадке, кандидата юридических наук Б. Н. Цветкова. Борис Николаевич оставил свою квартиру в распоряжение женатого сына, а сам перебрался к Мухиным.

Сначала все шло хорошо, но постепенно отношения между мужчинами стали омрачаться. Причиной тому послужила, как утверждает Семен Петрович, грубость зятя. Так это было на самом деле или нет, установить досконально невозможно, ибо все происходило за закрытыми дверьми. Но после одного события, резко накалившего атмосферу, конфликт выплеснулся за пределы семьи.

Это произошло после того, как Галина Семеновна в отсутствие отца вскрыла его письменный стол и там обнаружила улики. Письма. От женщины. Очень личные и совершенно не предназначенные для постороннего чтения. Однако Галина Семеновна, инженер Лесной академии, человек с высшим образованием, не только не постеснялась прочесть эти письма сама, но и стала повсюду показывать их, дабы все удостоверились, как порочен ее выживший из ума отец. Галина Семеновна даже разыскала женщину, от которой были письма, и в грубой форме потребовала оставить в покое отца. А женщине той, между прочим, семьдесят лет. И у нее муж, дети, внуки. И женить на себе Семена Петровича у нее даже в мыслях не было. А была взаимная симпатия и дружба, которые возрасту неподвластны.

Они вместе отдыхали в санатории, где и познакомились и потянулись друг к другу. Семен Петрович очень дорожил своей новой знакомой, он нашел в ней родственную душу, чуткую и внимательную. Каждая встреча с ней доставляла ему глубокую радость, так же как и каждое ее письмо. В письмах она пыталась на бумаге выразить то, что в обычной беседе подчас ускользает, не «выговаривается». Дружба — такая неожиданная и негаданная — наполнила жизнь обоих пожилых людей новым смыслом, словно осветила и согрела ее последними лучами заходящего солнца. И вдруг такое грубое, такое бестактное вмешательство. Ногами — по самому святому! И кто? Родная дочь!

Семен Петрович проявил себя в сложившихся обстоятельствах в высшей степени достойно. Он не стал никому жаловаться, хотя по закону мог даже привлечь дочь к уголовной ответственности за оскорбление личности, за взлом, похищение писем и нарушение тайны переписки. Ничего этого он не сделал. Он лишь врезал замок в дверь своей комнаты и перестал столоваться с дочерью и зятем. Даже видеть их стало для него невыносимым. И поэтому Семен Петрович предложил дочери разменять двухкомнатную квартиру на любых приемлемых для нее условиях.

Галина Семеновна размениваться категорически отказалась. Но обратилась в поликлинику, к которой прикреплен Семен Петрович, и попросила обратить внимание на странности, вдруг появившиеся в поведении отца: ни с того ни с сего становится агрессивен, боится, что его хотят отравить, и поэтому стал готовить себе пищу отдельно, считает, что его хотят убить, и потому врезал замок в свою дверь, и так далее. В начале октября 1984 года С. Мухина осмотрел врач-психоневролог поликлиники Н. Вовин. Впервые видя пациента, наскоро с ним поговорив, он ставит диагноз, равносильный приговору: «Высказывания больного носят болезненный характер. Нуждается в лечении в стационарных условиях».

Все дальнейшее поведение Вовина доказывает, что меньше всего искал он истину. Обнаружив у пациента столь тяжкое и опасное заболевание, врач более чем на полгода напрочь забывает про Мухина. И лишь в конце мая, после повторной жалобы Галины Семеновны, он, на сей раз вообще даже не удосужившись осмотреть «больного», дает Галине Семеновне направление в районный диспансер с прежним заключением: «Госпитализация в психиатрическую больницу». Однако районный психиатр, обследовав Семена Петровича, сообщил дочери, что отец ее вполне здоров.

Но дочь такой финал не устраивал. В начале августа Вовин по ее просьбе приглашает из психоневрологического института имени В. М. Бехтерева, где заведует отделением его отец (прошу обратить внимание на это обстоятельство), младшего научного сотрудника Е. Зубкова. Они проводят так называемый комиссионный осмотр Мухина. Вместе с Семеном Петровичем пришли В. Данилова и Н. Гамзина. Две солидные женщины, одна преподаватель Академии гражданской авиации, другая режиссер студии «Ленфильм», обе хорошо осведомленные о характере конфликта, они тщетно пытались объяснить, что происходит в семье Мухиных, однако молодые психиатры их даже слушать не стали.

Как рассказал мне В. Шнейдер, заведующий отделением, куда поступил Мухин, Вовин трижды приходил к нему и умолял поставить Мухина на учет, обещая через два дня перевод его в институт. Интересна и такая деталь: в полдень 19 августа Мухин был доставлен в больницу, а уже наутро следующего дня сюда поступило направление из Бехтеревского института с просьбой о переводе к ним «больного». Оперативность столь же поразительная, сколь и подозрительная. Ларчик открывается просто: в институт принудительно госпитализировать больного нельзя, можно только с его согласия, коего Мухин, конечно же, никогда бы не дал. Вот почему Вовину так важно было хоть на один день поместить Семена Петровича в психиатрическую больницу. Это бы позволило официально перевести его затем в институт, но уже как психически больного.

Просчитался Вовин: врачи в психиатрической больнице оказались людьми долга, полностью отдающими себе отчет в том, что распоряжаются не только здоровьем, но и судьбой своих пациентов. Они быстро разобрались, что к чему. Но два дня Семену Петровичу все-таки пришлось провести в палате с настоящими больными.

Выйдя из больницы, Семен Петрович подал в суд на раздел квартиры. Дело пустячное, при согласии сторон его можно было бы решить за полчаса в жилищном управлении. Но, как я уже говорил, Галина Семеновна категорически против размена. В то же время она и ее муж, ученый-юрист, отлично понимали, что суд удовлетворит иск. Шесть раз (!) Галина Семеновна не являлась на судебное заседание, вследствие чего оно шесть раз откладывалось. А на восьмом месяце тяжбы, когда тянуть дальше было уже нельзя, Галина Семеновна подала встречный иск... «о признании недееспособным Мухина С. П.». Когда же сторонам удалось наконец собраться, разбирательства все равно не получилось, так как на сей раз Галина Семеновна потребовала провести судебно-психиатрическую экспертизу отца.

В соответствии с существующим порядком рассмотрения споров по гражданским делам она имела на это право, так как формальный повод у нее был — все то же первоначальное заключение Вовина. Надо ли говорить, насколько бесчеловечно было с ее стороны воспользоваться этим правом. Судебно-психиатрическая экспертиза, как и следовало ожидать, признала Семена Петровича совершенно здоровым. Вновь был назначен суд, и вновь Галина Семеновна не явилась на заседание.

Его вновь перенесли, и вновь та же история: не явилась. На сей раз Галина Семеновна укрылась в стенах клиники неврозов имени И. П. Павлова на целых сорок два дня, такова продолжительность курса лечения. Она решила подлечить расшалившиеся нервы и заодно повольнить с разделом квартиры еще хоть немного. Расчет здесь прост и предельно циничен. Ей выгодно тянуть время. Все-таки Семену Петровичу, напомню, ни много ни мало — уже 79 лет.

Как бы мужественно ни держался Семен Петрович, но подготовка к каждому судебному разбирательству требовала от него огромных душевных и физических сил. А каково жить в подвешенном состоянии? Три месяца провел он в освободившейся комнате в коммунальной квартире племянницы. Когда комнату заселили, он перебрался к другу и жил у него четыре месяца. Почти на месяц приютила его подруга дочери и столько же пробыл в санатории. Сейчас он живет у своих знакомых.

Ветеран партии с 55-летним стажем, участник войны, защищавший Ленинград от первого до последнего дня блокады, он не заслужил того, чтобы на старости лет бегать по судам и проходить унизительные экспертизы. Но даже если бы и не было у него перед обществом особых заслуг, все равно мы обязаны защитить его, потому что глумиться нельзя ни над кем.

В конце сентября прошлого года суд наконец состоялся и, как говорится, поставил все точки над «i»: Семен Петрович Мухин получил лицевой счет и с ним право распоряжаться своей комнатой по собственному разумению. Юридический конфликт исчерпан. Но можем ли мы сказать, что исчерпан и конфликт нравственный? И сослуживцы будут по утрам, улыбаясь, здороваться с Галиной Семеновной, подавать ей руку и, не зная подробностей тяжбы, даже сочувствовать ей? А то, что она позволила себе глумиться над своим пожилым отцом,— это все останется в судебной папке и тихо уйдет в архив? А врач Н. Вовин, отделавшись легким испугом, по-прежнему будет одних лечить, а других калечить? Не могу с этим примириться.

Александр БАСМАНОВ

ИСПОВЕДЬ

Ни у одного писателя (из тех, кто пытался рисовать) нет такой огромной галереи автопортретов, как у Пушкина. И только один живописец в этом смысле догоняет его—Рембрандт. Видимо, их отношения к миру и к себе в мире имеют одну природу — тут «осколки большой исповеди».

Графика Пушкина менее всего случайна — по чудесному определению известнейшего ее исследователя А. М. Эфроса, она «дитя пауз», спутница рождения его поэтических звезд, его чувств и мыслей, в том числе и о самом себе, и кто хоть раз видел эти запрессованные в текст изображения, сразу и безоговорочно понимает: ни один профессиональный портрет Пушкина не дает нам так полно и точно представление о живом Пушкине, как дает он сам. Впрочем, вряд ли с этой точностью и жизненностью могла бы соперничать и фотография, появись она на полвека раньше.

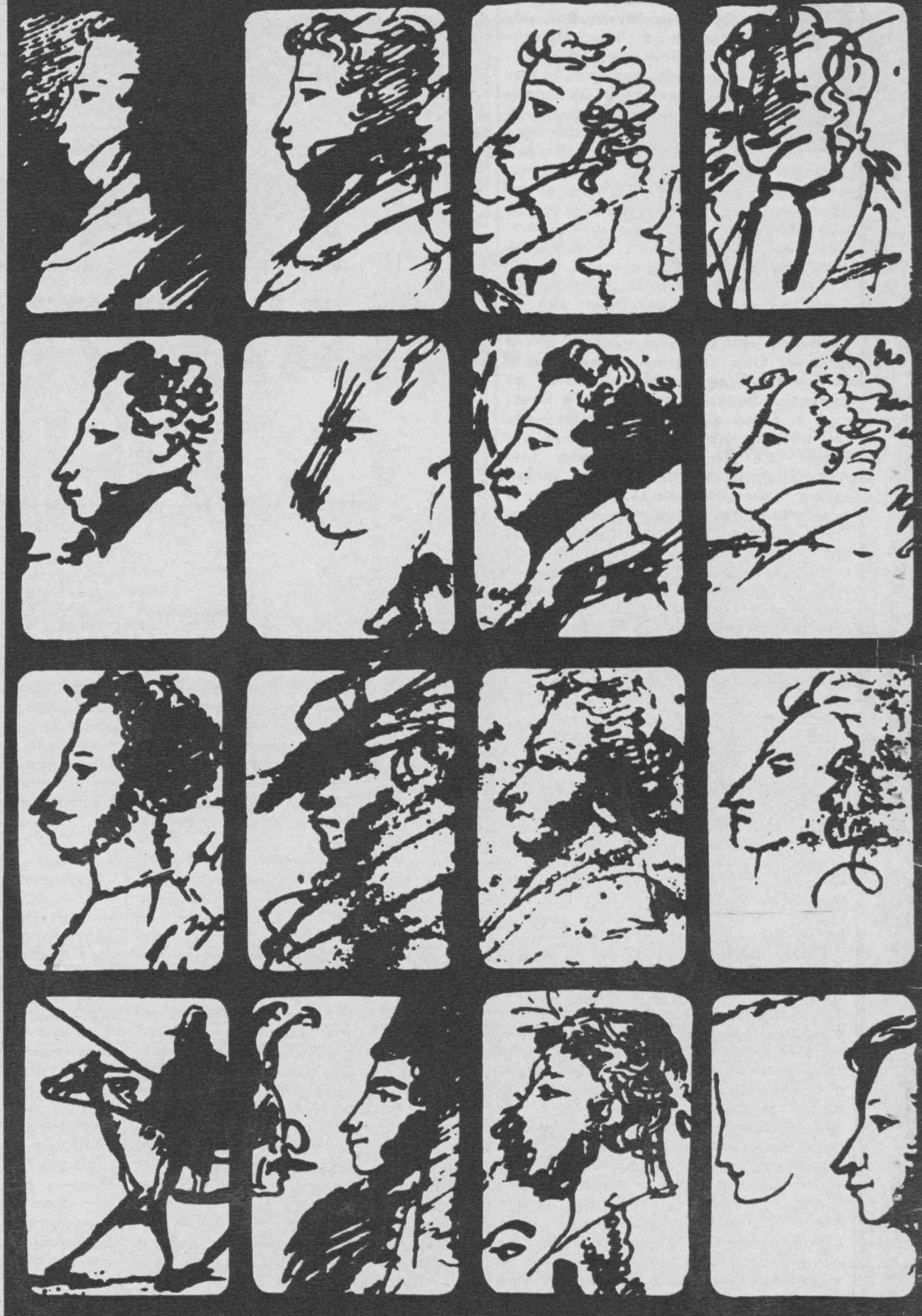
По-видимому, он очень любил зеркало, ибо надо было пристально следить за собой, своим жестом или горечью взгляда, чтобы за столь короткую жизнь больше шестидесяти раз переменять приметы: изображать себя таким, каким был когда-то в садах Лицея, заглядывать в дряхлую старость, в обрюзглость и плешивость, перекраиваться на французский лад эпохи падения Бастилии, вылепливаться придворным арапом, лакеем или в тюрбане с пером. Не внешняя, видимая теперь из всякого учебника биография, но биография души — вот что разворачивается в цепи пушкинских автопортретов.

И тут замечательно само развитие его рисовального творчества — оно оттиск различных напряжений, оно группируется во времени различными массами. Их, автопортретов, например, совсем нет в безмятежную лицейскую пору, и нужны были встряска, изгнание, ссылка, чтобы автор обратился как бы вовнутрь себя: пушкинские лица возникают и скапливаются в конце 1823 года — Одесса, потом в 1824 году — Михайловское, они маячат в 1829-м — Москва: крупная игра и любовь.

Любовь всегда сопутствовала самозарисовыванию: пики ее кривой и графические взлеты одновременны. Если Одесса — то это Ризнич и Воронцова, если Михайловское — то Вульфы и Керн, если Москва 1829-го — то Гончарова. Дата же «1830» рубежная: за ней уже больше профилей Н. Н., чем своих, за ней не беспечность, а настороженность линий, за ней в конце концов начинает клубиться тень Черной речки.

В 1831 году пушкинское перо совсем не баловалось, не чертило вовсе его арапского профиля, в 1832 году их всего два, в 1833-м и 1834-м — ни одного, в 1835-м снова два, в 1836-м — один: столбец цифр умопомрачительного долга в семьдесят пять тысяч и под ним Пушкин, словно мученик, подавленный тяжестью жизни, но все же не лишенный дара иронии, этого обязательного свойства любого великого ума. Но, несмотря на ту легкую улыбку, нет в пушкинской иконографии сравнения с печалью, переданной в этих последних портретах: «Давно, усталый раб, замыслил я побег...»; символы страдальчества здесь повсюду: страдальчески поднятые брови, страдальческие глаза, ввалившиеся щеки и только единожды он как бы воскресает, рисует себя просветленным, в лавровой короне, рисует себя так, как, наверное, писал свой "Памятник".

Рисунки Пушкина, давно признано, не менее совершенны, чем его слова, они образцы высочайшей искренности и вместе артистизма; их можно положить рядом с рисунками Дега или Врубеля, и они не проиграют. Прямой ход и огнь божественного гения видится здесь — Пушкин с легкой и стремительной уверенностью чертит светящийся, вечно движущийся пунктир своей жизни, столь наполненной и прекрасной.

ДНИ ПАМЯТИ А. С. ПУШКИНА

МОЙ ПУШКИН

Роберт СТУРУА, народный артист СССР, лауреат Государственной премии СССР, главный режиссер Государственного академического театра имени Ш. Руставели

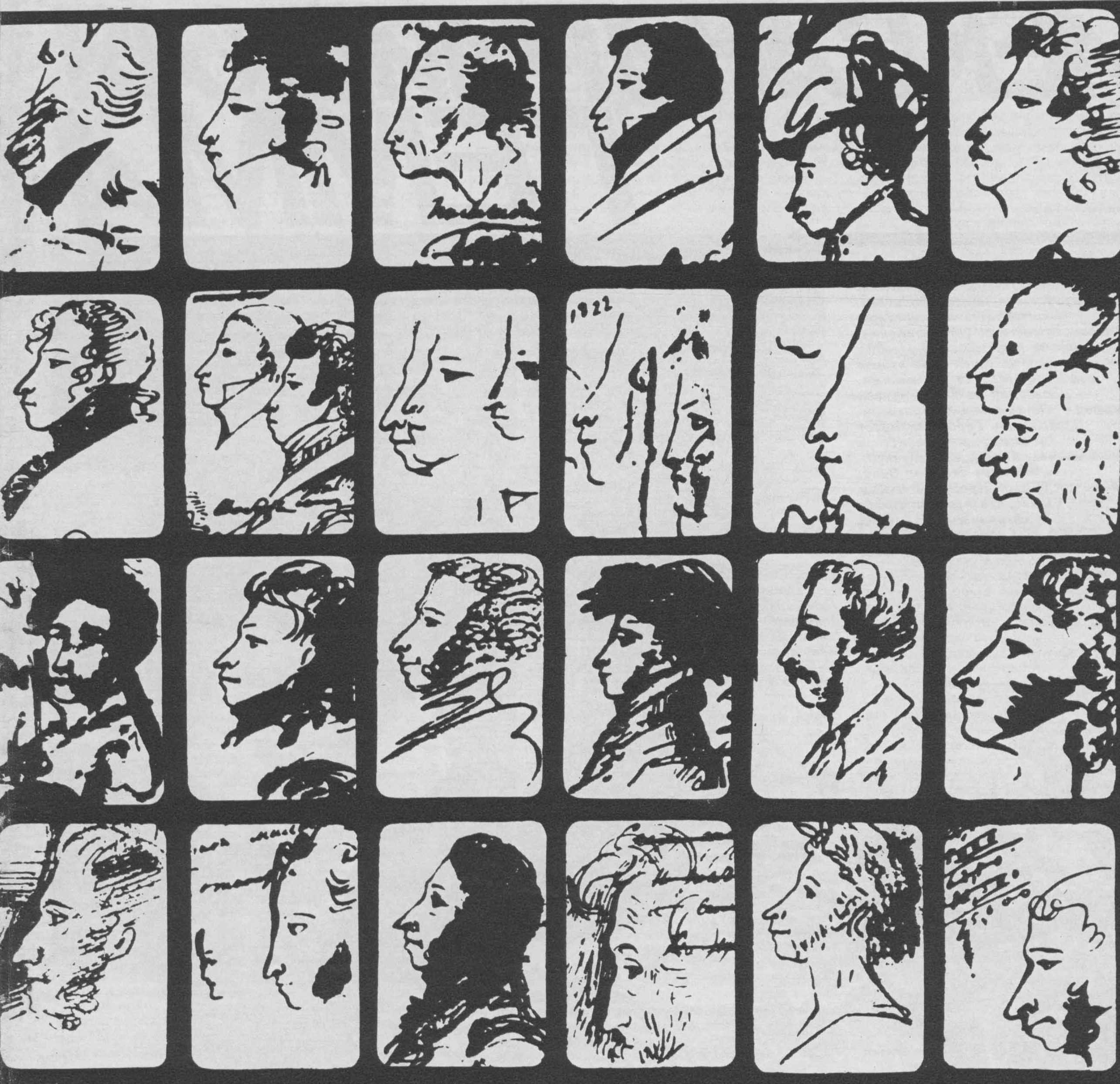

Он любил не только жизнь, но и ее смысл, он выразил душу России в самом высоком ее проявлении. Мы часто забываем об этом назначении поэтов — воспитывать свой народ.

Как-то раз, за рубежом, мне в руки попался бульварный эмигрантский журнальчик, где я прочел статью о Пушкине, фамилию автора уже не помню. Представьте себе: в журнальчике было сказано, что Пушкин погубил русскую поэзию, ибо он, по мысли автора, резко изменил ее основное направление, оторвал ее от традиций славянства и православия, и что поэзия Пушкина — это пересадка европейской традиции в чуждую почву многовековой русской словесности. Вывод таков: задача нынешних и будущих поколений поэтов вернуть русской поэзии то, что было забыто и «забито» гением Пушкина.

Я был шокирован, прочтя эти строки. И тут же подумалось, что у великих людей и после смерти не иссякают ярые противники и враги, ибо они ослеплены злом, завистью — беспомощной, но не бесплодной. Сказать, что у поэтов трагическая судьба — это сказать не всю правду. Великого человека, великого поэта обвиняют в том, что он враг всему русскому, и какого человека, какого поэта — Пушкина! Можно, конечно, было бы оставить эти слова без внимания, не отвечать на них, презрительно отвернуться, но честно ли это по отношению к памяти поэта, правильно ли? Иной раз кажется, что история русской литературы — это что-то такое, что было уже однажды и навсегда изучено, установлено, утверждено. А это, конечно, не так. И вот тут-то, как это ни странно на первый взгляд, встает вопрос об ответственности каждого из нас. Об ответственности перед Пушкиным. Перед его Поэзией. Об ответственности перед русской и любой другой национальной культурой.

Федор Михайлович Достоевский писал, что найти человека в человеке «при полном реализме» — это преимущественно русская черта. Я — грузин,

я влюблен в культуру своего народа, но эта заповедь—«найти человека в человеке» — наиважнейшая для всех нас. Все началось с Пушкина. Это он раньше всех увидел человека как человека, открыл красоту и богатство его внутреннего мира, передал человека объемно, во всей его сложности и глубине. Мы, люди театра, много, постоянно говорим о перевоплощении. Так вот: Пушкин перевоплощался в каждого своего героя, он добился в литературе того, чего Станиславский и Немирович-Данченко добились на театральной сцене. Я, грузин, уверен, что не все понимаю в поэзии Пушкина, чувствую, что что-то существенное неумолимо ускользает от меня, и еще и еще раз убеждаюсь в том, что великую поэзию перевести в полном ее объеме на язык другого народа нельзя, это в известной мере психологическая бессмыслица, ибо нельзя до конца понять поэта, не зная генетически жизнь его народа. Точно так же, как стихи Пушкина, заметно изменяются при переводах стихи поэтов Грузии. Суть Пушкина, дух Пушкина, мысль Пушкина — не в словах, точнее, не только в словах, а в том, что стоит за ними, за буквами; их безусильность поражает, возникает почти мистический трепет: никак не поймешь, не догадаешься, каким образом, какими силами эти стихи воскрешают в тебе ощущение счастья, радости, грусти, детства, словно ты — в который раз!— раскрыл окна темницы и увидел мир, весну, зажмурил привыкшие к темноте глаза и можешь так стоять часами, один, вчитываясь и в самого себя...

Нет, поэтов нельзя переводить!

Да и как переведешь, если «...у каждого воспоминания есть свое до-воспоминание, предок-воспоминание, пращур-воспоминание, точно пожарная лестница, по которой спускаешься спиной, не зная, будет ли еще ступень...» (Марина Цветаева, «Мой Пушкин»).

Великий поэт — это не автор каких-то очень хороших стихов, и только, великий поэт — соавтор истории народа. И он всегда несет особую ответственность перед своим народом.

Жизнь Пушкина — это не только гражданский поступок. Это — и выдающийся по своей силе нравственный урок. Всем нам.

В Грузии Пушкина любят так, как будто это он написал «Витязь в тигровой шкуре», как будто он великий грузинский поэт. Уверен, что так же думают армяне, украинцы, белорусы, молдаване — все братские национальности. Он принадлежит всем, и это не праздные слова, они — не только дань уважения и памяти человеку, который сам был образцом человека. Мысли Пушкина о театре, например, наиболее полно и точно отражают тот тип театра, который я исповедую. «Драма родилась на площади и составляла увеселение народное. Народ, как дети, требует занимательности, действия... Народ требует сильных ощущений... Смех, жалость и ужас суть три струны нашего воображения, потрясаемые драматическим волшебством»— это его слова, и мы не устанем их повторять, еще и еще раз доказывать своими спектаклями. Я ставил «Ричарда III», а думал о Пушкине, о том, как он понимал Шекспира, я ставлю «Короля Лира» — и думаю о Пушкине. Так — у каждого. У каждого к Пушкину что-то свое, и только он один порой может что-то реально посоветовать, открыть, объяснить.

В каждом доме есть его книги. В *каждом*. И это — самые читаемые книги на свете.

АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ ГЕММА

Еремей ПАРНОВ

Рисунки Валерия КАРАСЕВА

РОМАН

Расследуя обстоятельства таинственного исчезновения профессора-химика Солитова, сотрудники прокуратуры и уголовного розыска устанавливают, что Георгий Мартынович проводил на своей даче опыты с лекарственными растениями. Последний из них и привел к взрыву в его кабинете-лаборатории. Следователь Гуров связывает исчезновение профессора с домработницей Аглаей Степановной: ей Солитов завещал дачу. От нее же сотрудник угрозыска Люсин узнает, что пропала также сберкнижка Солитова, с которой перед этим была снята крупная сумма денег.

Глава восьмая

В КАРЕТЕ С ОПУЩЕННЫМИ ШТОРКАМИ

Визит в прокуратуру, мягко говоря, не вызвал у Наташи Гротто прилива энтузиазма. Ни особняк на Новокузнецкой, обставленный разностильной мебелью, ни сам следователь отрадного впечатления на нее не произвели. Вначале Наталья Андриановна держалась как всякий нормальный человек, заботящийся о сохранении собственного достоинства: по-деловому лаконично и сухо. Мало ли каких формальностей, часто обременительных и не слишком приятных, требует от нас жизнь? Останемся же на высоте при любых обстоятельствах.

Она не стала выяснять, что да почему, хотя в повестке и значился номер телефона, и приехала точно к указанному часу. Да и зачем суетиться, когда все ясно?

Прождав минут десять в приемной, Гротто разыскала секретаршу и дала ясно понять, что, если товарищ Гуров ее немедленно не примет, она уйдет и вряд ли сумеет найти для него время в следующий раз.

Пришлось Борису Платоновичу срочно перестраиваться, хотя он к этому не слишком привык.

— Извините великодушно, Наталья Андриановна,— пробубнил Гуров, выпроваживая посетительницу, в которой Гротто узнала лаборантку Леру.— Не рассчитал... Вы, конечно, догадываетесь, зачем вас пригласили?

— Естественно.— Развернув предложенный стул как ей было удобно, она села с замкнуто-выжидательным выражением.— Похоже, у вас вся наша кафедра перебывала?

— Похоже, что так.— Гуров украдкой оглядел очередную свидетельницу: «Красива, умна, с норовом,— подвел итог.— Такие из нашего брата веревки вьют». И загасил дымящуюся сигарету.

— Не проще ли было приехать самому, чем отрывать от дела столько людей?—положила конец

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1—4.

затянувшейся паузе Наталья Андриановна.— Вы не находите?

— Не нахожу. Так будет удобнее... для дела. А дело у нас с вами непростое, Наталья Андриановна.

— Дело у вас, товарищ следователь,— подчеркнуто разграничила она.— У меня же, простите, горе.

— Вы так дружили с Георгием Мартыновичем?— спросил он, придавая особую смысловую окраску своему «так».

— Да, мы дружили.— Она тоже подчеркнула, но иначе, чем он, по-своему.

— Должен ли я вас понять?..— Гуров не договорил, изобразив удивление.

— ...Что мы были в интимных отношениях?— Она улыбнулась, с холодной дерзостью вскинув голову.— Я думаю, будет лучше без недомолвок. Спрашивайте, пожалуйста, не стесняйтесь. Я отвечу.

— Ответите?— Борис Платонович принял шутливо-испуганный вид.— Ради бога не надо, меня совсем иное интересует!

Его действительно интересовало иное, но и от такой стороны дела он не открещивался отнюдь. А все же брошенного ею вызова не принял. Интуитивно почувствовал, что не за ним останется последнее слово на этом поле.

«Сильная баба»,— подтвердил он первоначальное впечатление.

Наталья Андриановна безучастно ждала продолжения разговора.

— Я посоветоваться с вами хочу,— сказал Гуров как мог проникновенно.— Вам известно, что он завещал дачу и крупную сумму денег Солдатенковой?

— Это его сугубо личное дело.

— Безусловно! Но лишь при условии, что нам известна его дальнейшая судьба. Не согласны?.. А вдруг преступление?

— Вы правы,— величественно-спокойно кивнула Гротто.

— Вот видите!.. Ну, и что вы по этому поводу думаете?

— Я мало знаю Аглаю Степановну. Но, по-моему, она единственный человек, кто по-настоящему предан Георгию Мартыновичу. Она ухаживала за ним, как за малым ребенком, лечила его...

— Вот именно лечила!.. Ведомственной поликлиники ему мало. А ведь у вас очень приличная поликлиника.

— Каждый волен лечиться по собственному усмотрению.

— Ладно, оставим это.— Борис Платонович махнул рукой.— Значит, Солдатенкову вы ни в чем не подозреваете?

— Какое право я имею подозревать?.. Вы некорректно формулируете вопросы. Ничего дурного за ней я не знаю. Последние годы Георгий Мартынович сильно сдал и чувствовал себя очень одиноко. Спасибо ей за то, что она скрашивала ему жизнь, как могла.

— Но ведь вы согласились, что могло иметь место преступление?

— Да она-то при чем?.. Вне дома искать надо. Человека искать. Мне так кажется.

— Правильно кажется. Но вы, простите, непозволительно отделяете следствие от причин. Что-то же заставило Солитова покинуть дом? Как, по-вашему?

— Тут вы правы,— незамедлительно признала она.— Товарищ, который приезжал к нам из уголовного розыска, тоже пытался отталкиваться от этой точки... Кстати, если это не секрет, почему делом... Одним словом, при чем тут прокуратура? Или милиция уже не ищет Георгия Мартыновича?

— Ищет,— пряча улыбку, кивнул Гуров, невольно проникаясь симпатией к собеседнице. Ее манера вести разговор обезоруживала. Явственно ощущалась прямолинейность, которую смягчала природная интеллигентность, высокий уровень самооценки и далеко не в последнюю очередь превосходно функционирующее логическое мышление. С такими людьми бывает либо очень трудно, либо необыкновенно легко. «Хорошо, когда они на твоей стороне»,— подумал он, ощутив легкий укол грусти.

— Товарищ из угрозыска совершенно обоснованно предположил несчастный случай. А раз случай... Мог выбежать на секунду, а тут почечная колика или острый печеночный приступ. Вы согласны со мной?

— Ваша аргументация безупречна. Ей бы цены не было, если бы люди, даже очень и очень больные, обладали способностью исчезать без следа.— Гуров выдержал красноречивую паузу, дав Наталье Андриановне возможность прочувствовать сказанное.— Поэтому нам не остается ничего иного, как сызнова начать все сначала. Я вам помогу здесь немножко, потому что сегодня мы располагаем сведениями, которых не имели вчера. Так, например, удалось установить точную дату ухода, или, если угодно, исчезновения, вашего завкафедрой. Произошло это в пятницу, через два дня после отъезда Солдатенковой. Больше того, мы знаем, что в этот день, причем утром, что-то около одиннадцати, Георгий Мартынович снял с книжки полторы тысячи рублей. Таковы факты.

— Ограбление?

— Мысль напрашивается сама собой, но ничем конкретным пока не подтверждается. Несмотря на вывешенные милицией объявления с портретом Солитова и описанием его примет, никаких сведений не поступило. Никто не видел его после сберкассы.

— А в сберкассе видели?

— Да, девочки его запомнили.

— Должна ли я вывести заключение, что Георгий Мартынович исчез сразу после получения денег? Нелепо.

— Конечно. Поэтому будем отталкиваться от известных фактов. Зачем вдруг могли понадобиться такие деньги? С какой целью?

— Гипотез можно выстроить сколько угодно, но ведь нужны основания.

— Позволю себе не согласиться с вами, уважаемая Наталья Андриановна. Число гипотез ограничено, и даже весьма. Если же мы станем отталкиваться от привычек товарища Солитова, его увлечений, даже страстей и так далее, то вы сами увидите, сколь ограничен окажется наш, извините, джентльменский набор.

— Насколько я понимаю, вы уже проделали эту операцию?

— Беседовать с вами одно удовольствие, Наталья Андриановна, вы схватываете буквально на лету.

— Тогда поделитесь вашими умозаключениями, а я попробую оценить их в меру возможности.

— Вы меня чрезвычайно этим обяжете. Но, чур, одно предварительное условие.— Борис Платонович лукаво прищурился.— Не принимать на свой счет и не обижаться! Гипотеза — всего лишь гипотеза, умозрительное построение. Поэтому принцип такой: выдвигаем, не стесняясь любой ереси, оцениваем, отсеиваем.

— Приступайте,— коротко кивнула Наталья Андриановна, далекая и неприступная в своей холодной математической броне.

— Дубль номер один!— пародируя киносъемку, Гуров хлопнул в ладоши.— Обыкновенный шантаж!

— С последующим похищением?— незамедлительно отреагировала Наталья Андриановна.— Вздор! Откупаться от кого-то, бежать в сберкассу, да еще в дождь, чтобы снять эти полторы тысячи...

— А что, если альтруистический порыв? Хотел кому-то помочь...

— В принципе исключить такое нельзя.— Она сдула упавшую на лоб прядку.— Но кому помочь? В чем?

— Пусть будет по-вашему.— Он сделал беглую пометку в блокноте.— Пойдем дальше.. Может быть, женщина?

— Ну, допустим, женщина, и что дальше? Опять-таки таинственное похищение? В карете с опущенными шторками, а потом убийство на Мосту урсулинок?

— Где он, этот ваш мост, разрешите полюбопытствовать?

— Понятия не имею. Нет, этот вариант не проходит.

— А почему? Не в образе Георгия Мартыновича? Свято верен памяти усопшей супруги? Женофоб? Или, может, бьется в тенетах своего злого гения, то бишь Степановны? Вот и представился удобный случай порвать путы.

— Нет-нет, не проходит.— Ее губы дрогнули в тонкой улыбке.— Слишком поздно. Если бы еще лет десять назад, то куда ни шло, а теперь нет. Поздно.

— Вы хотите сказать...

— ...то, что сказала. Вы не там ищете.

— Но почему? Уверяю вас, Наталья Андриановна, что знавал людей постарше Солитова, весьма падких на галантные эскапады.

— Охотно верю. Я и сама знаю тому примеры, но здесь иной случай. Георгий Мартынович мог увлекаться, хотя и не до такой степени, пока была жива Анна Васильевна. Ее кончина совершенно подкосила его. За какие-то месяцы он постарел на десять лет.

— Дались вам эти десять!— проворчал Гуров.— Значит, вы и мысли не допускаете, что он мог ринуться очертя голову в последнюю авантюру? Навстречу прощальной улыбке судьбы?

— Что вы имеете в виду?— не поняла Гротто.

— Какую-нибудь молоденькую дамочку, которая закрутила беднягу и увлекла... Ну, скажем, на Черноморское побережье Кавказа? Или в Крым? В Прибалтику, Закарпатье — незнамо куда! Были, были аналогичные эпизоды. Причем с мужами такого уровня... Ого-го!

— Кое-что слышала в этом роде,— признала Наталья Андриановна.— Более того, я была бы счастлива, если бы и с Георгием Мартыновичем случилось такое.

— А уж как бы я был счастлив, Наталья Андриановна, вы и представить себе не можете! Знай я сейчас, где и с кем пребывает ныне наш достопочтимый профессор, я бы и не подумал нарушить его сладостное уединение. Ждать, благо, недолго. Денежки в подобных случаях уж очень быстро кончаются. Можете мне верить.

— Нет, я вам верю, только боюсь, что напрасны наши столь радужные надежды.

— Так ли? Человек в отпуске, абсолютно свободен, располагает средствами... Вы что, полностью исключаете?

— Полностью трудно исключить что бы то ни было в человеческой жизни. Но ваша очередная гипотеза маловероятна. Давайте следующий дубль. Какой он у вас по порядку?

— Вы даже не желаете раскрыть карты,— пожаловался Борис Платонович.— Я принужден полагаться на веру.

— Таковы условия нашей игры. Вы ведь сами так захотели?

— Положим, немножко не так, но замнем для ясности. Хоть закурить разрешите?

— Сделайте одолжение.

— Сколько мог крепился.— Он торопливо зажег дешевую, с удушливо-сладеньким запашком сигарету.

Наталья Андриановна взглянула на свои часы-медальон.

— Еще будут вопросы?

— Уже прискучило?— Он попытался разогнать дым.— Потерпите еще немного... С кем Георгий Мартынович был особенно дружен?

— Особенно ни с кем, но добрые отношения поддерживал со многими.

— С мужчинами? Или с женщинами тоже? Взять хоть ваших институтских...

— Оставим эту тему, она... неуместна в сложившихся обстоятельствах. Ведь налицо трагедия, а вы все ищете адюльтер.

— Не ищу, Наталья Андриановна. Пытаюсь надежно исключить, чтоб думать в другом направлении.

— Вот и думайте на здоровье — в другом.

— Непросто с вами, извините за откровенность.

— Не вы один это заметили.

— Однако у нас с вами не совсем обычная встреча, Наталья Андриановна. Я представляю закон, и вы...

— ...Обязана отвечать на все ваши вопросы?— с присущей ей стремительностью парировала Гротто.— Даже если они представляются мне бестактными? Ну уж нет! Я вообще не желаю более разговаривать, потому что устала и не в настроении. Можете применить ко мне соответствующую статью. Сделайте одолжение.

— Спасибо за помощь, Наталья Андриановна.— Гуров встал, давая понять, что беседа окончена.— Сожалею, что у вас не хватило терпения выслушать меня до конца.

— Что поделаешь.— Она тоже поспешно поднялась, ощущая запоздалую неловкость.

— До свидания.— Он сделал попытку проводить ее до двери.

— Нет уж, прощайте!

Глава девятая

СБЕРКАССА, ДОЖДЬ, ПРИОТКРЫТАЯ ДВЕРЬ

Дождь хлынул ночью в канун предсказанного Степановной дня. Люсину, стремившемуся с максимальной точностью воспроизвести обстановку, это оказалось как нельзя более на руку.

— Маленькая сценка, которую мы сейчас разыграем, милые женщины, называется следственный эксперимент,— объяснил он сгоравшим от любопытства труженицам поселковой сберкассы.— Но вы не обращайте внимания на мудреные термины и всякую официальщину. Постарайтесь сбросить напряжение. Вспомните, как играли в детстве. Свободно, раскованно, с упоением... Я понятно говорю?— Он наклонился к окошку Веры Петровны, старшего контролера.

— Мы постараемся.— Молоденькая женщина в пуховой розовой кофте смущенно улыбнулась.

— Вот и замечательно! Роль Георгия Мартыновича Солитова попробует взять на себя мой товарищ.— Владимир Константинович кивнул на Гурова.

Несмотря на то, что доставившая их милицейская «Волга» остановилась у самого порога, Борис Платонович ухитрился изрядно намокнуть. С его плаща и шляпы стекали тонкие прерывистые струйки. Он поминутно чихал, нервно отирался платком и вид имел довольно жалкий.

— Они совсем на профессора не похожи,— ехидно стрельнув глазками, высказала сомнение кассирша Марина.— У Георгия Мартыновича зонт был. Он еще его на подоконник поставил.

Люсин взглянул на низкий подоконник и деревянную решетку под ним, за которой виднелись чугунные ребра радиатора водяного отопления. На подоконнике стоял горшок с каким-то широколистным волосатым растением. Люсину всюду теперь попадались цветы, назойливо лезли в глаза, даже ухитрялись прокрадываться в сумеречные пространства сна. Для зонта, даже раскрытого, на подоконнике оставалось достаточно места.

А за окном белыми размочаленными веревками плясали струи. На залитом асфальте вскипали крупные пузыри. Жалко подрагивала пригнутая к земле ветка. Зарядило, судя по всему, основательно.

— Зонт мы заменим этой штуковиной,— нашелся Владимир Константинович и вручил Гурову свернутую в трубку газету.

— Я бы могла дать свой,— предложила Вера Петровна.

— Не стоит.— Люсин улыбнулся.— Ведь вы будете помнить, что это именно ваш зонтик... Ну как, готовы? Тогда все по местам, а на меня, пожалуйста, не смотрите. Меня здесь нет.

Гуров, словно в прокручиваемой обратно киноленте, двинулся спиной к выходу. Протяжно вздохнув, захлопнулась за ним дверь с табличкой «Закрыто». Каким-то шестым чувством Люсин расслышал за шипением струй и хлюпаньем пенных потоков, как переступили сапоги участкового на крыльце и как закашлялся Гуров.

Далее пошло по отрепетированному сценарию. Войдя, Гуров приостановился, потопал, сделал вид, что складывает зонт, и приблизился к окну контролера. Здесь он оглянулся, попятился к подоконнику, где и пристроил свое водозащитное орудие.

— Ну и льет! Лета как не бывало,— произнес он с непринужденной естественностью, которая могла сделать честь любому профессиональному актеру.— Как жизнь молодая?

— Нет никакой жизни!— отрезала Марина, четко воспроизводя текст.— Мне с понедельника в отпуск, а тут, как назло...

— А я говорю тебе — переиграй,— подала свою реплику Вера Петровна, все же не уверенная до конца, что говорила в тот раз именно это.— В месткоме путевка имеется на сентябрь месяц. В Анапу. Хоть отдохнешь, как человек, в кои-то веки. Давайте, Георгий Мартынович, чего там у вас?

Быстро заполнив талончик, который вложил затем в согнутую пополам рекламку, скромно перечислявшую прелести страхования, Гуров просунул руку в окошко.

— Не знаю, хватит ли у нас денег.— Вера Петровна озабоченно покачала головой, сделав вид, что ищет карточку в ящиках вращающейся этажерки.— Тысяча пятьсот, Марина!

— Вы уж извините, что я не предупредил,— объяснил Гуров.— Понадобилось, знаете.— На сей раз поданная им реплика не блистала талантом перевоплощения.

— По-моему, он сказал тогда «срочно»,— выходя из роли, уточнила Марина.

— Ты думаешь?— спросила с сомнением Вера Петровна.

— Определенно. Я потом еще...

— Пусть будет срочно!— распорядился Люсин, возникая из своего условного небытия.

— Вы уж извините, что я не предупредил,— послушно пошел на второй круг Борис Платонович,— срочно понадобилось, знаете.

— Я должна посмотреть!— строго заявила Марина и с надменно вскинутым лицом вышла из-за своей загородки.— Не можем же мы остаться на целый день без всего!

— Да, нескладно получилось.— Изображая неловкость, Гуров затоптался, оставляя на полу грязные отпечатки.— Конечно, нужно было заранее...

«Неплохо,— оценил Люсин, с интересом завзятого театрала следя за перипетиями игры.— Размотать девчонок на такой текст!»

— Теперь ты, Вера,— тихо подсказала подруге Марина, громыхнув для пущего эффекта створками сейфа.

— Разве я?.. Ах да!— Вера Петровна залилась краской.— Ничего, Георгий Мартынович, что-нибудь придумаем. Ты погляди, Мариночка.

— Не знаю, не знаю.— Даже лопатки Марины, мягко обозначенные зеленой тканью платьица в стиле «сафари», выразили, упрямо дрогнув, сомнение.— А вдруг еще кто спросит? В банк, так и знай, я сегодня не поеду.— И она вернулась к себе, неся в руках невидимые пачки.

— Как-нибудь исхитримся.— Вера Петровна в отточенных движениях воспроизвела операцию и кивнула на соседнее окно.

— Спасибо большое.— Клиент переместился в сторону кассы.

— Могу только пятирублевками,— сказала Марина.

— Мне совершенно все равно, уверяю вас, совершенно... Благодарю за любезность.— Гуров согнулся, словно прятал деньги во внутренний карман.

— Все?— спросил Люсин, отпуская напряженные мускулы.

— Вроде все,— подтвердила Марина.— Так оно и было.

— Чего-то, по-моему, не хватает.— Обозначив милые ямочки, Вера Петровна виновато улыбнулась.— Кажется, в этот момент хлопнула дверь.

— Да ты что?— вскинулась Марина и перевесилась через перегородку.— Никого ж не было!

— Не было,— согласилась Вера Петровна,— но дверь определенно стукнула, хоть и не в полную силу.

— Так?— Люсин приоткрыл дверь наполовину и отпустил, предоставив действовать астматически вздохнувшей пружине.

— Слабее,— откорректировала Вера Петровна.— Чуточку.

— Как сейчас?— Он не замедлил попробовать.

— Да, похоже...

— Тогда попрошу всех повторить еще раз,— распорядился Люсин, входя во вкус упоительной режиссерской тирании, перед которой любая другая власть не более чем бледная тень.— Меня теперь окончательно нет. Пошли!— Он скрылся, оставив щелку, в которую мог видеть лишь кусочек кабинки кассира.

Представление повторили на «бис». Из темного, продуваемого дождевой сыростью тамбура Люсин ловил знакомые реплики: «Ну и льет...», «В Анапу...», «Тысяча пятьсот...». Потом в поле зрения появилась спина в мокром плаще: «Могу только пятирублевками...»— и заключительное: «Благодарю за любезность».

Тут спина слегка сгорбилась и начала медленно наступать прямо на Люсина. Он почти непроизвольно выпустил ручку и отшатнулся. Натруженный язычок защелкнулся с привычной печалью. Удушливым всплеском сердцебиения отозвался в ушах этот недужный вздох.

— Как теперь, Вера Петровна?— Он с трудом заставил себя промедлить несколько тактов.— Похоже?

— Теперь правильно,— вполне уверенно подтвердила она.

— Ах, какие же вы обе молодцы!— Люсин благодарно просиял.— Даже не представляете себе, как это важно. Собственно, все и делалось лишь для того, чтобы вы могли вспомнить.

— Неужели кто проследил?— догадливо поцокала языком Марина.— Это же надо... Какого человека!

— Неужели убили?!— ужаснулась Вера Петровна.

— Пока ничего не известно,— чистосердечно признался Люсин.— Ну что, Борис Платонович, побредем?

Они перебежали к машине, вдоволь черпнув ботинками холодной воды. Подмокший, невзирая на дождевик с капюшоном, участковый поспешно нырнул следом. Предупредительно захлопнув за московским начальством заднюю дверцу, он осторожно, чтобы не замочить, подсел к шоферу.

— Мне показалось, что вы хотели задержаться,— сказал Люсин, отряхиваясь.— Извините, если поторопился.

— Н-нет, ничего,— протянул Гуров и, наклоняясь к участковому, поинтересовался:— Вас куда, лейтенант?

— Мне рядом.— Он ткнул пальцем в непроницаемый туман за стеклом.— Пообедаю, раз такое дело... Может, погостите у нас?

— Спасибо за приглашение,— Люсин переглянулся с Гуровым,— но как-нибудь в другой раз.

Подбросив участкового до самого дома, где его ждали густые горячие щи с мозговой костью, шофер осторожно свернул на раскисший проселок. Угрожающе отдавалось в рессорах, отчаянно рычали шестерни, заливая все и вся, обрушивались тяжелые глинистые каскады.

— А я еще намеревался прогуляться до станции,— посетовал Люсин.

— Бесполезное дело,— махнул рукой Гуров.— В двух шагах ни черта не видать. Мы хоть правильно едем?

— Довезу вас, Борис Платонович, не сомневайтесь,— весело откликнулся Коля Самусь, ловя смутный проблеск под надсадно скребущими дворниками.

— Не понравилось мне это «срочно» её, Владимир Константинович,— крутнул головой Гуров, ожесточенно раскуривая отсыревшую сигарету.— В первый раз она мне такого не говорила.

— И что из этого следует?

— Может, и не следует ничего, а проверить не мешает. Исключить возможность наводки, чтобы не думалось.

— Наводка?— Люсин с сомнением оттопырил губу.— Зачем тогда было про дверь вспоминать? Ведь все и составилось у нас из-за этого стука.

— Так про то другая вспомнила, Вера Петровна...

— Значит, вы полагаете...

— Ничего я не полагаю, Владимир Константинович. Только оно дорогого стоит, это крохотное уточнение.

— Ваша правда,— признал Люсин.

— Догадываюсь, что не очень вы меня, старого сухаря, одобряете и размолвку с Натальей Андриановной все никак простить не желаете, но ничего с собой поделать не могу. Так уж устроен.

— Себя ломать — последнее дело.— Люсин задумчиво усмехнулся.— У каждого свой стиль, Борис Платонович, и ничего тут не попишешь. Хотя как-то приноравливаться все-таки не мешает.

— Спасибо за намек.— Гуров старательно выдувал дым в узкую, как лезвие, щель, но дождь ломал тонкую струйку и гнал обратно.

— Ради бога, Борис Платонович. Никаких намеков. Не смею, да и не нахожу оснований, как на духу говорю, в чем-либо вас упрекнуть. По-моему, мы неплохо работаем в паре... Пока.

— Значит, не упрекаете? И на том спасибо...

— Я бы не стал так ставить вопрос.

— Поторопился я с Натальей, пережал. С кем не бывает?.. Тем более что знахарочку вашу я за три версты обхожу. Уговор помню... Вы из нее, кстати, ничего не выжали?

— Человек не виноград, Борис Платонович,— чувствуя, что вот-вот сорвется, процедил Люсин.— Я, извините, не приемлю такую терминологию... Но давайте лучше о деле, коль уж вы затронули. Я навел кое-какие справки. Аглая Степановна действительно ездила на свадьбу к своей крестнице Галине, оператору машинного доения. Молодой она привезла в подарок финские сапоги, и жениху — чайный сервиз, так сказать, на обзаведение. Что же касается ее лесных походов и ваших сомнений, вполне резонных, и насчет осеннего сбора, то тут у меня душа спокойна. Хотите знать, почему?

— Интересно послушать.

— Аглая Степановна не скрыла от меня, что и с какой целью искала. Даже урожай свой продемонстрировала, хоть я в таких материях, мягко говоря, слабо ориентируюсь.

— Я тем более. И это наша общая беда.

— Но я все же проконсультировался со специалистами, даже литературу кое-какую полистал. Вот краткие заключения насчет собранного Аглаей Степановной растительного сырья.— Люсин раскрыл записную книжку.— Шерошница душистая, или ясменник пахучий,— Асперула одората,— он со вкусом подчеркнул латинское звучание,— собирают после цветения... Прошу обратить внимание: после. Применяется для общего улучшения обмена веществ, хорошо действует на печень и желчный пузырь. Подходит?

— Пока согласуется.

— Пойдем дальше. Буквица лекарственная — Бетоника оффициналис. Собирают ее весь период цветения, который продолжается с июня до сентября, влияет на печень. Наконец, третье — жеруха.

— Блатное, однако, названьице.

— Это уж как взглянуть, Борис Платонович. Это уж дело вкуса... Если не нравится, называйте по-латыни: Настуртиум. Цветет она с мая до конца сентября. Употребляется исключительно в свежем виде, поскольку при сушке теряются лечебные свойства. Особенно показана при нарушениях функции печени и желчнокаменной болезни... Вас устраивает? Диагноз, поди, не забыли?

— Выходит, почти кругло,— признал Гуров.— Если, конечно, исключить возможность заранее заготовленной легенды.

— Такого подарка нам с вами никто не приготовил. Можете сомневаться сколько угодно, но, извините, про себя.

— Это я понимаю!— Гуров кисло улыбнулся.— И чту священный принцип презумпции невиновности во всей его... Не знаю чего...

— Вы, кстати, что кончали?

— Юридический факультет МГУ, заочно.

— Узнаю изысканную латынь. Школа! Альма-матер!..

— А насчет этой Марины я все-таки наведу справки. Не возражаете?

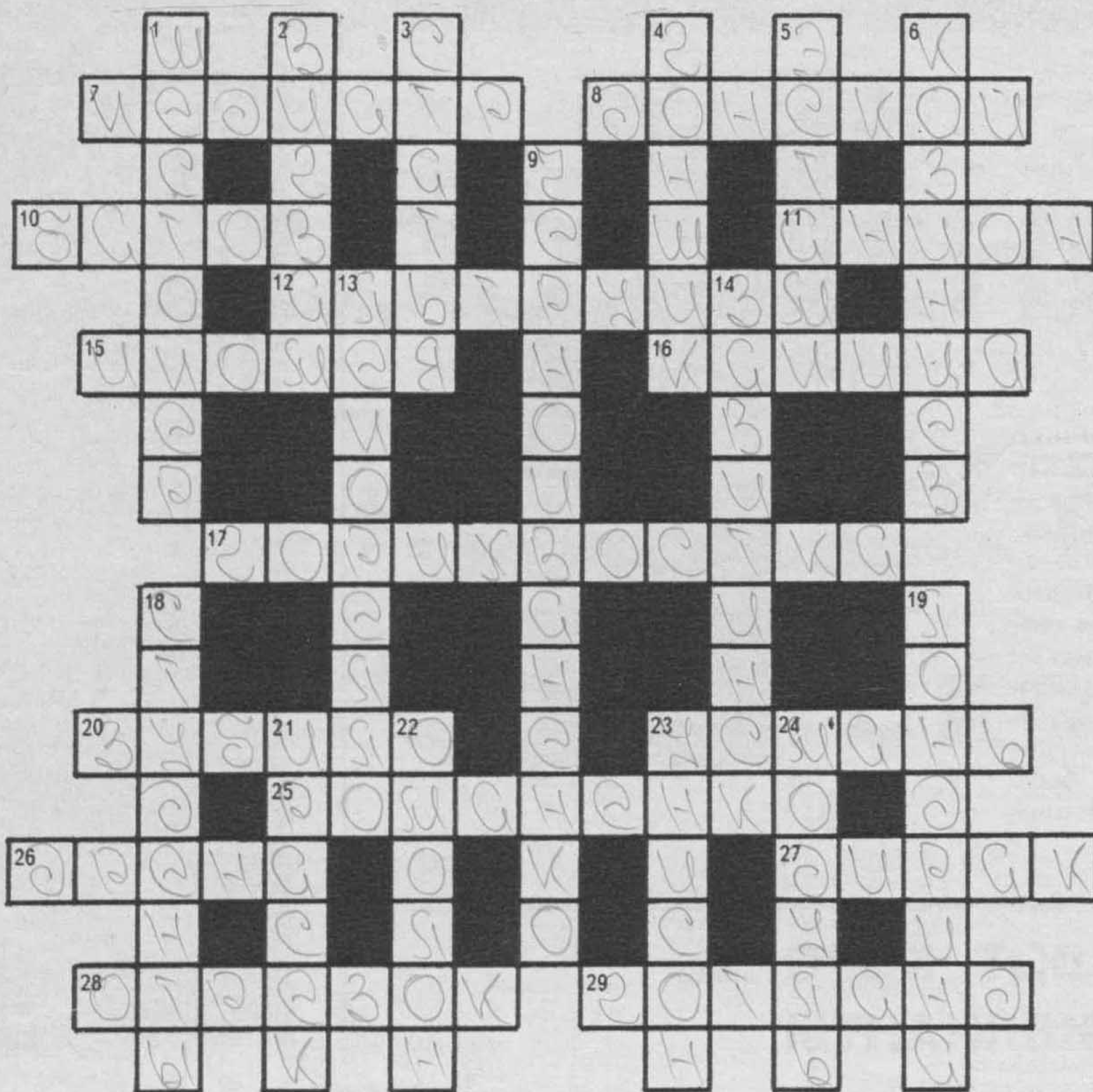
— Ваше полное право.

— Вы бы, конечно, не стали?

— Почему? Если бы вдруг возникло сомнение, не замедлил бы.

— Вдруг? Вдруг, дорогой мой Владимир Константинович, ничего не случается. На все есть своя

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Детский врач. 8. Кинорежиссер, народный артист СССР, Герой Социалистического Труда. 10. Генерал армии, дважды Герой Советского Союза. 11. Отрицательно заряженная частица. 12. Бескорыстная забота о благе людей. 15. Декоративное тропическое растение. 16. Ученый-физик, дважды Герой Социалистического Труда. 17. Певчая птица. 20. Клиновидный инструмент для рубки металлов. 23. Приток реки Воронеж. 25. Летчик-космонавт, дважды Герой Советского Союза. 26. Искусственный водоток в почве для отвода грунтовых вод. 27. Английский физик, один из создателей квантовой механики. 28. Часть прямой линии. 29. Остров в Финском заливе.

По вертикали: 1. Древнерусское оружие. 2. Жилище индейцев. 3. Научное, публицистическое произведение в газете, журнале. 4. Спортсмен, состязающийся в скорости езды. 5. Отпечаток, станковая гравюра, литография. 6. Кинорежиссер, народный артист СССР, лауреат Ленинской премии. 9. Один из героев тетралогии В. П. Катаева «Волны Черного моря». 13. Действующее лицо в опере В. А. Моцарта «Дон-Жуан». 14. Город в Амурской области. 18. Роман Ю. В. Трифонова. 19. Город на юге Бразилии. 21. Чешский писатель. 22. Река на севере Якутии. 23. Созвучие музыкальных звуков одинаковой высоты. 24. Унифицированный узел радиоэлектронной аппаратуры.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 4

По горизонтали: 4. Экономика. 7. Объективность. 10. Ворота. 11. Риони. 12. Анкона. 16. Костяника. 18. Мордасова. 19. Ингаляция. 20. Альпинизм. 22. Трасса. 23. Планк. 25. Маниок. 26. Автоматизация. 27. Матюшенко.

По вертикали: 1. Провизор. 2. Конкур. 3. Бианки. 5. Обстоятельство. 6. Стандартизация. 8. Красноград. 9. Городничий. 10. Вокалист. 13. Академик. 14. Лисица. 15. «Братья». 17. Ария. 18. Маша. 21. Мартышка. 23. Память. 24. «Казань».

ХОЧУ СПРОСИТЬ

Музыка и живопись, театр и художественная самодеятельность, работа библиотек и цирков, выпуск грампластинок, организация гастролей творческих коллективов и популярных звезд эстрады в стране и за рубежом — все это и еще многое другое находится в ведении Министерства культуры СССР.

И все это непосредственно касается каждого из нас!

Министр культуры СССР Василий Георгиевич Захаров готов ответить, уважаемые читатели, на ваши вопросы, просьбы, предложения.

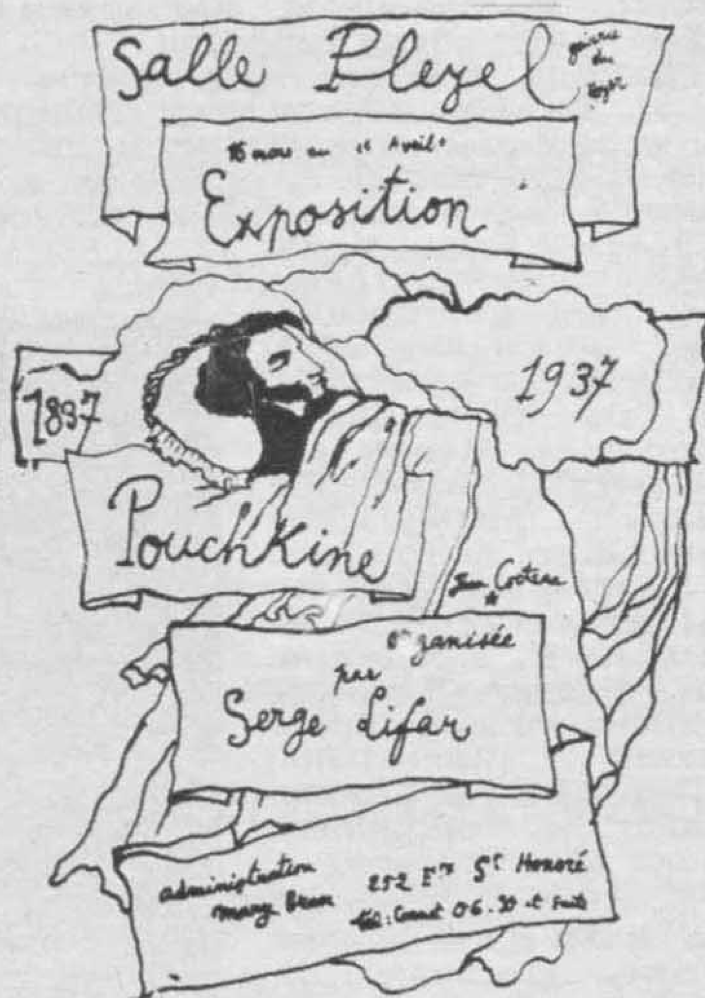
Телеграммы с вопросами мы ждем до 20 февраля.

Наш адрес: Москва, 748, Бумажный проезд, 14, «Огонек», «Хочу спросить».

Автора самого интересного вопроса ждет приз.

Напоминаем: вопросы должны быть четкими, краткими, деловыми.

СКОРО В «ОГОНЬКЕ»

ПУШКИНУ

«...Так полон голос милой жизни,
Такою прелестью живим,
Что слышим мы в печальной тризне
Дыханье светлых именин»,—
сказал о нем М. Кузмин.

В эти дни мир отмечает 150-летие со дня смерти нашего национального гения. Ему мы посвящаем многие материалы следующего номера. В «Огоньке» выступает академик Д. С. Лихачев, И. С. Зильберштейн рассказывает о «Пушкиниане» С. Лифаря. Вы прочтете, что писали о Пушкине Анна Ахматова и Владислав Ходасевич, узнаете о результатах проведенной по инициативе нашего журнала криминалистической экспертизы анонимного пасквиля, ставшего предвестником гибели Поэта, побываете в садах Лицея, Болдине, пушкинском Святогорье...

невидимая причина... Ничего у меня, кроме благодарности, к этой даме нет. Но резануло словечко, не скрою. Уж больно кстати припомнила!

— Кстати, если учесть последующие события. Едва ли она ожидала, что Вера Петровна скажет про дверь.

— Явно не ожидала. Даже вскинулась сперва, что тоже наводит на размышления.

— По-моему, нормальная реакция,— заметил Люсин.

— Эх, времени жалко! Я же так и знал, что все просто в подлунном мире. Сложности не для наших клиентов. Они вьют круги, запутывают, но в основе всего примитив. Да и чего ждать? Если ты способен убить человека из-за... словом, из-за бумажек, то грош тебе цена как мыслящей личности. Ты уже не гомо сапиенс и вообще никакой не гомо. Так, протоплазма с навозом... Чего делать будем-то?

— Первым делом пройду я этим путем до станции. Как только погода позволит.

— А пока?

— Продолжу расшифровку. Мне эта кабалистика солитовская покоя не дает. По ночам снится вместе с дурманом и белладонной.

— Неужели вас все еще волнуют эти чудачества, чепуха, можно сказать, на постном масле? Уж теперь-то мы знаем, что к чему!

— Знаем? Не слишком ли сильно сказано?.. Кстати, Борис Платонович, утром меня снова затребовали на ковер.

— Что, торопит любимое начальство? Так ведь и меня, грешного, теребят.

— К тому, что торопят, я привык. На то и щука в реке, чтоб карась не дремал. Не первый год служу и наловчился выслушивать понукания. Но одна фраза, скажу вам по чести, меня проняла.

— Что же это за фраза такая особенная? Уж не намекнули ли вам на понижение в должности?— Гуров сочувственно рассмеялся.

— Понижение мне не грозит,— с непроизвольной улыбкой ответил Люсин,— как, впрочем, и повышение. Просто мне напомнили, что патенты Солитова принесли миллионы в валюте. Миллионы!

— Ну и что?

— А то, уважаемый коллега, что любая неясность в таком деле невольно наводит на размышления. Самого разнообразного свойства. Надеюсь, вы понимаете?

— Но ведь только что...

— Да, вы правы, только что впервые обозначился след. Версия, примитивная и железная в своей однозначности. Но как раз это меня и настораживает.

— Почему, позвольте спросить? Разве речь идет не о весьма значительной сумме? Таксиста на прошлой неделе из четырнадцатого парка по голове стукнули за меньшее. У него, судя по счетчику, тридцать шесть рубликов было.

— Да знаю я,— устало отмахнулся Люсин.— И про то, как алкоголики из-за пятерки насмерть порезались, не в газете прочитал... И все же!

— Ну, не мне вам советовать, Владимир Константинович. Тем паче что с собачкой не погуляешь: остыл след. Мозгами ворочать надо. Разгадывайте свои иероглифы, раз уж возникла такая нужда. Прошу извинить, если осложнил вам с Натальей Андриановной.

— Боюсь, что так.— Люсин озабоченно почесал макушку.— Пошлет она меня куда подальше и будет права.

— Она-то? Уж это точно. Она может... Хотите, я у нее официально прощения попрошу?

— Издеваетесь?— Люсин неодобрительно покосился на не в меру разговорившегося напарника.— Как-нибудь обойдемся без жертв.

— Обиделись никак?

— Напротив. Начинаю понимать, что с вами все-таки можно сосуществовать. Без последнего куска хлеба не оставите.

— Уж не идея ли наклюнулась какая?

— Может, и наклюнулась, только нипочем не скажу.

— Да знаю я ваши муровские штучки! Хотите на спор?

— На пиво.

— Ну, пиво, так пиво, хоть я его и в рот не беру... А думаете вы, милейший, что надо вдарить по темному элементу. Проверить, короче говоря, местную клиентуру. Станете отпираться?

— Не стану.— Люсин задумчиво покачал головой.— Куда от вас денешься? Ориентировку мы, конечно, пошлем, хотя чует мое сердце, что пользы от нее не будет, как от козла молока. Но на пиво вы заработали.

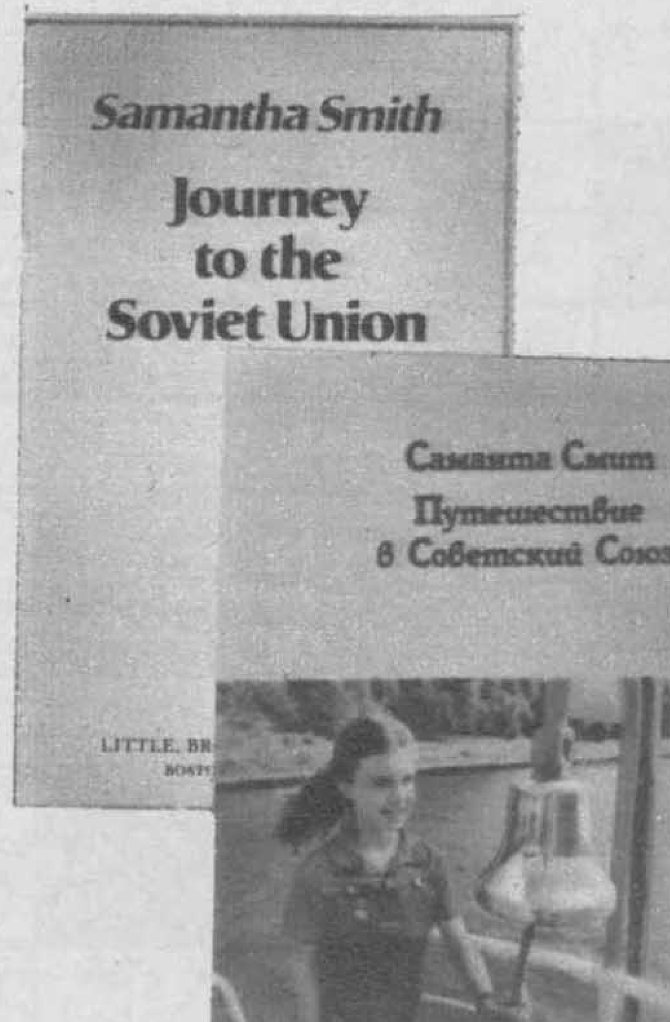
— Ой, хитрите, майор!— Гуров проницательно прищурился.— Другое у вас сейчас на уме.

— Верно, другое. Жалею, что не завернули к Аглае Степановне. Придется позвонить. Хочу справиться, когда дождь кончится.

Продолжение следует.

АВТОР КНИГИ — САМАНТА СМИТ

Эти книги вышли одновременно в двух странах — США и СССР: одна — на английском, другая — на русском языке. У книг один автор — Саманта Смит, одно название — «Путешествие в Советский Союз». Это честный рассказ четырнадцатилетней американской школьницы об СССР, о советском народе. Есть в книге слова, которые Саманта адресовала всем детям Земли: «Они должны быть уверены в том, что на нашей планете всегда будет мир».

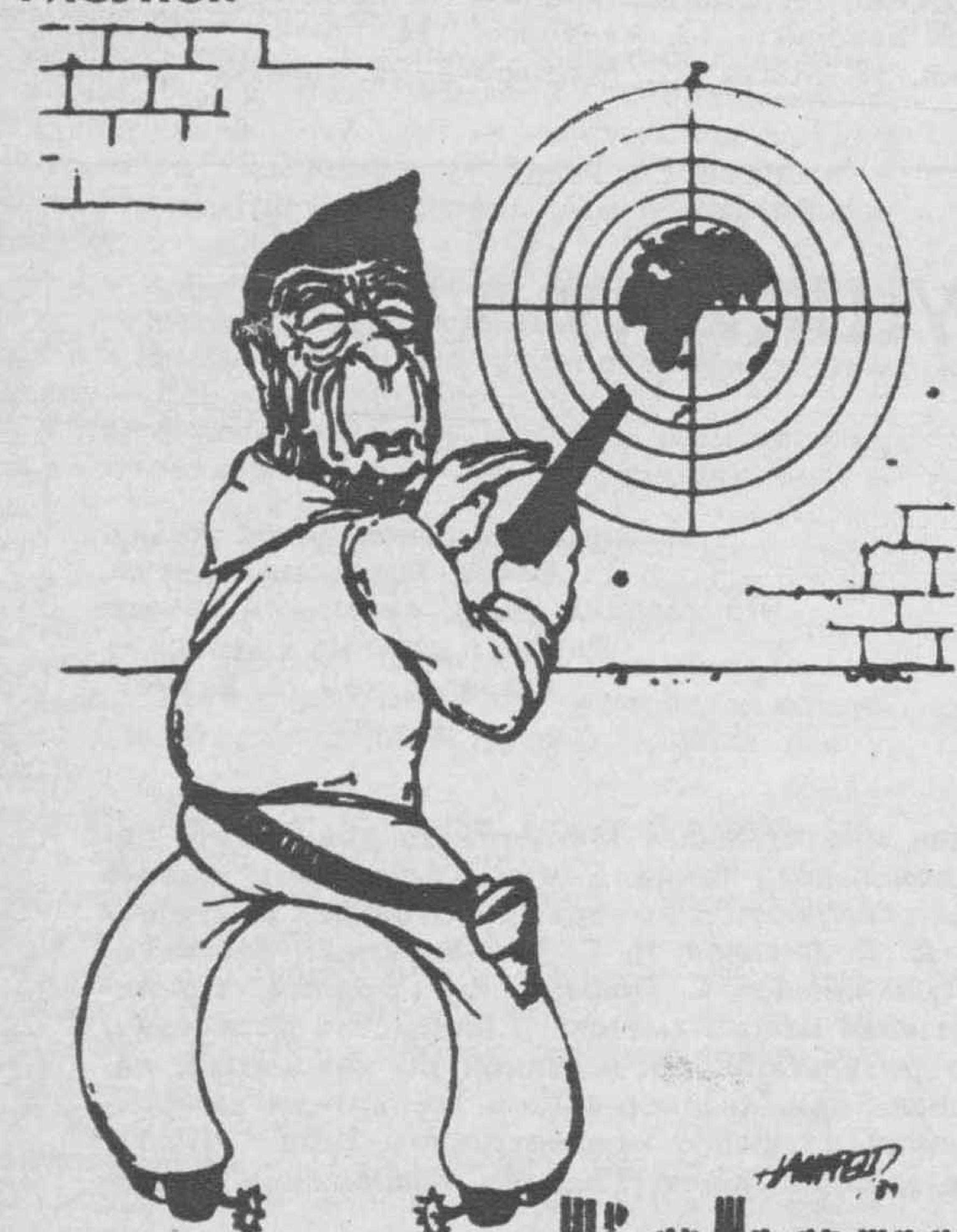

ИЗ ЖИЗНИ «СКУОТТЕРОВ»

И это — в одной из развитых стран Европейского экономического сообщества!.. Молодая супружеская пара, позируя перед объективом фотокамеры с целью привлечь внимание к ужасному своему положению, вынуждена скрывать лица под глухой маской с узкими прорезями для глаз. Нет, они не террористы, а всего-навсего люди, лишенные жилья. Городские власти Копенгагена устанавливают непомерно высокие цены за квартиры, которые не по карману молодым семьям. Объединяясь в своеобразные «коммуны», юноши и девушки занимают пустующие здания, откуда их силой вышвыривают во время полицейских облав. На датских «скуоттеров» заводятся досье, и при повторном задержании они могут быть привлечены к ответственности...

Вот почему их лица скрывают маски, вот почему их руки в перчатках. Живущим «на дне» отказано в элементарном человеческом праве — иметь крышу над головой.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ РИСУНОК

Nepszabadsag

На прицеле — планета

А ВОТ КОРОНЫ, БРИЛЛИАНТЫ

Единственный в Скандинавии музей, где можно увидеть королевские регалии и украшения со всего мира, расположен в небольшом финском городке Кеми. И хотя в музее находятся лишь точные копии, выполненные мастерами-ювелирами, они привлекают сотни туристов.

Где еще увидишь британскую корону Елизаветы II, регалии норвежских монархов? Все предметы исполнены с необыкновенной точностью и ничем не отличаются от оригиналов, разве что драгоценные камни заменены на искусственные.

Здесь, в музее Кеми, можно посмотреть копии тех драгоценностей, оригинала которых уже не существует. Так произошло с ожерельем Марии Антуанетты. После Великой французской революции оно попало в Лондон, и все его 647 бриллиантов были вставлены в перстни. Нет также самого большого в мире бриллианта «Каллинэн», найденного в Трансваале и весившего около 600 граммов.

На снимке: копия короны Елизаветы II.

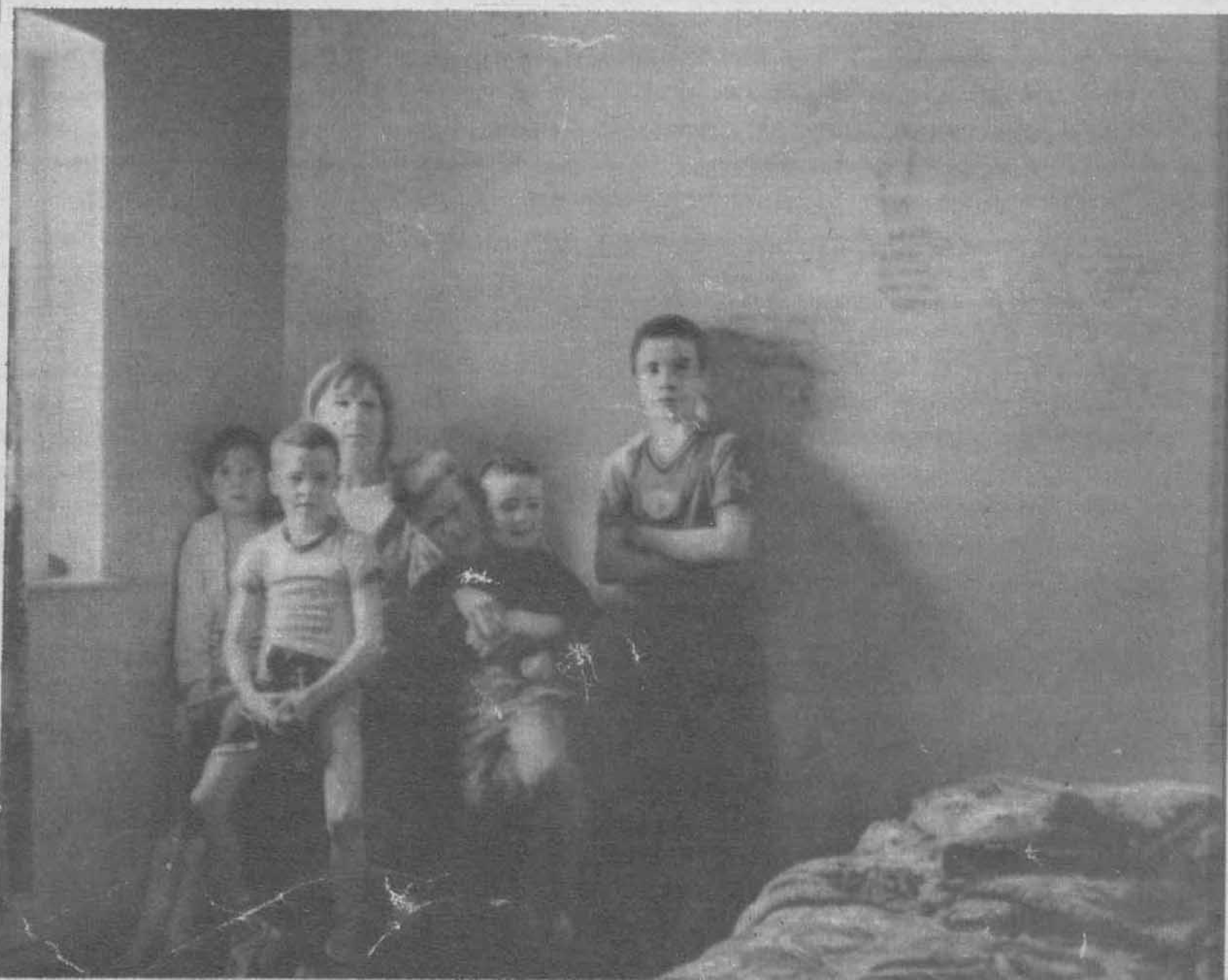
PERSPEKTYWY

ВТОРОЕ ЛИЦО БРИТАНИИ

Невидимая граница протянулась в Великобритании между богатым югом и бедным севером. На юге — современная технология в промышленности, оживленная банковская деятельность. А о северных городах, таких, как Манчестер, Ливерпуль, Ньюкасл, Глазго, сегодня даже не скажешь, что и они когда-то были в центре экономического бума. За последние 10 лет занятость только в угольной промышленности снизилась с 36 тысяч до 16,5 тысячи человек, а всего около 3,3 миллиона британцев не имеют возможности трудиться. Социологические исследования доказывают психологическую неуравновешенность безработных, растущее среди них количество самоубийств, увеличение числа алкоголиков и наркоманов как еще одно свидетельство безнадежности.

Неприглядно лицо Великобритании на фотографиях Стюарта Фрэнклина, помещенных в американском еженедельнике «Ньюсуик»...

В МУЗЕЙ ИЛИ НА СВАЛКУ?

Иначе, как «ползучим неонацизмом», историю эту назвать нельзя. В Федеративной Республике Германии неожиданно возник спор в культурных кругах, продолжающийся вот уже который месяц. Жаркие дебаты разгорелись по поводу 6255 «творений» нацистских художников, пылящихся в запасниках малоизвестного армейского музея Баварии в Ингольштадте и как будто забытых. Никто пока не набрался смелости назвать искусством это «наследие», возвращенное недавно американскими властями ФРГ. Но вот нашлись те, кто решился поднять голос в защиту примитивной нацистской мазни, прославляющей культ силы, героизирующей эсэсовцев с квадратными подбородками, воспевающей порабощение германской армией соседних государств Европы. А один из тех, кому не дает покоя прошлое, призвал даже поместить «коричневую живопись» в лучшие галереи страны...

Но, понятно, нашлись трезвые головы. Искусствовед Лотар-Гюнтер Буххайм из Мюнхена (он на снимке), его коллеги Петер Бодэ, Ханс-Альбер Петерс и другие решительно потребовали вывезти полотна на свалку. По их твердому убеждению, взятые некогда американцами в качестве трофеев картины настолько примитивны и беспомощны, что, не имей они отношения к «двенадцати позорным годам немецкой истории», никто не обратил бы на них абсолютно никакого внимания.

КТО ЕСТЬ КТО

ПЕТР МЛАДЕНОВ, член Политбюро ЦК БКП, министр иностранных дел Народной Республики Болгарии.

— Мир неделим — эта истина сегодня очевидна, как никогда прежде. Нельзя, чтобы безопасность для одних превращалась в опасность для других. Другими словами, осуществление национальной безопасности требует создания надежной системы всеобщей международной безопасности.

Гэс ХОЛЛ, Генеральный секретарь Компартии США.

— Растет и ширится тревога во многих кругах нашего общества, включая капиталистический класс, средства массовой информации и членов конгресса. Вновь повеяло «духом фашизма», на который надо указать и за которым надо следить. Нам нужен народный комитет бдительности, чтобы насторожить американский народ и не упускать из виду эту растущую опасность.

Гру Харлем БРУНДТЛАНД, премьер-министр Норвегии, председатель Норвежской рабочей партии.

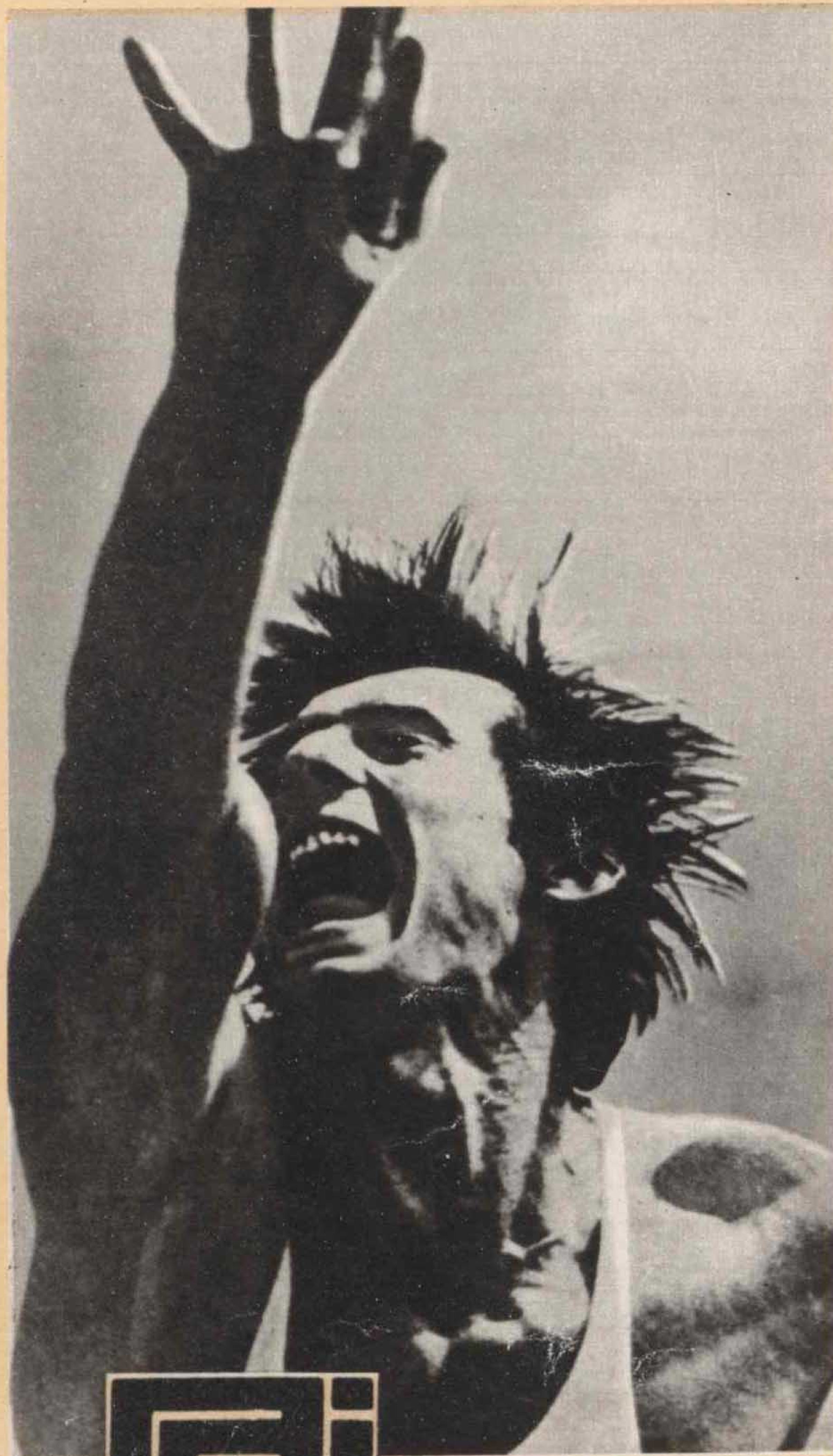
— Правительство Норвегии выступает против СОИ, равно как и любых целенаправленных исследований, ведущих к созданию оружия для использования в космосе...

Воле ШОЙИНКА, нигерийский драматург и писатель, лауреат Нобелевской премии 1986 года по литературе.

— Африканским писателям потребовалось восемьдесят пять лет, чтобы удостоиться впервые Нобелевской премии в области литературы. Африканское искусство, глубокие культурные традиции Африки прошли долгий и трудный путь, прежде чем нашли дорогу в мир за пределами континента. Сейчас время нам самим создать столь же престижную премию, которая бы финансировалась на африканские средства и давала бы признание деятелям литературы с черным цветом кожи.

РАКУРС

Двенадцать лучших фотомастеров Польской Народной Республики прислали в Москву свои работы. Экспозиция, в которой свыше пятисот фотографий, разнообразных по тематике, сюжетам, технике исполнения, была развернута в Центральном выставочном зале Союза журналистов СССР. Одну из работ, которую автор Лешек Фидусевич назвал «Победа!», предлагаем вашему вниманию.

КОГДА ГРУСТИТ «ЗВЕЗДА»

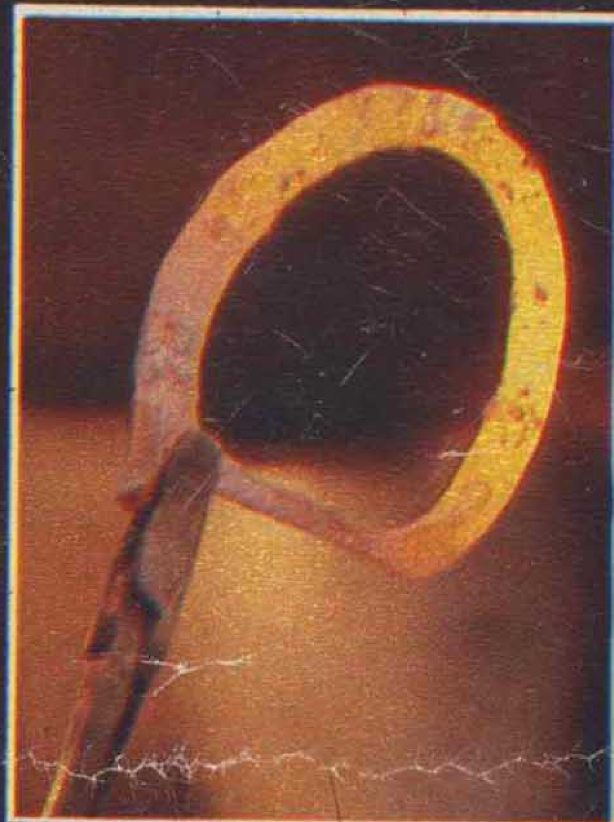

ИЛУСТРОВАНА ПОЛИТИКА

На самом деле есть что-то грустное в фигуре этого футболиста... «Десятка» туринского «Ювентуса» и нападающий французской сборной Мишель Платини. Окончен футбольный сезон в Европе, и он может оказаться последним для одного из лучших игроков мира. Дело в том, что у хозяев итальянского клуба, с которым у Платини контракт (конкретно у председателя автоконцерна «Фиат» Джанни Аньели), возникли серьезные претензии к качеству игры футболиста. В первую очередь с ним Аньели связывает поражение «Ювентуса» от мадридского «Реала» в Кубке чемпионов и от «Наполи» в национальном первенстве Италии.

В светлом помещении у шести наковален колдуют кузнецы и молотобойцы. На наших глазах из бесформенного куска металла начинает вырисовываться огненный абрис подковы.

Кузнечный цех при Центральном московском ипподроме — «сапожная мастерская» для семисот с лишним рысистых лошадей. А «обувь» у них самая разнообразная, фасонная: зимняя, летняя, обыкновенная, с шипами, с дужками.

Подковы изнашиваются быстро. Меняют их два раза в месяц. В год же уникальная кузница выпускает 15 400 станов. А слово «стан» означает на профессиональном языке четыре подковы.

...«Туфельки» готовы. За неимением рук «клиенты» не могут их надеть самостоятельно. На помощь приходят другие специалисты — ковали.

Яростно мечется пламя в горнах. Кувалдой бьют по металлу мускулистые руки молотобойцев. Брызжут искорки-звезды. «Конь-огонь», получай новую обувку!

Марат ЦЕБОЕВ
Фото Юрия ЛУНЬКОВА
и Исаака ТУНКЕЛЯ

ОГОНЁК
ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663